Дж. Я. АДЛЕЙБА

УСТНЫЕ СТИЛЕВЫЕ ОСНОВЫ СКАЗКИ

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Дж. Я. АДЛЕЙБА

УСТНЫЕ СТИЛЕВЫЕ ОСНОВЫ СКАЗКИ

(ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА АБХАЗСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Сухуми — 1991

82-3 Абх.
А 31

Ответственный редактор — доктор филологических наук

ГАЦАК В. М.

Рецензент: канд. филол. наук ДЖАПЫУА З. Д.

АДЛЕЙБА ДЖУЛЬЕТТА ЯНКОВНА. УСТНЫЕ СТИЛЕВЫЕ ОСНОВЫ СКАЗКИ. (Опыт экспериментального исследования на абхазском материале). — Сухуми: Алашара, 1991. — 340 с.

Монография посвящена актуальным проблемам фольклористики, продиктованным насущной необходимостью комплексного словесно-аудио-визуального исследования фольклорного стиля. Работа выполнена по особой методике, предусматривающей изучение образцов устнопоэтического творчества в их живом бытовании в свете требований экспериментального направления в фольклористике с обязательным использованием специальных разновременных повторных записей сказочных текстов, а также кино- и фотодокументов. Цель и задачи исследования — вскрытие особенностей стиля сказочного повествования в их обусловленности законами сохранения и передачи традиции.

4604000000
А ——————— 152-91
М (623) (06) 91

ISBN 5-520-0040

© Издательство «Алашара», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Стилевая специфичность фольклора как устного словесного искусства стала в настоящее время одной из центральных проблем фольклористики. Особое значение для исследования стиля сказки приобрела работа с разновременными (повторными) видеозвуковыми записями от одного и того же сказителя. В изучении стиля волшебной сказки это открывает новые перспективы.

Актуальность данного исследования определяется тем, что стиль волшебной сказки до сих пор изучался очень неполно (обычно — в «своей» формульной части), что не позволяло вскрыть механизм сказочного повествования во всей его сложности. Остается не исследованной и проблема усвоения, воспроизведения и «конструирования» сказочного текста каждым конкретным исполнителем. Данная работа строится на материале абхазской волшебной сказки, поэтика и стиль которой до сих пор специально не исследовались.

Историю собирания и изучения абхазских народных сказок, как и всего абхазского фольклора, исследователи разделяют на два основных периода: дореволюционный (до 1921 года) и советский (с 1921 года). Еще в дореволюционное время в русской и грузинской периодической печати появлялись образцы фольклора, в том числе и сказки, хотя эти публикации носили далеко не систематический характер [74, 7-22]. Наиболее ценны материалы абхазского фольклора, собранные членами специально созданного для этих целей «Бзыбского комитета», организованного в 1913 году в Гудаутском участке Абхазии под руководством Н. Я. Марра. Точной фиксации материала придавалось особое значение: «Записывать надлежит тексты живой речи так, как произносятся входящие в их состав слова и звуки, как их слышно в каждом данном случае, а не как они должны произноситься.

Поэтому самый правильный путь для записывательницы и записывателя, владеющих абхазским языком как родным, прислушиваться к своей речи, к речи родного села, своего ближайшего околотка и записывать с соблюдением особенностей звуков и форм, произношения и ударения по возможности соответствующего говора» [74, 19]. Зафиксированные членами «Бзыбского комитета» материалы хранятся в Ленинградском отделе Архива АН СССР. На их основании в 1967 г. С. Л. Зухба выпустил сборник материалов абхазского фольклора [89] куда вошли 62 сказки. Основная

работа по собиранию сказок развернулась после установления Советской власти в Абхазии. Стали появляться различные сборники сказок[1]. В настоящее время сотрудниками Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, а также кафедрой абхазской литературы Абхазского государственного университета ежегодно организуются экспедиции в села и деревни Абхазии для фиксации и сбора фольклорного материала, в том числе и сказок.

Вышедшему в 1935 г. сборнику «Абхазских сказок», составленному А. Хашба и В. Кукба, предпослана была первая специальная статья о сказках «Сказка как социальный фактор» (на русск. яз.).

В 1939 году была опубликована статья Мориной З. М. «Некоторые стилистические приемы и другие художественные особенности абхазских сказок» [95]. На материале переведенных на русский язык сказок в статье рассматривались юмористические элементы сказки. Исследователи считают недостатками статьи чрезмерное увлечение пересказом содержания сказок, изолированное исследование материалов и т. д. [74, 28].

Статьи о сказках публиковались также в различных сборниках сказок. Первому тому «Абхазских сказок» [14], например, предпослана статья известного фольклориста Н. П. Андреева. Ученый останавливается на общих проблемах сказковедения, говорит о сходстве некоторых абхазских сказок со сказками других народов, приводит краткую историю собирания и издания абхазских сказок, впервые предпринимает попытку их научной классификации и указывает на некоторые отличительные особенности абхазских сказок. Вступительная статья проф. Н. П. Андреева приводится и во втором томе «Абхазских сказок» после краткого предисловия составителя [13]. Некоторые мотивы и сюжеты абхазских сказок упоминаются в книге В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» [111, 29, 137, 263]. Наблюдения над некоторыми мотивами и сюжетами абхазской сказки содержатся в монографии Ш. Х. Салакая «Абхазский народный эпос» [125]. В связи с вопросами поэтики абхазского нартского эпоса о некоторых особенностях сказки говорится и в книге А. А. Аншба «Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса» [24]. В диссертационной работе А. Ш. Зухба «Фольклор и становление абхазской художественной прозы» [73] художественные принципы абхазских ска-

[1] Укаж. осн. из них: Два Маджа. Абхазские сказки и легенды. Сухум, 1935; Абхазские сказки. Сост. А. Хашба и В. Кукба. Сухум, 1935; Абхазские сказки. Сост. А. Хашба и В. Кукба. Сухум ,1936 (на абх. яз.); Абхазские сказки. I том. Сост. К. Шакрыл, Х. Бгажба. Сухуми, 1940, 2-е изд. — Сухуми, 1965 (на абх. яз.); Абхазские народные сказки. Сост., обр. и пер. с абх. Х. С. Бгажба. Сухуми, 1959, 2-е изд. — Сухуми, 1965, 3-е изд. — 1974; Сын Оленя. Абхазские народные сказки. Сост. и пер. с абх. Х. С. Бгажба. Сухуми, 1959; Материалы абхазского фольклора (из арх. акад. Н. Я. Марра). Сост., подг. к печ. С. Л. Зухба, 1967 (на абх. яз.); Абхазские народные сказки. II том. Сост. К. С. Шакрыл. Сухуми, 1968 (на абх. яз.). Абхазские сказки. Собр. и подг. к печ. С. Л. Зухба. Тбилиси, 1976 (на абх. яз.) и другие.

зок рассматриваются в сравнительном с прозаическими художественными произведениями аспекте. Специальному исследованию абхазской народной сказки посвящена книга С. Л. Зухба «Абхазская народная сказка» [74]. В ней освещена история собирания и изучения абхазского фольклора, в частности сказок, делается попытка определения термина «алаку» («сказка»), определения сказки как жанра и ее классификации, даны основные образы абхазских народных сказок и их идейно-тематическая сущность, наблюдения над взаимоотношениями сказки с другими жанрами абхазского фольклора. В особом разделе автор останавливается на вопросах поэтики и традиции исполнения сказки. Однако конкретный анализ стиля абхазской сказки не входил в замысел автора, поэтому он касается лишь отдельных моментов формульности.

Как видно, стиль абхазской народной сказки совсем не изучен. Недостаточно исследован стиль сказки и в общетеоретическом плане. Существующие по этой проблеме работы лишь намечают общие пути ее изучения, не представляя собой конкретного и целостного исследования. В этом смысле более разработана проблема формульности в сказке[2]. Ставившийся неоднократно вопрос об изучении сказочника как артиста до сих пор не получил своего конкретного разрешения[3]. Все это — лишь подступы к изучению проблемы исследования стиля сказки, его устных основ.

Научная новизна предлагаемой монографии определяется необходимостью вскрыть устные основы сказочного стиля, механизм сказочного повествования, «секреты» традиции. Впервые на абхазском материале рассматриваются и анализируются особенности повествования сказочного текста, характер его интонирования и мимика и жестикуляция сказочника в процессе исполнения им сказки. Поставленные задачи реализуются на материале абхазской волшебной сказки в фиксациях прошлых лет (как дореволю-

---

[2] Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974; Бараг Л. Р. Беларуская казка. Мінск, 1969 (на белорус. яз.); Его же, О традиционной стилистической форме белорусских сказок и ее изменениях. — Уч. зап. Башкирского ун-та, вып. 17, № 4, 1964; Блажес В. В. Присказка. Закон композиционного контраста. — «Фольклор Урала. Народная проза». Свердловск, 1976; Иванова Т. П. Исполнительское мастерство сказочницы. — «Вопросы поэтики литературы и фольклора». Воронеж, 1974; Бахтина В. А. Пространственные представления в волшебной сказке. — «Фольклор народов РСФСР», вып. 1. Уфа, 1974; Савченко С. В. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914; Елеонская Е. Некоторые замечания по поводу сложения сказок. Заговорная формула в сказке. М., 1912; Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки. — Журн. «Советская этнография», № 5, 1978; Ее же. Пространственно-временные формулы в русской волшебной сказке. — «Русский фольклор». Л., 1978; Новиков Н. В. К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки (начальные и заключительные формулы) — «Отражение межэтнических процессов в устной прозе». М., 1979.

[3] Азадовский М. К. Беседы собирателя. М., 1924; Карнаухова И. В. Об изучении сказочника как артиста (публикация В. М. Гацака). — «Фольклор. Поэтическая система». М., 1977, с. 311—323; Савушкина Н. И. О собирании фольклора. М., 1974; Ее же. Русский народный театр. М., 1976 и другие.

ционных, так и осуществленных в советское время)[4] и в специальных разновременных (повторных) звуковых записях, осуществленных автором в августе—сентябре 1977, в августе 1978, в ноябре 1980 и январе 1981 г. в различных селах и деревнях Гудаутского и Очамчирского районов Абхазской АССР с применением фото- и киносъемок[5]. Такое фиксирование материала носило характер программной нацеленности. Исследование проблемы по такой методике позволяет сделать не только локальные заключения, но и выводы общетеоретической значимости. В этом отношении работа призвана способствовать развитию экспериментального направления в изучении устнопоэтической традиции, весьма актуального в наше время [110, 44-53].

Цель и задача исследования — выявление особенностей стиля сказочного повествования в их обусловленности законами сохранения и передачи традиции. Помимо выявления и анализа формульного пласта в работе ставится задача вскрытия 1) характера словесного оформления повторяющихся несколько раз одних и тех же действий, т. е. соответствует ли повторяемость словесная (лексическая) событийной повторяемости; 2) характера интонирования словесного оформления событийной повторяемости и 3) изучения «природы» мимики и жестикуляции сказочника в момент исполнения им сказки. Разрешение этой триединой задачи позволит выяснить устные основы сказочного стиля.

В основу исследования положен принцип диалектического единства формы и содержания. Метод исследования состоит в 1) сопоставлении частей отдельно взятой сказки между собой; 2) выявлении устойчивых и изменяемых компонентов в ней; 3) в сопоставлении сказок, записанных от разных сказителей; 4) в сличении разновременных записей, как текстуальных, так и звуковых, а также зафиксированных с помощью фото- и кинопленки.

Выявление характера и специфики воплощения категории традиционных формул в абхазской волшебной сказке представляет несомненный интерес, хотя формульный аспект в теоретическом отношении уже изучен. Автономизированное изучение формульного пласта на абхазском материале вызвано его некоторым специфическим характером. Типы формул и их анализ во времени даны в главе «Традиционные формулы абхазской волшебной сказ-

---

[4] В работе использованы тексты сказок, вошедшие в следующие сборники: 1) Абхазские сказки. 1.1. Сост. К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба. 2-е изд. Сухуми, 1965 (в предлагаемой работе название сборника приводится сокращенно: Шакрыл-Бгажба); 2) Материалы абхазского фольклора (из архива акад. Н. Я. Марра). Сост. подг. к печ. С. Л. Зухба. Сухуми, 1967 (далее — Марр); 3) Абхазские сказки. 1.II. Сост. К. С. Шакрыл. Сухуми, 1968 (далее — Шакрыл); 4) Абхазские сказки. Собр. и подг. к печ. С. Л. Зухба. Тбилиси, 1976 (далее — Зухба) (см. Список принятых сокращений). Записи отвечают научным требованиям фиксирования фольклорных текстов.

[5] Фиксация производилась на магнитофонную ленту, одновременно — на кино- и фотопленку, были использованы и слайды.

ки», а их интонационный анализ перенесен в главу «Интонационно-ритмическая система сказки».

«Заданность» сказки в ее живом стилевом воплощении далеко не охватывается одной лишь категорией традиционных формул. Исследуемый материал показывает, что традиционная обусловленность сказки гораздо шире. При этом имеется в виду не событийная повторяемость, а ее словесно-смысловое воплощение как важный стилеобразующий фактор. Конкретно речь идет о типизированных повторах, их строении, принципах повторения, функциях и художественном смысле. Особое внимание уделено стилевым уровням повествования. Словесно-смысловые типизированные повторы рассматриваются в работе не только в пределах однократных записей сказок, но и на материале повторных звуковых записей с целью понять механизм сохраняемости и изменяемости во времени, учитывая принципиальную важность воспроизводимости текста во времени. Делается предположение, что стереотипические повторы представляют собой целую систему построения сказки, обусловливающую ее словесно-смысловую устойчивость, что это — повествовательная основа сказки. Этому посвящена глава работы «Неформульно-повествовательная стереотипия в волшебной сказке».

Сказка — сложная словесно-интонационная субстанция. Устность сказки не ограничивается словесной стереотипией. В этом смысле остается неразрешенной проблема роли интонационных средств.

Анализ проведенной автором серии специальных магнитофонных записей позволил выяснить некоторые существенные моменты и закономерности в использовании сказочниками интонационных средств, выявить типы и разновидности интонации в волшебной сказке. Однако интонированный стиль сказки нельзя свести к простой и нерушимой типизации, так как он представляет собой своеобразную игру оттенками голоса. Изобразительно-голосовая экспрессия является одной из важнейших его особенностей. В этом плане типы интонации не существуют в «чистом» виде.

Особое внимание в исследовании уделено свойству сказочного текста подвергаться ритмизации. Сказочный текст богат различными ритмически организованными «кусками», «отрезками» речи. Ритмичность создается в основном однотипно-перечислительной интонацией вместе с логическими ударениями и паузами. Ритмизации подвергаются некоторые виды формул, нередко — сказительские ремарки, с одной стороны, с другой, — благодаря «подвижности» самого явления ритмизации, — самые различные «кусочки» повествования. Ими могут оказаться и характеристика, данная герою, и описания, и повторяющиеся действия и т. д. В ритмический «узел» могут стягиваться и неоднородные понятия. Для более глубокого изучения этого явления привлечены повторные звуковые записи одних и тех же сказок, сравнительно-интонационный анализ которых покажет, сохраняются ли ритмические принципы по-

вествования во времени. Это позволит выяснить механизм сохраняемости. В этом смысле нами предполагается наличие ритмической сохраняемости за счет особой интонационно-ритмической памяти.

Большой интерес представляет интонационный анализ типизированных повторов, выяснение, оправдано ли выделение словесно-смыслового типизированного повтора в качестве единицы повествования с точки зрения его интонационного «оформления». В этом плане в работе рассматривается определенный набор стереотипических повторов с точки зрения использования в них интонационных средств. Сказочник использует интонационный арсенал, следуя определенным принципам, отталкиваясь при этом от определенного лексического запаса и опираясь на него. Подобный анализ позволяет выяснить, ограничивается ли сходство составных частей повтора одним лишь лексическим запасом, или же это дополняется и интонационной близостью, схожестью, или интонационной совпадаемостью. Выясняется, что в пределах одного и того же текста повтор предстает не только в качестве словесно устойчивой единицы, но и как интонационный блок, внутри которого части определенным образом повторяют друг друга. На этом основании делается вывод о существовании неких принципов, которым следует сказочник, излагая свой сказочный материал, в частности, при передаче им типизированных повторов. Для того, чтобы убедиться в существовании определенной системы интонации в отношении типизированных повторов, автором данного исследования был произведен их интонационный анализ на материале разновременных записей. Анализ подчинен выяснению, действуют ли эти принципы во времени, являются ли они постоянным критерием одинакового, или сходного интонационного «оформления» повторов, и основываются ли они на памяти сказителя. Об этом говорится в главе «Интонационно-ритмическая система сказки».

Проблема изучения устного сказочного стиля включает в себя и другую грань повествования. Это — мимика и жестикуляция сказочника в момент исполнения им сказки (глава «Мимика и жест в искусстве устной сказки»). Ведь исполнение сказки — не односторонний процесс. Сказка не просто исполняется, но она и сама оказывает влияние на исполнителя. Произведенные для наблюдений за этим явлением съемки дали определенные результаты. Была сделана попытка выявить характер мимики и жестов, а также закономерности оперирования ими. При этом мы старались выяснить, есть ли какая-нибудь связь между жестами и интонированием текста. В этом смысле особое внимание уделено характеру «стыкования» интонирования и принципов пользования жестами.

Таким образом, в монографии поставлена задача исследования следующих взаимообусловленных закономерностей: 1) выявить формульный пласт абхазской волшебной сказки; 2) выявить характер словесного оформления повторяющихся несколько раз

одних и тех же действий, т. е. соответствует ли событийной повторяемости повторяемость словесная, лексическая; 3) каков характер интонирования словесного оформления событийной повторяемости и 4) какова «природа» мимики и жестикуляции сказителя в момент исполнения сказки. Исследование материала ведется в синхронном и диахронном плане.

Глава I

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ АБХАЗСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Абхазская волшебная сказка богата разнообразными традиционными поэтическими формулами. Являясь в основном частью и как бы «повторением» поэтического арсенала волшебной сказки вообще, формульный пласт абхазской волшебной сказки не лишен вместе с тем и национального колорита.

В данной главе делается попытка просмотреть абхазскую сказку с точки зрения воплощения в ней категории традиционных формул. При этом формулы классифицируются с учетом их конкретно-содержательной стороны и художественно-эстетической функции в общей системе построения сказки. Обращается внимание на вариативность и жизнь формул во времени, а также на характер использования разными сказочниками одних и тех же формул. Интересны оказались результаты анализа формул с точки зрения их интонационного оформления. Однако эту сторону формул показалось целесообразным не рассматривать в отрыве от других составляющих сказки. Этим объясняется перенесение анализа интонирования формул в главу «Интонационно-ритмическая система сказки».

I. Основные типы традиционных формул абхазской волшебной сказки

Традиционные формулы абхазской волшебной сказки, как и формулы сказок других народов, делятся на три большие группы: 1) **начальные (вступительные)**, 2) **серединные** и 3) **конечные (заключительные)** формулы.

§ 1. Начальные (вступительные) формулы

Абхазская волшебная сказка знает несколько типов начальных формул. Основным из них является тип **формул-зачинов**, суть которых — передача информации о существовании героя (или героев):

Дыҟан аҳак. Был один царь.
(Шакрыл, 46)

Иҟан лыгажәыки ҭакуажәыки. Были старик и старуха.

(Шакрыл, 127)

Этот тип — самый простой и распространенный тип начальных формул по своей конкретно-содержательной и поэтической функциям.

Следующий тип — начальные формулы **времени (хронологические формулы).** Укажем несколько примеров:

З'ны айбашьрак ыҟан. Однажды война была.

(Марр, 27)

Ажәытә аҳак дыҟан... В старину один царь был...

(Зухба, 82)

В этих формулах, помимо констатации факта существования героя (или героев), присутствует и показатель времени. Однако понятие времени в формулах отвлеченное, неопределенное. Время почти никогда не указывается конкретно. Действие сказки свершилось «когда-то», «однажды», «в старину» и т. д., т. е. в отдаленное от исполнителей и слушателей сказки время.

Иногда у слушателя возникает иллюзия некоторой конкретности показателя времени:

Анкьа, сабдыў, ўабдыў ихаан аҳык дыҟан... Давным-давно, во времена моего деда, твоего деда один царь был...

(Марр, 65)

Қыр шықуса раҧхьаҟа дынхон Қазаху ҳәа ҩажәижәаҩык аҧацәа змаз... Много лет назад жил один по имени Қазаху, тридцать сыновей имевший...

(Шакрыл, 51)

Однако конкретность времени и в подобных формулах — кажущаяся, так как она несет нагрузку больше художественно-эстетическую, нежели конкретно-временную. «Сказочное время — реальность только самого произведения, оно художественный вымысел» [36, 158].

Начальные формулы **пространства (топографические формулы)** указывают на место, где происходят события сказки. Но, подобно сказочному времени, место сказочных событий конкретно не определено.

Ҳәынтқаррак аҟны дынхон аҳ дук. В одном государстве жил один большой царь.

(Шакрыл, 110)

Қытак аҽы дынхон аҳак. — В одной деревне жил один царь.

(Шакрыл, 55)

Иногда пространство как бы определяется через эпитет, прикрепляемый к имени героя:

Дыҟан Аҧсны Ҳасан ҳәа хатца ҕуҕуак. — Был один сильный мужчина по имени Апсны Хасан.

Дыҟан нхытцгьы Ҟубина Ҳасан ҳәа даҽа хатца ҕуҕуак. — Был за перевалом другой сильный мужчина по имени Кубина Хасан.

(Шакрыл-Бгажба, 94)

Встречаются начальные формулы с присказками:

Лаку, лаку, сышнеиуаз, иҟан лыгажәыки ҭакуажәыки, урҭ ҧҳа заҵәык дрыман. — Сказка, сказка, как я шел, были старик и старуха, они единственную дочь имели.

(Шакрыл-Бгажба, 151)

Лакә, лакә, сыз'нейуаз акәмкәа аҳак дыҟан, хҩ-ҧацәа иман. — Сказка, сказка[5/], как я шел, один царь был, троих сыновей имел.

(Марр, 57)

Лаку, лаку, сышнеиуаз, дыҟан ҭуҵьар дук. — Сказка, сказка, как я шел, был один большой купец.

(Шакрыл, 93)

Подобные присказки не связаны с фабулой сказки, они служат цели сосредоточения внимания аудитории на сказке, которую сказочнику предстоит рассказать. Чаще всего они призваны смешить аудиторию. В настоящее время присказку такого типа сказочники применяют реже [74, 215].

Многие начальные формулы сразу и непосредственно вводят слушателя в действие сказки:

Аҳак иҧа амҩа дыҕулеит. — Сын одного царя отправился в путь.

(Зухба, 43).

Ҳаҵьы Смел даара бзиа иҟаз уаҩын. — Хаджи Смел очень зажиточным человеком был.

(Шакрыл-Бгажба, 37)

Ҧшьҩейшьцәак йаҳәшьак дрыманы инхўан. — Четверо братьев с одной сестрой жили.

(Марр, 21)

[5/] В данном случае слово «сказка» воспринимается как синоним слова «чудо».

Есть формулы, сложные по своему лексико-синтаксическому составу, содержащие сразу несколько разнородных сообщений:

Аҳак ҧа заҵәык диман, даҽа ҳакгьы ҧҳа заҵәык диман.
Аҧа К[а]бард[а] Ҳасан ихьзын, мырҵашәара дынхон, аҧҳа Саўакьа лыхьзын, мыргыларҵа дыҟан.

Один царь единственного сына имел, и другой царь единственную дочь имел.
Сына Кабарда Хасан звали, на западе жил, дочь Сауакиа звали, на востоке была.

(Марр, 76)

В этой формуле два сообщения о существовании героев сопряжены с сообщением о пространстве и более второстепенным сообщением имен героев. Причем, помимо неясных топографов «восток», «запад», сказочник дает указание на более «конкретное» место — Кабарда, которое стало как бы эпитетом к имени царевича (такое в абхазских сказках случается нередко).

Встречаются также **формулы-характеристики.** Характеристика при этом двоякого плана: либо дается характеристика качеств героя, либо характеризуется его жизнь:

Аҧсʻыўак даара оҩ шәаҩны дыҟан.

Один абхаз очень трусливым человеком был.

(Марр, 63)

Қытак аҟны инхаўан х-ҩык айшьцәа, йейбацәан, ран дыҟамызт, раб дыҟамызт. Излацәаҧәаўаз аҵырхага ацәқәа рымамызт.

В одной деревне жили три брата, они были сиротами, матери их не было, отца их не было. Чтобы вспахать поле, быков не имели.

(Марр, 22)

Нередко понятие «начальной» формулы становится относительным в силу появления ее в середине повествования. Таких моментов в абхазской сказке много, т. е. в середине сказки вдруг появляются формулы, содержащие элементы вступительных:

Быжь шьхак рынхытҵ жәаҩаҩык адауцәа ыҟан.

За семью горами двенадцать адау [великанов] было.

(Зухба, 62)

Гунда-ҧшʒа ҳәа ҳәынҵқарк дыҟоуп абра.

Здесь есть государыня по имени Гунда-пшдза [Гунда-Прекрасная].

(Зухба, 95)

Мышкы зны аҳ шьоура дцон.

Однажды как-то царь отправлялся мстить.

(Шакрыл-Бгажба, 128)

Строение этих формул почти полностью идентично строению вступительных, с которых начинается сказка.

§ 2. Серединные формулы

Серединные формулы целесообразно делить на **фабульно-обусловленные** и **фабульно не обусловленные.**

а) Фабульно не обусловленные формулы

Фабульно не обусловленные формулы используются с целью пробуждения внимания слушателей, при переходе к новому эпизоду в повествовании, при необходимости сказочнику сосредоточиться (или по другим субъективным причинам).

Посмотрим примеры.

В абхазской волшебной сказке встречаются, хоть и не очень часто, формулы, **имеющие целью пробудить внимание** слушателей:

Алаку уажәоуп ианыҟало умбои, арыцҳара уажә иақушәт!

Сказка, видишь ли, будет сейчас, беда с ними [с героями] приключилась!

(Зухба, 77)

С помощью этой формулы сказочник дает понять, что настает интересный переломный момент в повествовании.

Переходных формул также не очень много:

Уи аӡҕаб хышәи хынҵажәи хуба мшы хышәи хынҵажәи хуба лаку илҳәаз зегьы сгуалашәом, аха исгуалашәо акы шәасҳәап.

Той девушкой рассказанных за триста шестьдесят пять дней всех тех трехсот шестидесяти пяти сказок я не припомню, но одну, которую помню, вам расскажу.

(Зухба, 113—114)

Произнеся эту формулу, сказочник принимается рассказывать новый сюжет, т. е. сказку, не связанную с ранее переданной. Подобные формулы служат как бы внешней связкой отдельных сюжетов, реже — эпизодов.

Формулы типа «Забыл вам сказать» помогают вставить в повествование отдельные сегменты, эпизоды сказки:

Исхаштыз, аҳ Қуаблыху диҧхьан иара иҿы дааигеи уажәи рыбжьара, Қуаблыху иани иаби... — Ҟулеи Мсыкудеи... — зегь рыла аҳ ибзианы иныҟуигон...

Что забыл вам сказать, с тех пор, как царь вызвал и привел к себе Коблуха, мать и отца Коблуха — Кулу и Мсыкуду... — царь во всем хорошо содержал...

(Зухба, 27)

Гораздо чаще употребляется формула «Ибзиоуп» — «Хорошо». Ее использование вызвано несколькими причинами. Первая (и более важная) из них: сказитель находит необходимым как бы подвести итог уже рассказанной части и особо выделить тот сказочный момент, вокруг которого далее будут развертываться события. Этим и объясняется желание сказочника активизировать внимание аудитории:

Ибзиоуп, уигьы еиликааит Хабжьын... — Хорошо, и это выяснил Хабжин...

(З у х б а, 93)

Формула выделяется, подобно ремарке, паузы способствуют еще большему выделению формулы из общего потока речи. Возможно, что тем самым сказочник делает передышку или хочет сосредоточиться (чтобы вспомнить детали и пр.).

Формула встречается и без всякого пояснения:

Ибзиоуп. — Хорошо.

(Т е т. № 5[6], с. 518, сказка «О неудачнике», сказитель Колбая Х. М., 14.08.78 г., с. Абгархук).

Уи бзиоуп. — Это хорошо.

(Т е т. № 4, с. 424, сказка «Два друга», сказочник Бечвая Р., 29.08.77 г., с. Атара).

В таких случаях еще четче основное назначение этих формул — разграничить соседние эпизоды (сегменты) сказки.

К **фабульно не обусловленным** серединным формулам примыкает и формула-вопрос:

Иҟаиҵах"уаз... — Что бы он [герой] сделал...

(З у х б а, 108)

Иҟаиҵах"уаз... — Что бы он сделал...

(Ш а к р ы л - Б г а ж б а, 140)

Иҟаиҵуоои? — Что он будет делать?

(Т е т. № 5, с. 493, сказка «Словом вскипятивший котел (воды)», сказитель Колбая Х. М., 19.08.78 г., с. Абгархук).

Формула произносится с соответствующей вопросительно-риторической интонацией. В голосе сказителя ощущаются пессимистические нотки. Сказочник как бы размышляет за героя, сочувствует

[6] См. список принятых сокращений.

ему. И нотки пессимизма не случайны, для опытного слушателя это — своего рода сигнал: ведь сказка «любит» неожиданные повороты, и слушатель вправе ожидать интересных событий.

Сочувствие сказочника к герою сказки может прозвучать и открыто:

Аха иҟалҵо ҳәа акры лдыруа дыҟоума, рыцҳа?! — Но разве она знает, что ей делать, бедная?!

(Зухба, 64)

Подобные формулы тоже активизируют внимание слушателей, будят в них интерес к еще не рассказанным сказочным событиям.

б) Фабульно обусловленные формулы

Фабульно обусловленные серединные формулы разнообразны и многочисленны. Они группируются вокруг сказочных героев, событий или свойств чудесных предметов. В соответствии с этим можно выделить несколько групп подобных формул. Все они так или иначе связаны с сюжетом (фабулой) сказки. Формулы определяют образы сказочных персонажей:

Лара убри аҟара дыбзиан, амреи амзеи реиҧш дыҧхон. Лнапы аҧенцьыр ианаакыллырҳәҳәалак адунеи арлашон. — Она так хороша была, что подобно солнцу и луне, светилась. Руку из окна высунет — весь мир осветит.

(Шакрыл-Бгажба, 66)

Сравнение с блеском солнца или луны — частое явление для данной группы формул.

Очень часто встречаются формулы, в которых внешность героя сказки передается посредством реакции на нее других сказочных персонажей. Возьмем один вид таких формул:

Быжьҩеишьцәа раҳәшьа лсахьа аниба, ачкун иҧсы маҷхан иара уаацәҟьа дкаҳаит. — Увидев портрет сестры семерых братьев, юноша потерял сознание и там же упал.

(Шакрыл-Бгажба, 105)

Та же формула встречается и в других сказочных сюжетах:

Ўа адаҟьаҿы икнаҳан ҧҳәыс'ба бзиак лпатреҭ. Решьыҭ ўи аниба, дкаҳан ихы адашьма йадиҟәаҟәалахьан... — Там на стене висел портрет одной хорошей [прекрасной] девушки. Решит, увидев его, упал и голову свою об пол чуть не разбил...

(Марр, 27)

Асахьа даннахуаҧш, аҳ иҧа иҧсы маҷхан дкаҳаит. — Посмотрев на портрет, царевич потерял сознание и упал.

(Марр, 79)

Этот тип формул не описывает красоту героини конкретно и детально, тем не менее красота передана, и она необычайна. О красоте можно судить по поведению героев, которые не могут созерцать ее спокойно. Сказка описывает красоту особыми, свойственными ей приемами. Таким образом, одно из важных общих свойств сказки — передавать суть, не вдаваясь в подробности, — проявляется довольно четко и в частных случаях.

Формулы **чудесного роста** сказочных персонажей (**гиперболические** формулы) являются косвенной временной характеристикой: героям нужно немного времени, чтобы вырасти в сильных и мощных. И это — одно из свидетельств необычности самих героев:

...аҳ иҧа мшы зҳа изҳауан, цхы зҳа изҳауан...

...царевич с ростом дня рос, с ростом ночи рос...

(Зухба, 82)

Аҧа илоуз иахьа изҳауа, уацәы изҳауа, уацәашьтахь изҳауа...

Рожденный ею сын сегодня рос, завтра рос, послезавтра рос...

(Зухба, 128)

...ачкун диыит. Иахьа изҳауа, уацәы изҳауа...

...сын родился. Он сегодня рос, завтра рос...

(Тет. № 1, с. 3, «Сказка о семи братьях», сказитель Конджариа Н. З., 11.08.77 г., с. Бзыбь).

За счет повторения одних и тех же словосочетаний (или фраз) достигается ощущение чудесного, быстрого роста, о котором говорится сжато и образно. Понятие «рос с ростом дня, рос с ростом ночи» тождественно русскому «не по дням, а по часам». Быстрота роста подчеркивается и интонацией: формула состоит из нескольких, произносящихся с однотипно-перечислительной интонацией, повторяющихся понятий. Повторяющиеся части почти всегда отделены друг от друга одинаковыми по длительности паузами. А формулы типа «иахьа изҳауа, уацәы изҳауа, уацәашьтахь изҳауа...» — «сегодня рос, завтра рос, послезавтра рос...» по звучанию напоминают ритмичный монотонный счет.

Но есть и другой тип формул, повествующих о чудесном росте описательным образом:

Шьыбжьонынза ан акыкахш ацәеит. Ашьыбжьышьтахь уаҩ дакутәартә иҟалеит.

До обеда он [жеребенок — Дж. А.] молоком матери питался. После обеда на нем можно было ездить.

(Зухба, 98)

Формулы, описывающие действия сказочных персонажей, по своему звучанию примыкают к ритмическим формулам роста. Таковы формулы, содержащие косвенную характеристику пройденного героем пути (формулы **повторения действий**):

Дыц′ӳа, дыц′ӳа, дыз′нейӳаз акәмкәа...

Шел, шел, как шел, вдруг...

(Марр, 68)

Ицо, ицо, ицо мацара...

Шли, шли, шли все время...

(Зухба, 63)

Дцоит, дцоит, дцоит, иахьа, уатцәы, уатцәашьтахь, дныкуоит.

Идет, идет, идет, сегодня, завтра, послезавтра, ходит.

(Зухба, 89)

Ах дцо мацара, иара дишьта, ах дцо, иара дишьта...

Царь все идет, он за ним, царь идет, он за ним...

(Зухба, 27)

Азәазәала иҩаихьзо даарысны иааҽыжәих′уа, азәазәала иҩаихьзо дааисны дааҽыжәих′уа...

Тех, кто в одиночку догонял его, стаскивая с коней, того, кто в одиночку догонял его, стаскивая с коня...

(Тет. № 5, с. 445, сказка «Сын старика», сказитель Колбая Х. М., 14.08.78 г., с. Абгархук).

Ари зныкилҳәеит, ҩынтә илҳәеит, хынтә илҳәеит...

Это (она) раз сказала, второй раз сказала, третий раз сказала...

(Зухба, 118)

Повторением слов-действий, интонацией, паузами подчеркивается время, которое тратит герой, чтобы совершить то или иное действие.

Своеобразны перечислительные формулы времени, закрепленные за отдельным сказочным действием или событием:

Уахык цит, ҩаха цит, хаха цит...

Ночь одна прошла, две ночи прошло, три ночи прошло...

(Зухба, 143)

Мышкы, ҩымш, хымш...

Один день, два дня, три дня...

(Зухба, 89)

Ус′ ехьа акәм, ус′ ӳацә акәм, ус′ есымша...

Так (не только) сегодня, так (не только) завтра, так всегда...

(Марр, 63)

Ари мышкы акумхеит, ҩымш ракумхеит, хымш ракумхеит...

Это (так) не (только) один день, не (только) два дня, не (только) три дня...

(Тет. № 6, с. 500, «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказитель Квачахия Ш., 17.08.78 г., с. Атара).

В той же сказке от того же сказителя в записи, осуществленной спустя более двух лет, та же формула звучит подобным же образом, но содержит в себе указание на конкретное действие героя, к которому оно относится:

Ари иахьа дыҳәҳәет, ари уаҵәы дыҳәҳәет... — Этот сегодня кричит, этот завтра кричит...

(Т е т. № 7, с. 566, 18.01.81 г.).

Отдельную группу составляют **ситуативные формулы.** Они прикрепляются к отдельному сказочному мотиву, сказочной ситуации. Таковы формулы **приближения сказочных персонажей,** формулы **поединка,** формулы, передающие, как **противник чувствует присутствие героя по его запаху** (или — наоборот), формулы **преждевременного расколдовывания и пробуждения героев.**

Формулы **приближения сказочных персонажей:**

Аиҳабы данааҳа адгьыл хыцхыцуеит. Убри ишьҭагылоу данааҳа ашәаҧыцьаҧ нхом уҳәаратәы убри аҟара аҧша ыкулоит. Уи инаишьҭагыланы иааиуа иаан адгьыл бго, ашәаҧыцьаҧ еилаҳаҳа иалагоит. Аицыбза данааҳа адгьыл амца ак"уеит.

Когда идет старший брат, земля содрогается. Когда идет следующий за ним, кажется, что деревьев не останется, такой ветер поднимается. При появлении следующего за ним земля начинает разверзаться, деревья — валиться. Когда идет самый младший [брат], земля огнем загорается.

(Ш а к р ы л - Б г а ж б а, 47)

Художественной особенностью подобных формул является ступенчатое «сгущение красок». Братья — как звенья одной цепи, чем дальше звено, тем оно крупнее и мощнее по силе.

Уафы еиқуак ҽ-еиқуак дақутәаны матәа еиқуаҵәала деилаҳәаны, ахҭырҧа еиқуаҵәа иханы, ачыху еиқуа ыргьало, аҟамчы еиқуаҵәа кны амфан дааиҧылт. Адгьылгьы абнагьы аиқуара нархаҧеит.

Смуглый человек на вороном коне, одетый в черную одежду, в черном башлыке с развевающейся черной бахромой, держа черную плетку, появился ему навстречу. И землю, и лес обуяла тьма.

(Ш а к р ы л - Б г а ж б а, 84)

Все перечисляющееся в формуле — одного цвета. Такое своеобразное «сгущение красок» способствует созданию соответствующей атмосферы восприятия сказочной ситуации с заранее угадываемым результатом: черное — символ зла — временно побеждает над светлым.

Появление сказочного героя, или его приближение всегда особо отмечено:

Убри аамҭазы иаамацәысит, иаалашеит агуашә ахь. Иблахкыгаха иаарҽаҵҵеит зегьы, ҧхәыскгьы лыбжьы ҿацаза иааҩит:
— агуашә аашәырты!..

В это время сверкнула молния, стало светло у ворот. Ослепительно сверкнуло перед всеми, и голос какой-то женщины властно раздался:
— Ворота отворите!..

(Шакрыл, 99)

Убри аамҭазы иаамацәысит, иаалашеит зегьы, идыдит, аҧсҭхәа ҩахатәеит. Аҧсҭхәа даалҵит азәы дыжжаза, дмитәха, арашь дакутәаны, иахәа ҟьаҟьа цырцыруа даарылалт имшынха иааназ аҕа ир... иахәа иҟьацыҧхьаза имацәысуан.

В это время сверкнула молния, осветилось всё (вокруг), грянул гром, обволокло (всё) облаком.
Из облака вышел кто-то, светясь, (весь) грозный, на арапе сидя, сверкая широким мечом, ринулся на надвигавшееся подобно морю вражеское войско... С каждым взмахом его меча сверкала молния.

(Шакрыл, 96)

Необычайность силы и красоты «таинственного» героя показана через описание предшествующих его появлению грозных явлений природы.

Чрезвычайно интересны традиционные формулы **поединка**. Соперники почти равны по силе. Каждый из них достойно парирует выпад другого. Поединок, однако, почти всегда завершается победой героя над соперником-антагонистом:

Адаў аҧс'ўа даашьтыхны дылкыдйҟьан ишьамхаҟынза длытцейтцейт. Аҧс'ўа адаўы даашьтыхны дылдәыкәитцан ўатәашәпара длытцалейт. Дырҩагь адаўы аҧс'ўа дылдәкәитцан ишьамхы илахысўа длытцейтцейт. Нас [аҧс'йа] йаҳәа аатыхны ихәда аахыйтцәйт.

Адау, подняв абхаза, стукнул им [об землю], абхаз вошел [в землю] по колено. Абхаз, подняв адау, стукнул им [об землю], адау вошел [в землю] по бедра. Опять адау абхаза кинул, абхаз вошел [в землю] выше колена. Затем [абхаз] выхватил саблю и горло ему [адау] перерезал.

(Марр, 21—22)

Формула строится на стилистическом приеме скачкообразного нарастания накала поединка. Тем самым подчеркнута сила и мощь победившего героя и его превосходство над сильным соперником.

Однако такая «ступенчатость» борьбы не всегда сохраняется, т. е. «ступеньки», «звенья» борьбы порой выпадают из описания поединка:

Амаҭ аҵыхуала Қамса ианис, ишьамхқуа рҟынза адгьыл длытцалт.

Змей своим хвостом ударил Камсу, он [Қамса] вошел в землю по колена.

Қамса иаҳәала ахрыгуҳәа быжь-хык зхагылаз амаҭ ҩ-хык аахитҵеит.

Иара ус ишеисуаз Қамса абжьхыкгьы аахитҵоан, ишьит.

Камса своим мечом семиголовому змею две головы отрубил.

Так в борьбе Камса все головы отрубил и убил его [змея].

(Шакрыл, 129)

Существует и другой тип традиционного описания поединка, в котором используется мотив победы над врагом с помощью золы и горящих угольев:

...Ҳаҵьы Смел-иҧа иаҳәа ааҭҧааны иаамҩанитҵан адау ихы ихисеит, аха дырҩагьых даҽеа хык ихагылеит. Нас ҧсыхуа изыкамҵо даналага — ахушҧырҧы! — ҳәа дыҳәҳәеит, иаразнакы ахушҧырҧы изаарган ихы хҵәаны ианлыҟуижь инаҟуиҧсан, уаҳа егьизыкамҵеит адау.

...Хаджи Смела-сын меч свой выхватив, взмахнул им, отсек адау голову, но опять у того другая голова выросла. Тогда, отчаявшись что-либо сделать, — горящиҳ угольев! — крикнул он, сразу горящие уголья принесли ему, отрубил ему [адау] голову и насыпал их на рану, больше ничего не смог сделать адау [на том и кончил адау].

(Шакрыл-Бгажба, 40)

Мальчик идет освободить реку от адау (великана), охраняющего ее. При этом он берет с собой горячую золу и уголья:

Иаҳәа ҭҧаа длаисын, ихы хҵәаны ахуа цареи ахушҧырҧи анлыҟуиҧса адауажә иҧсрагьы уи акухеит.

Меч свой выхватив, кинулся на него, отрубил ему [адау] голову, и, когда высыпал [на рану] горячую золу и уголья, на том смерть адау и наступила.

(Шакрыл, 83)

Формулы, передающие, как **противник чувствует присутствие героя (или наоборот) по его запаху.**

Сестра прячет своего брата от мужа-адау, который чувствует по запаху чужого (абхаза):

Адаўы ҭлакы ытҳхны ашәарахҟәа ахшьны иманы даайт. Данаай, "аҧсʻўак ифҩы саҳаўеит" ҳәа аҳәара далагейт.

Адау, неся нанизанных на вырванное дерево убитых зверей, явился. Когда пришел, «абхаза запах слышу», — стал говорить.

"Аҧсʻўа ара дабаҟаз?" лҳәо далагейт йаҳәшьа.

«Абхазу здесь откуда взять-ся?», — стала говорить сестра [героя].

(Марр, 21)

— Фу! Фу! Аҧсуа фҩык саҳауеит, азәы дҭәахны дбымоуп, дцәырбгароуп, — ҳәа иҧҳәыс дыкургьежьуа дикит.

— сара сыфҩы акухап, сара саҧсыуами, — лҳәан, аха адау ихаимҭеит.

Адау имузо даналага, — намыс умазар, сашьа иоуп, думфан! — лҳәеит Алықьса иаҳәашьа.

— Фу! Фу! Абхаза запах слышу, кого-то ты прячешь, покажи, — так к своей жене приставать стал.

— Мой, верно, это запах, я ведь абхазка, — сказала, но адау не поверил.

Когда адау совсем не поверил, — если совесть у тебя есть, то, мой брат, не ешь его! — сказала Алексея сестра.

(Шакрыл-Бгажба, 99)

Дав обещание не трогать гостя, адау выполняет его. Но в этих формулах не сохранилась традиционная клятва адау в ответ на требование не трогать спрятанного женой героя «уашхуа мақьаҧсыс»[7], после произнесения которой адау не трогает жертвы. Вместо требования этой клятвы сестра героя обращается к совести адау. Это — более позднее напластование в формулах.

Герой и сам может почувствовать приближение противника по его запаху:

Аҧс'ўа... дыз'нейўаз з'-дыўк дынхықәгылейт. Ўбри аамҭа азы нырцә даўык даақәгылт.

Адаўы ус' иҳәейт:

— Ҧшәў! Ҧс'ыўа фҩык гўайт! Аҧс'ўагьы ус' иҳәейт иҳәейт:

— Ффыў, даўы гаргьашьк ифҩы гўойт!

Абхаз... как шел, пришел к берегу одной большой реки. В это время на противоположном берегу один адау появился.

Адау так сказал:

— Фу! Абхаза запах слышится!

И абхаз так сказал:

— Ффыў, высоченного адау запах слышится!

(Марр, 83)

Формулы **преждевременного расколдовывания** сказочного персонажа в основном не закреплены за определенным сказочным сюжетом.

Ус ишыҟаз уахык лраҧ-цәа нышьҭатцаны дышьҭаланы даныцәа лхатца дҩагылан лраҧцәа аашьҭыхны амца илақужьны иблит. Ашьжьымҭан данааҧшы лнапы лраҧцәа ахьыкуз ианаақулшь илымбеит.

Так однажды ночью, когда она, сняв свою черную кожу, легла и заснула, муж ее, встав, взял ее черную кожу и бросил в огонь и сжег. Утром, проснувшись, она протянула руку туда, где лежала ее черная кожа, но не нашла ее.

---

7 Конкретный смысл клятвы утрачен; о разных ее толкованиях см. в книге С. Л. Зухба «Абхазская народная сказка», с. 206—207.

— Унан, сзушьзеи, сыгупаҳара узымгаайт, — лҳәан дыҩныҧазыҧазит, аха иаалгозин. — Ари сара цьабааны исхызгараны исыкуп, ахыхра сакуитымызт, сушьит, — лҳоан даара игухьаалгеит.

— Унан[8], зачем ты убил меня, да не снести тебе моего греха, — так она горестно вскрикнула, но что она могла сделать. — Я должна была перенести это бремя, снимать ее я не имела права, ты меня убил, — очень переживала она.

(Шакрыл-Бгажба, 90)

В восклицании расколдованного персонажа всегда ощущается сожаление о содеянном:

Ажәамш руха данышьҭала дыцәоушәа иеыҟаҵаны адаҧь дазкылҧшит, — аах анаассын, абри адаҧь иаҧроу здыруандаз, — хәа дхуцуа. Убри аамҭазы адаҧь ацәа иаагулҭцын итҧҳа бзиаха иаагылт. Уи дшааибазҵәкьа дҩатҟьан лцоа дызгулҭцыз аашьҭҧуцәааны амцахь деихеит.

— Ҳаит, абаапсы, сыҷҳәара хымш агыуп, исараза! — лҳәеит, аха имукуа лыдаҧьцәа амца иакутцаны иблит.

На десятую ночь, когда лег, он притворился спящим и стал за лягушкой следить, — аах, анаассын, знать бы, что внутри этой лягушки, — думал он. В это время из кожи лягушки девица прекрасная вышла. Как только ее увидел, он вскочил, схватил кожу, из которой она вышла, и ринулся к огню.

— Хайт, абаапсы[9], до срока моего осталось три дня, позволь мне дождаться! — сказала она, но он, не послушавшись, бросил ее лягушачью кожу в огонь и сжег ее.

(Шакрыл-Бгажба, 86)

Традиционно описание **чудесного пробуждения** героя:

Аҭаҳмада иҧа Ҽыз Икуатла дахьышьҭаз днеихагылан лцьыба ачабра аатыхны ихы инаркны ишьапаҟынза ианыҩеихылшь:

— Ҳаи, сышҧацәаз! — ҳәа дныкутәеит.

Когда она, подойдя к сыну старика Тшыз Икуатла и, вытащив из своего кармана платок, провела им по нему с головы до ног:

— Хай[10], как я спал — так вскрикнув, он присел.

(Шакрыл-Бгажба, 67)

Варианты этой формулы встречаются и в других сюжетах:

— Искыз [ачабра] аасымпыцшәан аҧсы лхы-лҷы ианакушәа, афырҳәа дҩатҟьеит:

— Когда оброненный мною [платок] упал на лицо покойной, она мгновенно вскочила, промолвив:

[8] Восклицание. Здесь: со значением сожаления.
[9] То же.
[10] Восклицание. Здесь: со значением удивления и сожаления.

— Шаҟа тынч сыцәаз! — ҳәа. — Как спокойно я спала!
(Шакрыл, 178)

В формулах всегда фигурирует какой-нибудь предмет, обладающий чудодейственной силой (в данном случае — способностью оживлять). Обычно это — платок, но называются и другие предметы. К примеру, на грудь героя кладут его меч (в котором — его душа), и герой тут же оживает:

— Ҟоуҳ! Сышҧацәаз, ацәа салахазет, — иҳәан данаанҧш... — Ох! Как я спал, все проспал, — сказав, проснулся...

(Тет. № 7, с. 517, сказка «Мра-лпа Ахмат...», сказочник Колбая Х. М., 30.11.80 г., с. Абгархук).

Большую группу составляют формулы, основной формой выражения которых является диалог. Для удобства анализа их можно разделить на несколько подгрупп.

Формула-диалог, предшествующая поединку, по сути своей примыкает к формулам приближения сказочного персонажа.

Приведем примеры.

— Ҳаит, ианаҧьалбеит, ҳара ҳҳәынҷара згуаҧьыда, ҳара ҳазҳәынҷалоз ҟрылгеит ҳәа ҳаҟан; Шьасоу Ааҧыста иакузар, уи мгуарта дыҟоуп, дымицт, дихьазаргьы дымшәыцт, дышәхьазаргьы ҳара ҳҳәынҷара уи илшомызт, — ҳа иҿааихеит.

— Ҳаит, Шьасоу Ааҧыста зыхьзугьы сара соуп, сагьиит, сагьшәит, шәызҳәынҷогьы сара соуп, аинышә, ухатцазар, уаахыс, — ҳәа Шьасоу Ааҧыста ибжьы наиргеит.

— Ҳаит, Шьасоу ччиа, уара уаахыс, — иҳәеит аинышә...

— Хайт, йанаджалбейт[11], кто посмел нас пленить, мы считали, что перебили всех, кто на нас нападал; если Шасоу Аапыста, — так он еще в утробе матери, еще не родился, а если и родился, то еще не созрел, а если и созрел, то он не сумел бы на нас напасть, — так направился он [великан — Дж. А.] сюда [к герою — Дж. А.].

— Хайт, и Шасоу Аапыста зовут меня, я и родился, я и созрел, и напал на вас я, великан, если ты мужчина, стреляй, — так Шасоу Аапыста подал голос.

— Хайт, Шасоу ччиа[12], стреляй ты, — сказал великан...

(Шакрыл-Бгажба, 26)

Пример другого типа этой формулы, в которой конь противника чувствует присутствие поблизости грозного героя:

11 Букв.: да увидит горе (труд) его мать.

12 «Ччиа» — букв.: «бедный», «несчастный», здесь: со значением пренебрежения.

Адаў арашь ҟамчыла дара йаниҟьейт, аха йахьгылаз йагьымҭысит.

Адаўы дгуаан ус иҳәейт: — Ҳай, азҩа ўагаайт, ўара арашь, ара Ажәейпҵшьаа дыҟамыҭгьы. Уй ара даазгозыз, макьана дымицтей, дыйхьазаргьы дхәыцхап [дымшәыцтей].

Убыскан Ажәейпҵшьаа даатҟьан ус′ иҳәейт:

— Сара сагьихьейт, ара сагьыҟоуп, — иҳәан йаҳәа аатыхны...

Адау араша плеткой сильно стал ударять, но он не сдвинулся с места.

Адау, рассердившись, так сказал: — Хай, да унесет тебя чума, араш, откуда здесь Ажвейпшаа взяться. Как бы он сюда попал, если он еще не родился, а если и родился, то мал [не созрел] еще.

Тогда Ажвейпшаа вскочил и так сказал:

— Я и родился, и здесь нахожусь, — сказал он и, выхватив свою саблю...

(Марр, 27—28)

Может показаться, что противник-антагонист недооценивает силу и мощь своего противника-героя. Однако это не совсем так. Традиционные слова антагониста звучат как поддержка коню, равно как и для поднятия собственного духа. Это — с одной стороны. С другой — они звучат как своеобразный сигнал к бою, который неминуем и в действительности разгорается после традиционного ответа героя, принимающего данный ему сигнал.

Формула-диалог сопровождает определенное действие, за которым она закрепляется:

...рейҵ′база дыц′ўа дыз′нейўаз доўк йашта дынҭалт. Дахьынҭалаз ашьашәыр аҷы дытәан адаў йан. Аҵкун дынаҧан, «сыбфаргьы, сыбжәыргьы, бара сбычкунуп», иҳәан, лкык дацҳайт.

Аҭакәажә «уҧ» лҳәан ибжара дылбаалдўаны акәмкәа дырҩагь даалҷылхт:

— Йўҳәаз акәмзар ус′басфарызшь, — лҳәан длалыргылт.

...младший [брат] шел и пришел во двор адау. Там в тени сидела мать адау. Подскочив к ней: «хочешь съешь меня, хочешь выпьешь меня, я — твой сын», произнес юноша, и прикоснулся к ее груди.

Старуха, сказав «уп», уже наполовину проглотила было его, да тут же вернула его обратно:

— Не твои бы слова, как бы тебя я съела, — сказав, поставила его оземь.

(Шакрыл-Бгажба, 62)

Формула отразила существовавший у абхазов издревле обряд усыновления, при котором усыновляемый касался зубами (губами) груди усыновляющей его женщины.

... аӡыркәа дҩаҵьан, иҳәатәыз ажәа иҳәан, лкыка даннаҵа аамҭазы, лыҧсыҧ анылҷалгала, ибжара дынлыхулабга дцеит.

— Ҳаи, срыццара уқушәааит, ҷаҵак сыгыумырхеи,— ҳәа дааллылхын, днеин, нырцә ахуштаара дныҷеҳәатәеит.

... мигом вскочив, нужное слово произнеся, коснулся он зубами ее груди; в это время его подхватило ее вдохом, и она втянула его в себя наполовину.

— Хай, да падет на тебя моя беда, ты лишил меня куска,— с этими словами выдохнула она его и она села на противоположной стороне очага.

(Шакрыл, 113)

Опущенные в этой формуле традиционные слова героя понятны по тексту сказки; сестра старухи-адау советует обратиться к ней со словами:«Я — твой сын, я в твоих руках, делай со мною, что хочешь». А их опущение в формуле полностью зависело от сказочника, сознательно или непроизвольно не произнесшего их и тем самым сократившего повествование.

Герой отправляется в путь. На перекрестке трех дорог ему преграждает путь незнакомый человек, не желающий пропускать его. Между ними происходит разговор:

— Уабацо, усзышьҭуам! — иҳәан иеиха рыхха иаҧхьа дҩагылт...

— Абри еиҧш арҧхашьага сзумун, аҳәынҭқар ичара саҧумкьан, ахьы, араҙны заҟа уҭахыу уҫтоит,— иҳәеит, аха димшьҭит, дааникылт.

Ианеибаргуаҟҙа, — убраҟа уахьнеиуа иуоуа азбжак сутозар, усышьҭуеит,— иҳәеит.

— Куда идешь, не могу тебя отпустить! — сказал и размахивая топором, предстал перед ним.

— Таким позором не покрывай меня, пусти на государев пир, золота, серебра тебе дам, сколько захочешь,— сказал он, но тот его не пустил, остановил его.

Когда они изрядно измучили друг друга,— если отдашь мне половину того, что ты там получишь, пущу тебя,— сказал он.

(Шакрыл-Бгажба, 102—103)

Формула варьируется, но неизменно в ней желание незнакомца отправиться вместе с героем, а также — и это основное — их договор поделить добычу пополам.

В варианте этой формулы герой спрашивает у незнакомца, куда ведет каждая из перекрещивающихся дорог, и выбирает самую тяжелую и опасную. Видя это, незнакомец просит взять его с собою, и герой соглашается. Далее между ними происходит такой разговор:

«Уара, уажәы амҩа ҳақулт ҳцуат, аха иыҟоу удыруоу?» ҳа уыс иҳәуоит ани амҩан игылаз иҳәеит.

«Ты, мы сейчас отправились в путь, но в чем дело знаешь?», так стоявший на перекрестке говорит.

«Аа?»

«Ахуҵы ҳау, адыу ҳау, анцәа ииаҳаиҭаз еиҟараны иаҳшуазароуп ҳанеиҩызцәаха, абас иҟаҳцуозароуп» ҳа иҳәеит иҳәеит.

«Аа?»

«Малое ли, большое ли, чего бы бог не послал нам, мы должны поделить пополам, раз мы стали друзьями, так мы обязаны делать» так ему сказал говорит.

(Тет. № 7, с. 544, сказка «Услуживший покойнику», сказочник Қолбая Х. М., 30.11.80 г., с. Абгархук).

К этим формулам примыкает и другой тип формулы-диалога. Герой, отправившийся в путь, по дороге «набирает» себе друзей (помощников):

Аҧсуа Аҳмаҭ иҷынеиҳан ныҟуара дышнеиуаз Мра-лҧа Аҳмаҭ диқушәт. Мра-лҧа Аҳмаҭ даниқушәа, — Уабацо? — иҳәеит. Уабацо аниҳәа,

— Абри еиҧш ауп, ныҟуара сцуоит, — иҳәеит.

— Иҟалуазар, саргьы суццоит, ныҟуара суццоит, саргьы сга, — ҳа ус иҳәеит иҳәеит.

— Қоҳ, уара уеиҧш иҟоу иоупеи ҩызас исҭахыу, узызымгозеи, — иҳәеит.

Апсуа Ахмат отправился в путь, и по пути ему встретился Мра-лпа Ахмат. Когда Мра-лпа Ахмат ему встретился, — Куда идешь? — сказал он. Когда спросил, куда идет,

— Вот так и так, я отправился в путь (путешествую), — ответил он.

— Если можно, и я с тобой пойду, путешествовать с тобой буду, и меня возьми, — так ему сказал говорит.

— Қох[13], такого, как ты, я в друзья и хочу, как мне не взять тебя, — сказал он.

(Тет. № 5, с. 507, сказка «Мра-лпа Ахмат...», сказитель Қолбая Х. М., 19.08.78 г., с. Абгархук).

В повторных записях этой же сказки от того же сказителя (Қолбая Х. М.) формула звучит так же, как и в приведенном примере.

В той же сказке, равно как и в других сюжетах, встречается вариант этой формулы. Герой побеждает девушку, давшую обет выйти замуж лишь за того, кто победит ее в единоборстве.

Лара дыҟуиан дыцәан... Дналаган дҷеиҳәеит. Нас ибжьы анлаҳа дааҧшит, дҷаҳәан, дабацоз.

— Сҧыртла, уара ушьҭа са

Она лежала и спала... Он взял и связал ее. Потом, услышав его голос, проснулась, но была связана, куда бы ушла.

— Развяжи меня, ты теперь

[13] Восклицание, здесь: со значением удовлетворения и удивления.

сҵкьыс уиаайт, уара уеиҧш икоу иоуп хатцас истахыу, — ҳәа лҳәан иҳәеит, дҧиртлеит иҳәеит.

победил меня, такого, как ты, я и хочу в мужья, — так она сказала говорит, и он ее развязал говорит.

(Тет. № 5, с. 477—478, сказка «Мра-лпа Ахмат...», сказочник Қолбая Х. М., 14.08.78 г., с. Абгархук).

К формуле-диалогу близки **формула-обещание** и **формула-приказ.**

Формула-обещание имеет несколько разновидностей.

Царь спрашивает у трех сестер, на что они способны:

— Шьҭа доу́сы ишәынасыҧу сашәҳә, — ҳа дрызҵ'аайт. Аеҳабацәа, — иҳалымшу́а адуней аҿы акыҟам, — рҳәейт.

Аеҵ'ба, — азәы дсыхшойт, ибжа хьны, ибжа раз'ынны, — лҳәейт.

— Теперь скажите мне, какова судьба каждой из вас, — так он спросил их.

Старшие, — нет на свете ничего, чего бы мы не смогли сделать — сказали.

Младшая, — у меня родится один [сын], наполовину золотой, наполовину серебряный, — сказала.

(Марр, 84)

Герой стережет могилу отца три ночи. Каждую ночь к могиле опускается облако, из него выходит сказочный конь и направляется к могиле, но попадает в аркан:

Хьанчкут днеин даннадгыла, арашь аацәажәан, ус аҳәеит:

— Абааҧсы, иахьазы соужь, нас иануҭахыу азы сара сыхиоуп.

Арашь иаҳәаз ҩбамтәыкуа днеин иаапҧиртлеит.

— Иҭабуп, Хьанчкут, уашьҭан сара иузызуп ацкы абзиара. Уара агуаҟра анумоу абрагьы-абрагьы игылоу амжәаҿы унеины «арашь еиқуа куар» ҳәа хынтә ҟамчыла, уас, нас сара уа субоит, — аҳәеит арашь.

Когда Хянчкут подошел и встал рядом с ним, араш заговорил и так сказал:

— Абаапсы, на сегодня отпусти меня, потом, когда ты пожелаешь, я буду готов к твоим услугам.

Не заставляя араша повторить просьбу, подошел и распутал его.

— Спасибо, Хянчкут, потом я сделаю тебе в ответ доброе. Когда тебе будет трудно, приди к стоящей в таком-то месте шелковице, сказав «быстроногий вороной араш», ударь по нему плеткой трижды, тогда ты увидишь меня там, — сказал араш.

(Шакрыл, 68)

Посмотрим формулу в другом сюжете.
Мальчик отпускает пойманную его отцом необычную рыбу:

Ахуҵы дыхумаруа, — Аҧсыз рыцха, усышьтрын, зны ԥьара усыхуозар, — иҳәеит.

— Ианутахыу азы сыхиоуп! Абри ақерц уԥьыба итатца, абри уманатцы убжьы шааго еиҧшуаҧхьа саагылоит, — аҳәеит аҧсыз.

Мальчик, шутя, — Бедная рыба, тебя я отпустил бы, если бы потом где-нибудь мне помогла бы, — сказал.

— В нужное тебе время буду готова! Вот эту чешуйку к себе в карман положи, пока это у тебя есть, я по твоему зову буду представать перед тобой, — сказала рыба.

(Шакрыл, 82)

Отец мальчика избивает сына за то, что тот отпустил рыбу. Мальчик от обиды убегает из дому. По дороге он спасает лисицу и оленя от преследователей:

— Абгахуҵы, зны ԥьара усыхуозар, иуҟуск'уеит иушьтақуоу.

— Аа, абааҧсы, санутахыу азы сыхиоуп, абыржәы сыҧсы анынурха, — аҳәеит абгахуҵгьы ааҧьатцәыҧьатцәын.

— Лиса, если ты поможешь мне потом когда-нибудь, избавлю тебя от преследователей.

— Аа, абаапсы, в нужное тебе время я буду готова, если сейчас спасешь мою душу, — сказала лиса, взмолившись.

(Шакрыл, 82)

— Абнацә, мышкы зны усыхуозар, уоусышьтып, — иҳәан, дазцааит.

— Уажәы сынурхар, сыҧсы ҭанатцы уара узы сыҟоуп, — аҳәеит абнацә.

— Олень, если когда-нибудь поможешь мне, я отпущу тебя, — сказал он.

— Если сейчас спасешь меня, всю жизнь буду служить тебе, — сказал олень.

(Шакрыл, 82)

Формул-приказов в абхазской волшебной сказке очень много, и большинство из них, за редким исключением, прикреплено к определенному сюжету:

Аҳ дгәааҙан, иҧа диҧхьан ус' ейҳәейт: «уцаны гәрла йаатўа, гәрла йакўа ашәындыкәр сзааўмгар, ухы хцәаны ацәйан ихасцойт!»

Царь, вконец разгневавшись, вызвал сына и так сказал ему: «Иди и добудь мне иглой отпирающийся, иглой запирающийся ларец, не то голову твою отсеку и на кол насажу».

(Марр, 53)

Государь дает герою трудную задачу:

— Уцаны абжь-шьхак рнафс абжь-дә дук рҽы, абжьзмахк руакы иҭатәоу аҳәа еиқуаҵәа ду агуи агуаҵәеи аҕрыхны исзаага, — ҳәа иеиҳәеит.

— Отправляйся и принеси мне сердце и печень сидящего в одном из семи болот, что за семью горами, на семи больших лугах, большого черного кабана, — так сказал ему.

(Шакрыл-Бгажба, 112)

В разных сюжетах встречаются разные формулы-приказы, вокруг которых разворачиваются сказочные события.

Формулы, относящиеся к группе опознавательных, составляют особую группу фабульно обусловленных серединных формул.

Герой отправляется добывать себе жену. Остающемуся дома брату он дает наставление, как найти его при необходимости:

— Сара сахьыҟоу излоуды-ру́а аҽы ашьҭалоу́п.

— Ты узнаешь, где я нахожусь, по следам коня.

(Марр, 25)

Формулы эти не единичны. Они встречаются в разных сюжетах.

Необычный гость, подавший царю яблоко (средство от бесплодия), говорит царю, как будущему царевичу найти его [гостя — Дж. А.]:

— Сара сахьцо сышьҭақуа таҧыҟҟаны иҟалоит, убри дхылар, днанагоит...

— На пути моем следы мои буду врезаться в землю, они приведут его ко мне...

(Шакрыл, 111)

Существует и другой, чаще встречающийся, тип опознавательных формул.

Герой отправляется на поиски невесты и, чтобы брат знал, жив он или нет, он оставляет особый знак:

Ачавра шкәакәа кнейҳайт, «абри азы ехьынзалҵу́а убраанза сгәы бзиоу́п, ашьа наҧыцлакь, убаскан сгәы баақсы́у́п, усышьҭал» ҳәа [еиҳәейт].

Повесил белый платок: «Пока из него будет сочиться вода, я здоров, когда же просочится в нем кровь — тогда мне худо, иди за мною, — так [ему] сказал.

(Марр, 24)

В других сказочных сюжетах встречаются варианты этой формулы.

Герой женит своих друзей, он их возвращает обратно, а сам продолжает путь. При прощании он говорит друзьям:

— Сҭахозар, есышьжьымҭаԥ шәаныҩагылалакь, шәҽызәзәашәнапызәзәа шәмацәазкуа ишәыстаз рыла ахьтоу шәнарыхуаԥшла, доус иумоу амацәаз ала ашьа ныҩхыжжуа аҽены сыќам ауп иаанаго. Акыр шәылшозар, убри аҽены шәсышьҭал,—ха Аԥсуа Аҳмат ус иҩызцәа иреиҳәеит.

— Если погибну, вы каждое утро, как встанете, омыв лица, руки, смотрите на ваши отданные вам мною кольца, когда в глазок кольца каждого из вас просочится кровь, будет ясно, что меня нет в живых. Если вы что-нибудь можете, в тот день отправляйтесь за мною, — так Апсуа Ахмат друзьям своим сказал.

(Зухба, 48)

В повторных записях этой сказки, сделанных нами от одного и того же сказителя (Колбая Х. М.) 14 августа 1977, 19 августа 1978 и 30 ноября 1980 гг., формула встречается в таком же виде.

Посмотрим и другие варианты в других сюжетах.

Брат, уходя из дому, оставляет сестре ножницы и говорит ей:

— Сара сцот. Абри амаркатыл ҭәахны ибымаз, лассы-лассы бахуаԥшла. Азымҩатәирахь шьала ишәуазар, сара сгуаќроуп ибанахәо,— иҳәан, амаркатыл цырцыруа иаҳәшьа илиркит аҷкун.

— Я ухожу (отправляюсь). Спрячь вот эти ножницы, смотри на них часто. Если с одной стороны они обагрятся кровью, это укажет тебе на мою беду,— сказав, вручил сестре блестящие ножницы юноша.

(Шакрыл, 94)

Направляясь в разные стороны, братья (друзья) оставляют на распутье (у трех камней) свои ножи: чей нож будет окровавлен (покроется ржавчиной), тот мертв, ему нужна помощь и т. д.

Большую и разнообразную группу фабульно обусловленных серединных формул составляют **магические** формулы. При их классификации мы воспользовались делением, аналогичным приводимому Елеонской Е. Н.

Магические формулы очень часто содержат в себе прямое или опосредованное приказание к сказочному персонажу или предмету.

Герой вызывает сказочного коня опосредованным приказом:

Имжәаќны даннеи иќамчыла днасуа хынтә ихәеит: — Аҳы, иахьазоуп узыстахыу, арашь еиқуа куар!

Придя к своей шелковице, своей плеткой трижды ударяя ее, сказал: — Ахы[14], на сегодня ты мне нужен, быстроногий вороной араш!

(Шакрыл, 69)

[14] Восклицание, здесь: со значением необходимости действовать быстро.

— Уажәшьҭа уеыҭҷаах! — иҳәан икалам ааҷәырганы ихуҷ шкуакуа деиҭакуҷаажәеит.

— Теперь спрячься! — сказал опять он, вынув газырь, своему белому волоску.

(Шакрыл-Бгажба, 124)

...икалам иҳазыртра иааҭихын, «абыржәоуп уаныстахыу» ҳәа аҿыз хуҷ дакуҷаажәеит.

...вынув газырь из газырницы «вот сейчас ты мне нужен!» — так сказал (наговорил) он, обращаясь к волоску гнедого коня.

(Шакрыл-Бгажба, 124)

Формулы могут содержать в себе приказ с указанием его цели, а также сообщение об источнике приказа:

— Сҭынхаҷәагьы, уҭынхаҷәагьы, уҳәынтқаррагьы, ууаажәларгьы зегьы хаҳәхаait, уара ухаҭа узбжак хаҳәны уаанхаait, — лхәан иаразнакы ус ишылҳәаз иааҟалеит.

— И моя родня, и твоя родня, и твое государство, и твой народ да окаменеют, ты же сам да останешься наполовину окаменевшим, — сказала она, и тут же стало так, как она сказала.

(Зухба, 64)

Подобные формулы во многом схожи с проклятьями.

В формулах может быть дано сообщение (намек) на прежнее состояние, которое и восстанавливается:

— ...слазтәыз алаба аманы иааин, — ушуаҩыз еиҧш ууаҩҧсхаait, — ҳәа ианыласаанарха, анкьа сшыҟаз еиҧш суаҩха саакалит.

— ...с палкой пришел тот, что превратил меня в собаку, и, сказав: — да будешь ты, как прежде, человеком, — ударил ею меня, и, как прежде, я стал человеком.

(Шакрыл-Бгажба, 97)

Магическая формула порой сводится к просьбе (молитве), обращенной к богу (сверхъестественным силам):

...анцәа диҳәейт: «оцәы амшын агәҭаны сҭаацәа рҽы сз′ыкоў сырбы» ҳа.

...богу помолилась: «сделай так, чтобы завтра я очутилась в середине моря у своих родителей».

(Марр, 71)

Особый интерес представляют **заговорные** формулы с характерной оговоркой «да окаменеет тот, кто это услышит!»:

Аҙәк ус′ лҳәейт:
— Решьыҭ азы данырýа, ихылҧа азы иҭашәаайт, ýй ҭыс-

Одна (из них) так сказала:
— Пусть, когда Решит будет переправляться через реку, шап-

хӧейт ҳәа даналаго, йаргьы дтаҳаны азы дагаайт.

Агьи ус′ лҳәейт: — Абри даҷәынхар иҩны днейны аҵы анирхумарӧа дкаҳаны ихәда ԥиҷәаайт [хжәаайт].

Ахҩык ус′ лҳәейт:

— Убыртқуа дырҷәынхар, иҩны даннейлак, иԥҳәыс данлыцышьтало ауха маҭык ааҷәыртцны ицҳаайт.

Нас ахҩыкгьы ейцырҳәейт:

— Абри йаҳаӧаны изҳәара дхаҳәны дҟалаайт!

(Марр, 30)

ка его упадет в воду, и да утонет он сам, когда он попытается вытащить ее.

Другая так сказала: — Если от этого он уцелеет, да упадет он с коня и сломает себе шею, когда он будет гарцевать на коне у себя дома.

Третья так сказала:

— Если от этого он уцелеет, пусть умрет он у себя дома в брачную ночь от укуса змеи.

Затем все трое вместе произнесли:

— Да окаменеет тот, кто это слышит и расскажет об этом!

Заговорные формулы могут содержать в себе пожелание в условной форме:

— Ҳаи, анаҷьалбеит, ҿык слахьынтца злоу соурауазеи!

— Хай, анаджалбейт, оказался бы у меня конь, в котором моя судьба!

(Шакрыл, 57)

Магическое слово в некоторых формулах заменяется магическим по содержанию действием. Это — упрощенные формулы:

Лара дыԥсызшәа лҿааҟаҷаны, иара дпапушәа иҿааҟаитцан дшылхатәаз...

Она притворилась покойницей, он сделался попом и сидел перед нею...

(Шакрыл-Бгажба, 60)

Ачкун зеиԥьаҟам ҿызха дҧаҷьԥаҷьуа даакугылан...

Юноша явился превосходным гнедым конем...

(Шакрыл-Бгажба, 89)

Магические превращения совершаются без заговорных слов посредством различных действий:

...рызс ирфаз абаҩқуа ацәа ааарыкуршаны илаба хуҷы аннакуик, аԥсы ҭалан адрымҳәа ан ахь аҿынанахеит.

...собрав кости съеденного ими козленка, и, закутав их в кожу [козленка. — Дж. А.], указал на них своей палочкой, и козленок, ожив, вприпрыжку направился к матери.

(Шакрыл, 30)

...дырԥагь ҟамчыла данрыс, ҧыхьа ишыҟаз еиҧш иуааны иҟалеит.

...опять плеткой ударил их, и они, как и прежде, стали людьми.

(Марр, 23)

§ 3. Конечные (заключительные формулы)

В абхазской волшебной сказке встречается много разновидностей **заключительных** формул, простых и сложных по лексическому составу и разных по эстетической нагрузке.

Много формул простого состава, заключающих сказку сообщением о пире:

Нас чара рӱйт, жәра, рӱйт.

Потом пир сыграли.

(Марр, 21)

В дословном переводе формула звучит так: «Потом пир сделали, питье сделали». Такой, казалось бы, ненужный, словесный повтор несет дополнительную смысловую нагрузку: пир большой, надолго. Этот смысл дополняется и как бы «украшается» ритмичным звучанием формулы и рифмованностью двух ее соразмерных частей: «чара ду рӱйт (1), жәра рӱит (2)». Они (части) и интонационно произносятся однотипно.

Слово «пир» сопровождается разными эпитетами:

Ачара ду руит.

Большой пир сыграли.

(Шакрыл, 66)

Зда ҟамлацыз ачара ду изиуит.

Невиданный доселе большой пир ему сыграл.

(Шакрыл-Бгажба, 122)

Формулы содержат простое сообщение о завершении сказки:

Абри алакугьы абас ала инцәеит.

И эта сказка так закончилась.

(Зухба, 79)

Убри-убри оуп.

Это — так.

(Тет. № 1, с. 17, сказка «О трех братьях», сказочник Конджариа Н. З., с. Бзыбь, 10.08.77 г.).

Убасоуп убри, абри алаку абасоуп, абра иаагылоит.

Это—так, эта сказка—так(ая), на этом завершается.

(Тет. № 3, с. 301, «Сказка о семи братьях», сказитель Агрба Григорий, с. Атара, 27.08.77 г.).

Порой сказка завершается тем или иным житейским пояснением:

Ишыжәбо еиҧш, ажьакуа ҳьаҵы иҟоуп.

Как видите, зайцы есть и поныне.

(Зухба, 14)

Формулы могут быть осложнены обращением сказочника аудитории:

Убри аҧсыжра аҟынтәи сааувыбыржәы, Хуата исеиҳәан аҧсра аныҟаз.

С тех похорон я сейчас иду, Хуата[15] мне сообщил день похорон.

(Тет. № 3, с. 280, сказка «Абхаз и черт», сказитель Квициния Гудж, с. Атара, 26.08.77 г.).

Многие сказки заключаются формулой возвращения сказочника со сказочного пира или просто оттуда, где происходили сказочные события:

Ашьаҩ иҧхәысгьы иаргьы ҳәа уа инхоит. Саргьы арахь сыҟулан сааит.

Ленивый со своей женою припеваючи там живут. И я сюда отправился и пришел.

(Зухба, 131)

Этими приемами (возвращение со сказочного пира, обращение к аудитории) сказочник как бы добивается у аудитории признания «реальности» сказочных событий. С этой же целью сказочник сообщает, что пир «продолжается и по сей день».

Ҳаразнак ачара дыртбаait, иргьы уаҟа чароуп.

Сразу пир расширили, и сегодня там пир.

(Зухба, 87—88).

Финальное сообщение о завершении сказки и сообщение о возвращении сказочника могут меняться местами:

Саргьы арахь сааит, абас ала ҵеит.

И я сюда пришел, так все завершилось.

(Шакрыл, 178)

Обычно сообщение о возвращении сказочника следует после финальных сообщений.

Финализация сказочных событий (сообщение о завершении сказки) может сочетаться с кратким резюме сказителя:

Ахыс зегь қьафла иҟан, инцуан. Абас данхучыз ибаз назеит.

С тех пор все жили припеваючи, жили-поживали. Так сон, приснившийся ему в детстве, сбылся.

(Зухба, 70)

Возвращение оттуда часто сопровождается сообщением сказочника о «присутствии» на нем, или возвращении его оттуда:

аудитора.

...ачара ду ҟарҵеит. Убри ачараҽы саргьы срылатәаны аҭаацәеи амаҳәцәеи рныҳәаҽа зжәуан.

...большой пир сыграли. На том пиру и я в числе других за здоровье семьи и зятьев пил.

(Шакрыл, 99)

Ачара ду руит.
Саргьы арахь сыҟуланы сааит.

Большой пир сыграли.
И я отправился сюда и пришел.

(Зухба, 103)

Чара рӱйт, жәра рӱйт...
Йаха ӱа сыҟан, ехьа ара саайт.

Пир сыграли[16]...
Вчера ночью там я был, сегодня сюда (здесь) я пришел.

(Марр, 25)

Формула эта и в звучании довольно красочна. Поэтичность достигается соразмерностью частей обеих строк, производящих впечатление рубленых фраз.

Сигнальное сообщение о завершении сказки может сочетаться с сообщением о пире, присутствии сказочника на пиру и его возвращении:

Ӱй нахыс анцәа ихьыз баша ҵаны мыц'ынгьы ирҳәомызт ӱрт айшьцәа. Рыфны йанаай, хәдала иаадрыхыз аџьыкурей ала чара рӱйт, афыжәра ыҟан, азыжәра ыҟан, саргьы сызхара афы ыжәны ҳафныҟа сыҟуланы саайт.

С тех пор имя бога зря не произносили те братья. Домой к себе вернувшись, горбом заработанной кукурузой пир сыграли, вино пили, воду пили, и я, вдоволь вина напившись, к нам домой отправился и пришел.

(Марр, 23—24)

Нередко формулы содержат и сообщения о получении сказочником правдоподобных подарков на пиру:

Аҭаҳмада иҧҳәыси иареи итәаны иҧсаанза бзиа рхы ныҟурго анхара иаҽын...

Саргьы аҭаҳмада дахьынхоз иснеиртаны сыҟан. Зны саннеи чара иман, имаҳә дааишьҭзаап. Санаауаз қуабк азна атәани ҧылгыдыки сыма сҽаасхан, амфан сшаауаз Озбаҟь ҳәа азәы даасҧылан, сеы аарҳан, атәан искыз ихы инақутәан, ихы лыкублаа ицеит. — Ҳаит, иҟауцазеи! — ҳәа данаасышьҭала, саа-

Старик со своей женой до самой смерти жили хорошо... И я бывал у старика. Однажды, когда я туда пришел, он пир имел, зятя, оказывается, приглашал. Уходя, я взял полный котел бульона и кость; по дороге мне встретился некто по имени Озбак, мой конь с испугу рванулся, и бульон, который я держал, вылившись ему на голову, обжег ему все волосы. — Хайт, что ты сделал! — вскрикнув, он

[16] О специфике сочетания «чара руит, жәра руит» см. на стр.

ҭуаан, сҧылгды наигудыстцан, дцыркьыҧуа дныкустцеит. Убри ижьҭеи Озбакь дыҧсаанза дагьхабжьны дагьцыркьны даанхеит.

ринулся за мной; разозлившись, я кинул свою кость в него и хромым его сделал. С тех пор Озбак до самой смерти и плешивым, и хромым остался.

(Шакрыл-Бгажба, 153)

Сказочник сообщает и о «реальном» подарке за сказку, называя при этом имя реального дарителя:

Ачара ду шчаразеиҧш жәоху мшы уахгьы-еынгьы имфаҧыргеит, ашьҭахь ажәларгьы еимпны дасу рыфныкакуа ицеит.

Саргьы ачараҷы сыкан. Умш аабзиахааит ҳәа инапы ааимхны сҷаасхан, арахь сааит.

Сшаауаз аизараҷы сахьынкыдгылаз, ажәабжьс иудыруазеи ҳәа иансазҭаа, — абри ауп ажәабжьс издыруа, — сҳәан, ахы инаркны аҭыхуанза иҳәаны санаалга, ажәабжь исҳәаз даара игу иахуан, Допуа Мамсыр разны куалаҧк ицьыба иааҭганы инасиҭеит, — дад, еиҳаз акун иукунагоз, — иҳәан. Саргьы сгурҧьаҭәа сцьыба инҭастцеит, — иҳәеит Адлеиба Зыкур, иажәабжьгьы даалгеит.

Большой пир горой денно и нощно пятнадцать дней длился, потом и народ по домам разошелся.

И я на пиру был. Пожелав доброго дня и пожав ему руку, я отправился, сюда пришел.

По дороге на сход заглянул; когда спросили, что могу рассказать, — это только знаю, — сказал я и рассказал с начала до конца; Допуа Мамсыр, которому мой рассказ очень понравился, вынул серебряный портсигар из кармана и отдал мне,— дад, большего ты был достоин,— сказав. И я с радостью себе в карман его положил, — сказал Адлейба Дзыкур и закончил свой рассказ.

(Шакрыл, 140—141)

Завершив повествование, сказочник обращается к своим слушателям с пожеланием.

Ачара рун, жәра рун, ари ачкун аҳәынҭқар иҧха дирҭеит. Ачкун иҧҳәыс диманы иаб ифны иахьааизгьы чарала иҧылеит.

Зашәа шәаргьы убас абзиарақуа шәзыкалаша!

Пир сыграв, этому юноше государеву дочь отдали (в жены). Юноша с женой пришел в дом отца, и здесь его пиром встретили.

Чтобы и вас ждали такие хорошие дела!

(Зухба, 61)

Иҧа диеигурҧьан ачара ду иуит.

Саргьы абрахь сылҭаланы сааит.

Ари заҳауа, уара узцәымҧны ифагылаз ибзацәа зегьы цьым-

Обрадовавшись сыну, большой пир сыграл.

И я сюда отправился и пришел.

Слушающий это, живым родственникам ненавидящего тебя

шьхак рызхааит, иҧсцәа аа-камбашьк рзымхааит. Акуты ашьапхыц дындәылнагааит. Дыҧсында ҳәа изысҳәом, — аҧшыц, аҧшыц, — ҳәа дрыҳәо абжьыуаа дрылазааит.

да хватит одной луковицы, мертвым его да недостаточно будет восьми буйволов. Да вынесут его куриные когти. Смерти ему не желаю, — зерна, зерна! — пусть так попрошайничая, бродит среди абжуйцев[17].

(З у х б а, 82)

По завершении сказки слушавший благодарит сказочника:

... аҳ дырԓагьых ачара ду иуит, изаимҳәаз ҳәа уаԓ дҟамлент... ажәларгьы ирхамашҭых'уа ачара ыфаны ицеит рыԓныҟакуа.

Саргьы убри ачара саахыҵны саауеит. — Д ад, адунеи зегь гур шәпа ҵәԓанс иакуршаны гур ссала ихыркааншә анцәа уим — шьааит, — иҳәеит изаҳаз.

... царь опять большой пир сыграл, ни одного не оставил неприглашенным... и народ, не забывая, погуляв на пиру, разошелся по домам.

И я с того пира иду. — Дад[18], пока я весь свет толстыми иглами как кольями и тонкими иглами как прутьями не опояшут, да не убьет тебя бог, — сказал слушавший.

(Ш а к р ы л - Б г а ж б а, 119)

Пожелание выражено образно и поэтично.

Сказочник может провести параллель между героями сказки и реальными людьми:

Амаҳә чара иуит, саргьы уажәы убрахьынтә саауеит, скараха сыҟоуп, сызмыцәац, губҕан сышәымҭан, абриала салгоит.

Абарҭ ауаагьы абас рзеибаун, аҵыхутәаны инибамыртцәакуа абас аиуара рыбжьалт.

Зять пир сыграл, и я сейчас оттуда иду, очень устал, еще не спал, не вините, на этом заканчиваю.

И эти люди устроили было такое же друг другу, да в конце друг друга не уничтожили, так же породнились.

(З у х б а, 138)

Сообщения сказочника о его «присутствии» на сказочном пиру, о его возвращении оттуда (либо с пира, либо с места сказочных событий), о награждении его на сказочном пиру и т. д. несут в себе не одну смысловую нагрузку. Сказочник хочет не только «уверить» слушателя в «правдивости» сказки. Формулы эти несут гораздо более важную эстетическую нагрузку: сказочник привносит в свою речь определенную эмоциональную окрашенность. Он возвращает аудиторию в реальный мир, с легким юмором отрицая другой. Часто его настроение передается аудитории. Таким образом, создаются сопутствующие диалоги между сказочником и

[17] Абжуйцы — носители абжуйского диалекта абхазского языка.

[18] Дад — (абх.) обращение старшего к младшему.

аудиторией, подобно тем, которые мы видели на примерах. Характер же сопутствующих финалу сказки диалогов вытекает либо из общего смысла сказки, либо — только из заключительной формулы.

В таких формулах «подчеркнута» реальность сказок, которые они заключают. Но реальность эта поверхностная, кажущаяся, ее «доказательства» подчинены эстетическим целям.

Заключительных формул с открытой установкой на ирреальность, в абхазской сказке немного. Но те, что встречаются, отличаются очень интересным строением:

Саргьы убра сыќан, иќазамыз иеиԥш. Ачара ҳаман, егьызмазамыз реиԥш. Аҩыжәра аќан, иахьыќазамыз еиԥш. Аҩы ҳашьит, изымжәзоз реиԥш. Алымҩан скаҳабҕало саауан, имныќуазоз реиԥш. Абыржәы сахьыќоу саат убрахьынтә. Абри ажәабжь шәасҫәеит мцык еиԥш. Амцреи аҵабыргреи шәазҵааузазар, лаку ҵабыргызар, абригь ҵабыргыуп.

И я там был, как тот, кто не был. Пир мы имели, подобно тем, кто ничего не имел. Вино пили, как там, где его не было. Мы напились вина как те, кто не пил. Всю дорогу я шел падая — катясь (спотыкаясь), как тот, кто совсем не ходит. Пришел сюда, где я сейчас нахожусь, оттуда. Этот рассказ поведал вам, как некую ложь. Если спрашиваете о правдивости и ложности ее, ежели какая-нибудь сказка правдива, то и это — правда.

(Шакрыл, 45)

Эта формула примечательна тем, что вторая часть каждой фразы содержит отрицание того, о чем говорится в первой части. Отрицается все, о чем бы ни говорилось. Причем, частное, локальное отрицание переносится в конце формулы на всю сказку.

Ажәлар зегь еизырган, ачара ду ќарҵеит, ибзиахуха анхара иалагеит...

Абри аныќала Шә-Хуаҭа Хыҭ дыбзныжәаны аԥьма данрылаз ашыкусан ауп.

Весь народ собрав, пир большой устроили, хорошо жить стали.

Это случилось в год, когда Ш-Хуата Хыт, став козленком, бродил среди коз.

(Шакрыл, 165)

Отрицание в этой формуле относится в целом ко всей сказке.

Эти формулы условно можно назвать заключительными присказками.

Подобно начальным формулам, **финальные** формулы (или их элементы) довольно часто встречаются в середине (в разных местах) повествования:

...даара чара ду иуит. ...очень большой пир сыграл.

(Шакрыл-Бгажба, 95)

При этом пир может получить характеристику (оценку):

... ажәлар еизеит, атәыла бгеит, ачара еиҵыхны иуит. Уи ачара заҟа идуз седроу, абри аҳ идгьыл инапаҵаҟа иҟаз азә даанымхакуа зегь еизеит.

... народ собрался, мир разрушился[19], пир широко устроил. Неизвестно, как велик был тот пир, ни один из проживавших во владениях царя подданных не остался, все собрались.

(Зухба, 132)

Первая часть формулы состоит из рифмованных соразмерных строк. Вторая описательно дает характеристику пира. Пир описан своеобразно. «Мир разрушился» — такова гиперболизация пира.

Нередки подобные описания пира, когда эмоциональная окрашенность достигается ритмизованностью и рифмованностью строк:

Уаҟа ачара башахомызт,
мышк алагьы изалгазомызт,
даара акраамҭа чаран,
иаашацыԥхьаза аҳ ачара ирҽыцуан.

Там пир простым быть не мог,
и за один день закончиться не мог,
очень долго пир длился,
с каждым днем царь пир обновлял.

(Шакрыл-Бгажба, 116)

Таковы основные виды традиционных формул абхазской волшебной сказки.

II. Традиционные формулы во времени

Для того, чтобы лучше понять «природу» традиционных формул сказки, недостаточно установить их наличие и типы. Важно установить «поведение» формул (их устойчивость или изменяемость) во времени с учетом вариативности.

Рассмотреть каждую отдельно взятую формулу во времени чрезвычайно трудно уже потому, что велико количество формул разных типов. Поэтому представляется целесообразным ограничить задачу анализом выборочных текстов. То есть, мы берем определенную сказку во всех ее разновременных записях (от одного и от разных исполнителей дореволюционного периода и наших дней) и просматриваем наличествующие в них формулы. Безусловно, этот путь не лишен своих недостатков, и тем не менее им можно воспользоваться в той мере, в какой применим метод от частного к общему по отношению к традиционным формулам.

Посмотрим сказку в разновременных записях (вместе с записями ее варианта) от разных дореволюционных исполнителей, а также в записях от одного и того же современного исполнителя.

[19] Гиперболизация пира.

Сказка «Охотник»[20]. Записана Еленой (Надей) Мачаговной Лакоба в 1914 г. в с. Лыхны Гудаутского участка, имя сказителя не зафиксировано.

Нами сделаны разновременные повторные записи этой сказки от сказителя Колбая Халита Мсуратовича в с. Абгархук Гудаутского района в 1977, 1978 и 1980 гг. Сказитель назвал сказку иначе: «Словом (речью) вскипятивший котел (воды)».

Вариант этой сказки сохранился в записях 1915 г. (записал Михаил Иванович Тарнава в г. Гудаута, имя сказителя не сохранилось) и 1916 г. (записал Шакрыл Платон Семенович в с. Лыхны Гудаутского участка Сухумского округа, имя сказителя не зафиксировано) под названием «Завет (речь, рассказ) старика».

Проследим за **начальными** формулами во всех имеющихся записях этой сказки (вместе с ее вариантами):

1914 г. (1):

Шəарац'еɑ бзиак дыҟан. — Один хороший охотник был
(Марр, 46)

20.08.77 г. (2):

Шəарацаɑ ҕуҕуак дыҟан, даара шəарацаɑ бзиан. — Один сильный охотник был, очень хорошим охотником был.
(Тет. № 2, с. 121)

14.08.78 г. (3):

Даара хатɑ бзиак дыҟан, дшəарыцаɑын, шəарыцаɑ бзиан. — Один очень хороший муж(чина) был, охотником он был, хорошим охотником был.
(Тет. № 5, с. 493)

14.08.78 г. (4)
(спустя один час после предыдущей записи):

Даара хатɑ бзиак, бзиак, шəарыцаɑык дыҟан. — Один очень хороший, хороший муж(чина), один охотник был.
(Тет. № 5, с. 524)

30.11.80 г. (5):

Хатɑ бзиак дыҟан, шəарацаɑн. — Один хороший муж(чина) был, он хорошим охотником был.
(Тет. № 7, с. 517)

[20] Мы берем только те записи, которые отвечают научным требованиям ации и не подверглись авторской обработке собирателя.

Общее для всех этих формул заключается в их однотипности. Они все содержат сообщение о существовании героя. Кроме того, все они содержат оценку герою. В формуле из дореволюционной записи (1) охотнику дается оценка через эпитет «хороший»; во всех остальных формулах от одного и того же сказителя этот эпитет сохранен, и даже встречается по два раза в каждой формуле, кроме (2) из записи 20.08.77 г., где встречается наряду с этим эпитетом и другой («сильный»). Видимо, это объясняется не только субъективным характером оценки, т. е. возможно, что это зависело от сказочника, вольного не применять этот эпитет.

В вариантах сказки:

В записи Тарнава (1915 г.):	*В записи Шакрыл (1916 г.):*
Ҭаҳмадак дыҟан.	Дыҟан ҭаҳмадак...
Один старик был.	Был один старик...
(Марр, 48)	(Марр, 46)

Формулы однотипны, разница лишь в том, что одно из сообщений строится инверсионно по отношению к другому.

Посмотрим из этих же записей **заключительные** формулы[21].

1914 г.:

Абас' ашәарац'еи бзиа дейҭаст. — Так охотник преобразился к лучшему.

(Марр, 46)

20.08.77 г.:

Иалгеит. — Закончилось.

(Тет. № 2, с. 127)

14.08.78 г. (первая запись):

Убриала убра инҵэоит. — На этом (так) завершается [сказка. — Дж. А.].

Абас иҟаиҵеит абни, абанс дакушәт. — Так сделал тот [герой. — Дж. А.], такое с ним приключилось.

(Тет. № 5, с. 498)

14.08.78 г. (вторая запись):

Ажәала акуаб иршит, ажәала акуаб зыршыз ззырҳәогь убри иоуп. — Словом вскипятил котел (воды), про него и говорят — словом вскипятивший котел (воды).

(Тет. № 5, с. 529)

[21] Заключительные формулы рассматриваются раньше серединных для удобства анализа.

30.11.80 г.:

иала уа иааԥитҙеит. На этом закончил (говорить).
(Т е т. № 7, с. 628)

Из записей варианта сказки.

В записи Тарнава (1915 г.):

ьҭахь ажәларгьы ныкуҵ-
′ейт, аҭаҳмадагьы иԥацәа
, иҭац′агьы дрыдкылапы,
а даайт, агьырҭ иԥацәа
Икалыйт нас быжьфык аԥа-
дындырхыйт аҭаҳмадагьы
.

Потом и народ разошелся (по домам), и старик со своими сыновьями, прихватив и невестку, домой пришел, к другим своим сыновьям. И стало их семеро сыновей, и зажил старик очень хорошо.
(М а р р, 51)

В записи Шакрыл (1916 г.):

аҳ чара бзиа уны иԥха
ҭ лыц′цаны, аҭаҳмада из-
диитҭ.

Потом царь, хорошую свадьбу сыграв, отдал свою дочь с приданым тому, за которого старик предложил.
(М а р р, 48)

рмулы из записей 1914 г., 14.08.78 г. (вторая запись) за-
ают сказку обычным пояснением сказочника. К ним близка
ула из варианта сказки в записи Тарнава (1915 г.). В ва-
записи 1916 г. упоминается о сказочном пире, сообщению
ром сопутствует обычное пояснение сказочника. В записи
77 г. имеется формула, представляющая собой сигнальное
ение о завершении сказки; такое же сигнальное сообщение
ествует обычному пояснению исполнителя в первой записи
78 г.
аким образом, почти все формулы, за редким исключением,
ны. В них исполнители в основном дают обычное поясне-
ходимое для полного завершения повествования, т. е. и
его рода сигналы о завершении сказки (как и «чисто сиг-
сообщения» о завершении сказки).

отрим **серединные** формулы из записей этой же сказки.

1914 г. встречается формула-диалог. Царевич встре-
тника, превратившегося после купания в реке в хорошую
. Узнав, что она просто «путешествует», он просит взять
я. Она соглашается:

«Ди, бхатҵ'кы сцейт, иҟалўазар ҩызара сбыц'ц'ўат» ҳа длыҳәейт. «Ибзиоўп» лҳәан...

«Ди[22], да паду я жертвой вместо тебя, если можно, я составлю тебе дружбу», — так попросил он ее. «Хорошо» сказала...

(Марр, 46)

Формула звучит не так четко, в ней опущена вторая ее часть, то есть на предложение царевича девушка должна была бы ответить так: «Такого, как ты, я в друзья и хочу». Из-за этого опущения формула теряет свою остроту и значимость. В данном случае это можно приписать неопытности сказителя, прервавшего и сказку в середине, не доведя повествование до конца.

В сказке (в каждой из ее записей и в варианте) встречается по нескольку магических формул-превращений. Но, надо отметить, что и эти формулы звучат не так убедительно в силу отсутствия магических слов, которые должны были бы сопутствовать действиям-превращениям. Однако формульная основа все же сохраняется. Четко вычерчивается магическое по значению действие. Таких формул в сказке много, они повторяются во всех записях довольно сходно. Сказанное относится и к дореволюционным записям, равно как и к записям наших дней, сделанных от одного и того же сказителя. Приведем несколько примеров (по одному из каждой записи):

В записи 1914 г.:

...йаргьы иҿылҭишьын, дыҧҳәыз'баха дыҩҭыҵҭ.

...и сам он, окунувшись (в воду), вышел девушкой (став).

(Марр, 46)

Из записи, сделанной 20.08.77 г.:

...азы иҿанаатишь иҳәеит, уаҳа зҭахымыз зҕаб бзиахан дааҭыҵҭ иҳәеит.

...окунувшись в воду говорит, вышел очень хорошей девушкой (став) говорит.

(Тет. № 2, с. 122)

Из первой записи, сделанной 14.08.78 г.:

Азы данҭала, дыҧҳәызбаха даакалт.

Окунувшись в воду, превратился в девушку.

(Тет. № 5, с. 493)

---

22 Обращение к женщине.

Из второй записи, сделанной 14.08.78 г.:

...длеин азы иҽылҭишьзар иҳәеит, дыӡбабха даақалт иҳәеит.

...пришел и окунувшись в воду говорит, превратился в девушку говорит.

(Тет. № 5, с. 525)

30.11.80 г.:

Азы данҭала, данынҭыц, дыӡбабха дҟалеит.

Окунувшись в воду, вышел, превратившись в девушку.

(Тет. № 7, с. 629)

Из записи варианта сказки, сделанного Тарнава (1915 г.):

...аҽан азырфаш аҽзаанашьыхт. Аеынзаанашь, иҧхәыз'баха иҟалыит.

...кобылица окунулась опять в реку. Окунувшись, стала девушкой.

(Марр, 48)

Из записи варианта сказки, сделанного Шакрыл (1916 г.):

Аз'ефа иҽанылҭишь, дҭыҧха ҧшӡаха дылҭыцт.

Окунувшись в воду (реку), вышел красивой девушкой (став).

(Марр, 46)

Фабульно не обусловленная формула-вопрос встречается почти во всех записях сказки, в основном и чаще от современных исполнителей, причем по нескольку раз в некоторых. Укажем по одному примеру из каждой записи.

В записи 20.08.77 г.:

«Иҟалҵоит? Данӡбабха дабацуа?»

«Что он будет делать? Куда он пойдет, будучи (став) девушкой»?

(Тет. № 2, с. 122)

В записи 14.08.78 г.:

Иҟаиҵуоит?

Что он будет делать?

(Тет. № 5, с. 493)

Во второй записи от 14.08.78 г.:

Дыҧхәызбаха данааҡала иҟалҵуоит иҳәеит.

Став девушкой, что он будет делать говорит.

(Тет. № 5, с. 525)

В записи 30.11.80 г.:

Данзҕабха иҟаиҵуои, дабацуаз? — Став девушкой, что он будет делать, куда пошел бы?

(Тет. № 7, с. 629)

Встречаются формулы, описывающие необычайность сказочных персонажей.

В записи 20.08.77 г.:

Ант аҽкуагьы ҽы еиҧшымхт, аҧкунцәагьы ҷкун, уаҩы иеиҧшымхт. — И те кони на коней не стали похожи, и молодцы на парней, на людей не стали похожи[23].

(Тет. № 2, с. 123)

В записи 14.08.78 г.:

Иҧацәа уаахыит, аҽкуа кны ирыбжьеит. — Сыновья его стали людьми (выросли), коней, поймав, объездили.

(Тет. № 5, с. 495)

В повторной записи 14.08.78 г.:

Ани аҧкунцәа илхылҵызгьы уаахыит, аҽкуа илхылҵызгьы ҽхыит. — И те сыновья, ею рожденные, людьми стали (выросли), и кони, ею рожденные, выросли.

(Тет. № 5, с. 536)

В двух последних записях формула теряет свою четкость, но формульная основа выражения сохраняется.

Перечислительные формулы действия встречаются во всех записях от современного исполнителя. Ввиду того, что они повторяются во всех записях почти буквально, ограничимся одним примером из записи 20.08.77 г.:

Икуацгьы ныкуиҵеит, ишәаҟьгьы нкыдыргылаҵны, иҭтынжәагагьы аҟды ахаҷы иныкҵаны... — И мясо свое положил, и ружье свое приставил (к бревну), и трубку свою на бревно положив...

Ишәаҟьгьы аакыдхны, икуац дҩаҵалан, иҭтынжәга ааиҷакны... — И ружье свое подобрав, мясо свое на себя взвалив, трубку свою покуривая...

Порой в середине повествования появляются **начальные** формулы типа:

Абри аҳ иҧа дыҡан. — У этого царя сын был.

(*в записи 20.80.77 г.,* тет. № 2, с. 123)

[23] Имеется в виду исключительное превосходство.

Аҳы бзиак дыҟан, иҧа бзиакгьы дыҟан. — Один хороший царь был, и сын у него хороший был.

(в записи 30.11.80 г., тет. № 7, с. 525—626)

Формула повторяется и в других записях.

Появляются и **финальные** формулы:

Дыхнейгаз ачара бзианы ирӯит. — Когда привел, пир хороший сыграли.

(в записи 1914 г., Марр, 46)

Формулы **времени:**

Уи заҟа с'кус'а цы анцәа идырп. — Сколько лет (с тех пор) прошло, одному богу известно.

(в записи 20.08.77 г., тет. № 2, с. 124—125)

Подобные формулы — не редкость, и они часто встречаются во всех записях.

Таким образом, почти во всех записях повторяются одни и те же формулы в одинаковом или сходном лексическом составе. В некоторых записях сохраняется лишь формульная основа выражения, но при сравнении разновременных записей становится несомненным ее присутствие. Такую «стертость» формулы можно объяснить ее свойством изменяться во времени, но еще больше — разными уровнями исполнительского мастерства самих исполнителей сказки. Иногда, правда редко, налицо трансформация формулы в обычное сообщение.

Сказка «Абхаз и адау» имеется в записи 1913 г. (записал Константин Фатович Барцыц в с. Блабурхуа Сухумского округа, имя сказителя не зафиксировано); в двух записях 1915 г. (первую запись осуществил Михаил Александрович Лакрба в с. Мерхеули Гумистинского участка Сухумского округа, имя сказителя не зафиксировано, сказка в этой записи называется «Адау и Адгягу»; вторая запись сделана Давидом Иосифовичем Лакоба в с. Лыхны Гудаутского участка, имя сказителя не зафиксировано). Нами сделаны повторные записи сказки в 1977 г. от сказителя Зухба Таку Сакутовича в с. Отхара (две записи с интервалом в один час) и в с. Абгархук от сказителя Колбая Х. М.

Посмотрим **начальные** формулы этой сказки во всех имеющихся ее записях и вариантах:

В записи 1913 г.:

Аҧс'ыӯак даара оҩ шәеҩны дыҟан. — Один абхаз очень трусливым человеком был.

(Марр, 63)

В записи 1915 г.:

Дыҟан аҧс'ўа рыцҳак Адгьагә ҳәа. Амазара имамызт, аха хшыҩлей мааналей дбейан.

Был один бедный абхаз по имени Адгягу. Состояния у него не было, но умом и смекалкой богат был.

(Марр, 31)

В записи 1915 г.:

Аҧс'ыўак зны ныҟәара дц'ейт. Хатцагәы иман йара, аха имч мацын.

Один абхаз однажды отправился в путь. Мужественное сердце он имел, но силой слаб был.

(Марр, 60)

Из сделанных нами записей той же сказки от современных исполнителей:

В записи варианта сказки 12.08.77 г.:

Дыҟан аҧсыуак.

Был один абхаз.

(Тет. № 1, с. 47)

В повторной записи 12.08.77 г.:

Аҧс'ыўак ныҟуара дцўан.

Один абхаз отправился в путь.

(Тет. № 1, с. 51)

В записи 20.08.77 г.:

Нхаҩык дыҟан, нхаҩ хучык, уаҩ ҕарк иакун, уахынла дшәаны адәахьы имацара дызцазомызт.

Один крестьянин был, мал(енький)[24] крестьянин, бедный был, по ночам со страху не выходил один из дому.

(Тет. № 1, с. 74)

Формула из самой ранней записи представляет собой формулу-характеристику простейшего состава, какого и формулы из записей, осуществленных 12.08.77 г. от одного и того же современного исполнителя. Одна из них содержит факт существования героя, другая сразу и непосредственно вводит в действие сказки.

Остальные формулы — более сложного состава, содержат по нескольку сообщений (таковы формулы из записей, осуществленных в 1915 г. — две, и 20.08.88 г.); они содержат сообщение о существовании героя, и его характеристику, причем характеристика героя везде более подчеркнута.

[24] Имеется в виду заурядность, обыкновенность.

В тех же записях сказки посмотрим **заключительные** формулы.

В записях от дореволюционных исполнителей.

В записи 1913 г.:

Аԥс′ўа иԥҳəыс′гьы ергьы аԥас ат̆′кыс′ ейԥьны инх″ўа йалагейт. Ера шəарыцара дыцўан, иԥҳəыс′ ахəжəкўа ҟалтцаəан, ирыҟəшəўа чара рзырўан, чейцьыкей аз′ы ибзйаны иҟан.

Абхаз со своей женой зажил лучше прежнего.Он на охоту ходил, жена ему готовила, гостям пир устраивали, хлебом-солью славились.

(Марр, 65)

В записи 1915 г.:

Убас маанала Адгьагə адаўы дыййаайт.

Так хитростью Адгягу адау победил.

(Марр, 33)

В другой записи 1915 г.:

Убри нахыс ўаҳа даўы ицкараны Аԥс′ны дкылымсц′т, ҳаԥс′ўагьы бзйа дынхейт, дахынзаҟаз исыс гəашə ҭбаан.

С тех пор больше ни один адау в Апсны[25] не появлялся, и наш абхаз хорошо зажил, пока он жив был, двери его были широко распахнуты для гостей.

(Марр, 63)

В записях от современных исполнителей.

В записи 12.08.77 г.[26]:

Адауы еиҳа ахшы◎, ахшы◎ ани дгьыли-жə◎ани ахьеивцаз иипҵшаауаз ахшы◎ иара ихуеит.

Адау перехитрил умом, ум, который он хотел найти там, где сливаются небо и земля, ему помог.

(Тет. № 1, с. 51)

В повторной записи 12.08.77 г.:

Абас иҟалыит.

Вот так случилось (было).

(Тет. № 1, с. 54)

В записи 20.08.77 г.:

Ани аԥсуагьы ус даатынчхт, адауы абриала джьаны, длыкуцан дкаицт, абанс изиуит.

И тот абхаз так успокоился, так перехитрив адауы, изгнал его, вот так с ним поступил.

[25] Апсны — Абхазия.

[26] Записи, сделанные 12.08.77 г., представляют собой варианты сказки.

Убри убра инҵәеит. И та[27] там (так) закончилась.

(Тет. № 1, с. 81)

Почти все формулы представляют собой краткое резюме сказителя, «житейское» пояснение (почему в настоящее время в Абхазии нет адау). Иногда им сопутствуют сигнальные сообщения о завершении сказки (в последней записи).

Посмотрим **серединные** формулы в тех же записях сказки. В четырех записях встречается следующая формула:

в записи 1913 г.:

«Аԥс′ўа даныйба, даагыланы ус′ иҳәейт:

— Аччиа, арахь ўабаанага? Уаайн аӡы сырга мамзар, абри ахаҳә ейԥш аӡы улсхп.

— Уара ўаайны сырга, мамзар саргьы абри ахаҳә ейԥш усфап, — иҳәан аԥсўа имгьал абжа длаҵҳаны ифит.

«Ҳай, ари омак йоўпей»,′иҳәан адоў даайны аԥс′ўа аӡ[ы] дыригейт.

«Абхаза увидев, он [адау] остановился и так сказал:

— Несчастный, как ты оказался здесь? Иди и перенеси меня через реку, не то как из этого камня выжму из тебя воду.

— Ты иди и перенеси меня, не то и я съем тебя, как этот камень, — сказав, абхаз откусил свой чурек и съел.

«Хай, этот какой-то страшный», подумав (сказав), адау пришел и абхаза через реку перенес.

(Марр, 64)

В записи 1915 г.:

«Ей ўара! Уаайны аӡы сыргейшь, — ха ибжьы рдыўны ҷыйҭыит.

Адаўы дааԥшын Адгьагә даниба, ус иҳәейт:

— Ари аҟара узырхаҵазей, аԥс′ўа ччиа? Уҽаанкылан ўҟаз акәмзар, убома иўзызуша? — хаҳә дыўк ҩышьҭыйхын изнапык ала йаайрҧәҧәан, иҳәаш-ҳәашаны иршәны ахәашакәа кайԥсейт. — Абас аўп йўзызўша!

Адгьагә дымшәакәа длышьҭасын ихәырԥьан итакәаз ашә-

«Эй ты! Иди и перенеси меня через реку, — так громко крикнул.

Адау оглянулся, и, увидев Адгягуа, так сказал:

— Откуда в тебе столько храбрости, абхаз несчастный[28]? Погоди, не то, видишь, что я с тобой сделаю? — Подняв один большой камень, одной рукой сжал его, и, раскрошив его, бросил. — Вот что я с тобою сделаю!

Адгягу, не испугавшись, будто подхватил (с земли), выта-

---

[27] Имеется в виду сказка.

[28] С оттенком пренебрежения.

қәа ҩтыйхын, инапала йааирҧчын, ашә-ҳәашакуа азы алажжўа икайҧсан, «ўара дыўк сыўмырҳәакәа, [у]ласны ўаайны, азы сырга, акәмзар, абас аўп ишухьша!» ҳәа ҷыйҵит.

Адаўы ихаҳәыз ҷьишьан дара дшәейт.

«Ҳай, ўамазакый сарей ҳайдхалазаап» ҳәа игәахәит.

щил со своего хурджина кружки сыра и, рукой раздавив, выбросил сочившиеся водой крошки (сыра) и крикнул: «Ты не заставляй меня слишком много говорить, приди и перенеси меня через реку, не то с тобою будет так же!»

Адау решил, что то был камень, и очень испугался.

«Хай, с кем-то страшным я встретился» так он подумал.

(Марр, 31)

В сказке встречаются и другие формулы-испытания такого типа, выраженные в форме диалога. Они повторяются почти во всех записях и однотипны. Ввиду их сходства с приведенным примером, нет необходимости конкретно на них останавливаться.

Почти во всех записях встречается формула-вопрос типа «Иҟаиҷуои?» — «Что он будет делать?»

В одной лишь записи 1915 г. встречается формула, отражающая как противники чувствуют друг друга по запаху, находясь на противоположных берегах одной реки:

Адаўы ус′ иҳәыйт:

— Ҧшәў! Ҧс′ыўа фҩык гўойт!

Аҧс ўагьы [ус′ иҳәит]:

— Ффыў, даўы гьаргьашьк ифҩы гўойт!

Адау так сказал:

— Фу! Запах абхаза слышен!

И абхаз так сказал:

— Ффыў, высоченного адау запах слышен!

(Марр, 60)

В других записях формула опущена.

Отсюда видно, что многие формулы повторяются во всех записях в сходном лексическом составе; но иногда формула может быть и единичной (встретиться лишь в одной записи). Так могло быть из-за забывчивости исполнителя (например с формулой, отражающей, как противник чувствует героя по запаху: формула, казалось бы, должна была фигурировать во всех записях сказки). Но можно сослаться и на вариативность сказки.

Теперь посмотрим формулы в разновременных записях одного сказочного текста от одного и того же современного исполнителя.

От сказителя Колбая Х. М. зафиксирована шестикратно сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат». Первая запись осуществлена в 1972 году Зухба С. Л., остальные пять — нами в 1977, 1978 (три записи с интервалом в один час), 1980 гг.

Посмотрим сначала вступительные формулы:

в записи 17.06.72 г.:

Аԥсуа Аҳмат ҳәа дыҟан. — Был (один по имени) Апсуа Ахмат.

(З у х б а, 46)

В записи 20.08.77 г.:

Мра-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Мралпа Ахмат.

Мза-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Мзалпа Ахмат.

Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Апсха Гуашьа-лпа Ахмат.

Аԥсуа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Апсуа Ахмат.

(Т е т. № 1, с. 81)

В записи 14.08.78 г.:

Мра-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Мралпа Ахмат.

Мза-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Мзалпа Ахмат.

Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Апсха Гуашьа-лпа Ахмат.

Аԥсуа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Апсуа Ахмат.

(Т е т. № 5, с. 434)

В повторной записи 14.08.78 г.:

Аԥсуа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Апсуа Ахмат.

(Т е т. № 5, с. 474).

В последующей повторной записи 14.08.78 г.:

Аԥсуа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Апсуа Ахмат.

Мра-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Мралпа Ахмат.

Мза-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Мзалпа Ахмат.

Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Апсха Гуашьа-лпа Ахмат.

(Т е т. № 5, с. 506)

В записи 30.11.80 г.:

Мра-лԥа Аҳмат ҳа дыҟан. — Был (один по имени) Мралпа Ахмат.

Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахмат ҳа дыҟан.
Был (один по имени) Мза-лпа Ахмат.

Мза-лҧа Аҳмат ҳа дыҟан.
Был (один по имени) Апсха Гуашьа-лпа Ахмат.

Аҧсуа Аҳмат ҳа дыҟан.
Был (один по имени) Апсуа Ахмат.

(Тет. № 7, с. 607)

Разница в формулах состоит лишь в том, что сказитель то называет имя лишь одного героя, фигурирующего в первом эпизоде сюжета сказки, либо имена всех четверых героев.

Заключительные формулы в тех же записях сказки.

В записи 17.06.72 г.:

Уи нахысгьы, Мра-лҧа Аҳматгьы, Мза-лҧа Аҳматгьы, Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Аҳматгьы, Аҧсуа Аҳматгьы еиҩызцәа бзианы иҟан.

И с тех пор, и Мра-лпа Ахмат, и Мза-лпа Ахмат, и Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, и Апсуа Ахмат хорошими друзьями были.

(Зухба, с. 53)

В записи 20.08.77 г.:

Ачара руит, ажәра, акрыфара-акрыжәра ҟаҵаны, қьаф уны, апҟаҩҳәа иныкулан доус рыҩныҟакуа ицеит. Саргьы абрахь саақуланы сааит.

Пир сыграли, питье (устроили), еду-питье устроив, вдоволь насытившись, все мигом отправились, и каждый ушел к себе домой. И я сюда отправился и пришел.

Убасоуп ишыҟала убри.
Вот так то случилось.

(Тет. № 1, с. 90)

В записи 14.08.78 г.:

Абри еиҧш ҟаиҵит Аҧсуа Аҳмат.
Так(ое) сделал Апсуа Ахмат.

(Тет. № 5, с. 441)

В повторной записи 14.08.78 г.:

Абри еиҧш ҟарҵит Мра-лҧа Аҳматгьы, Мза-лҧа Аҳматгьы, Аҧсуа Аҳматгьы, Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Аҳматгьы.
Такое сделали и Мра-лпа Ахмат, и Мза-лпа Ахмат, и Апсуа Ахмат, и Апсха Гуашьа-лпа Ахмат.

Абри ҟарҵит.
Так сделали.

(Тет. № 5, с. 482)

В следующей повторной записи 14.08.78 г.:

Саргь абрахь саакуланы сааит.

Абри абас ҟаитцит.

— Жәынгьы-ҽангьы урт аҳәсакуа ирхымҟьо егьыҟам, рлеишәа цәгьоуп.

И я сюда отправился и пришел.

Этот так сделал.

— И ранее, и теперь эти женщины всему причиной, нрав у них тяжелый[29].

В записи 30.11.80 г.:

Иҧҳәыси иареигьы тынч инхо иҟалыит, агьыртгьы доус рыҩныҟакуа ииан, икуаҧза иаатәеит.

И он [герой], и его жена стали тихо жить, и остальные [друзья] вернулись каждый к себе домой и спокойно зажили.

(Тет. № 7, с. 622)

В трех повторных записях, сделанных в один день (14.08.78 г.), встречается одно и то же выражение «Так сделал (Апсуа Ахмат)» (в одной формуле — «Так сделали...» и называются имена всех героев). В третьей повторной записи помимо этого говорится и о возвращении сказочника «оттуда». Сообщение о возвращении сказочника фигурирует и в записи 20.08.77 г. наряду с сообщением о сказочном пире. В самой ранней записи сообщается о дальнейшей дружбе всех четырех героев (имена перечисляются). По смыслу к этой формуле примыкает и заключение из последней записи. Лишь в одной записи аудитор и сам заключает сказку своей репликой (последняя запись 14.08.78 г.).

Серединные формулы в тех же записях сказки.

Посмотрим **формулу-диалог**, которая произносится при встрече героя с путником (помощником), просящим взять его в друзья. После расспросов, кто куда идет, герои обмениваются формульными в своей основе фразами.

В записи 17.06.72 г.:

...— ыы, уи акузар, ибзиоуп, ныҟуара уцозар, саргьы суццоит, судукылозар, уҩызара стахыуп, — иҳәеит Мра-лҧа Аҳмат.

— Ибзиоуп, ҳаицныҟуап, — иҳәеит Апсуа Аҳмат.

— Аҩыза иоуп са истахыу, дышҧасыдсымкыло, — иҳәеит.

... — ыы, если так, хорошо, если путешествовать идешь, и я с тобой пойду, если ты меня примешь, хочу твоей дружбы, — сказал Мра-лпа Ахмат.

— Хорошо, вместе отправимся (в путь), — сказал Апсуа Ахмат.

— Друга я и хочу, как его не приму (не возьму), — сказал.

(Зухба, 46)

[29] Реплика аудитора.

В записи 20.08.77 г.:

...Уи анакуха, — ус иҳәоит Мра-лҧа Аҳмат, — уара саргьы ҧызара сышьҭых, ҧызара ҳзеиуп, ҳаицныҟуап, — ҳәа иҳәеит.

Ус аниеиҳәа:

— Ибзиоуп, уара уеиҧш иҟоу ҧызас исҭахыу, — иҳәеит.

Иҳәан ҧызас даашьҭихт.

... — Раз так, — так говорит Мра-лпа Ахмат, — ты и меня в друзья возьми, вместе походим, — так ему сказал.

Когда он так ему сказал:

— Хорошо, такого, как ты, я в друзья и хочу, — сказал. Так сказав, в друзья его взял.

(Тет. № 1, с. 81)

В записи 14.08.78 г.:

— Иҟалозар, саргьы ҧызаҧццуот, ҧызас сышьҭых, — иеиҳәеит.

— Ибзиоуп, уара уеиҧш иҟоу исҭахыу, — иҳәан даашьти-

... — Если можно, и я к тебе в друзья пойду, прими меня, — так ему сказал говорит.

— Хорошо, такого, как ты, я и хочу, — сказав, взял его с собой.

(Тет. № 5, с. 434)

В повторной записи 14.08.78 г.:

— Иҟалуазар, саргьы суц-ҧ, ҧызас сышьҭых, — ҳа ди-

Уара еиҧш иҟоу иоуп ҧысҭахыу, узызымгари, — иҳәан ҧьҭихын, ҧызара иааибаху-

... — Если можно, и я с тобой пойду, возьми меня в друзья, — так он его попросил.

— Такого, как ты, я в друзья и хочу, почему бы и не взять мне тебя, — сказал, и они стали друзьями.

(Тет. № 5, с. 475)

В следующей повторной записи 14.08.78 г.:

— Иҟалуазар, саргьы суц-ҧызара суццот, саргьы ҳа ус иҳәеит иҳәеит.

Кох, уара уеиҧш иҟоу ҧызас исҭахыу, узызымиҳәеит.

... — Если можно, и я с тобой пойду, в друзья к тебе пойду, возьми и меня, — так он сказал говорит.

— Кох, ведь такого, как ты, я в друзья и хочу, почему бы мне и не взять тебя, — сказал.

(Тет. № 5, с. 507)

В записи 30.11.80 г.:

Уара иҟалуазар, саргьы ҧызара сышьҭых, — ҳа иҳәа:

... — Если можно, и я с тобой пойду, возьми меня в друзья, — так он ему сказал.

Когда ему так сказал:

— Ӯара уеиҧш иҟоу роуп истахыу, уаала, — иҳәан ҩызара даашьтихит.

— Такого, как ты, я и хочу, идем, — сказав, взял его в друзья.

(Тет. № 7, с. 607)

Формула повторяется во всех записях сказки.

Формулы повторяются и внутри каждой записи по мере того, как герой набирает по пути друзей (помощников). Все они однотипны, почти дословно повторяют друг друга не только внутри одной, но и в разновременных записях.

В сказке встречается формула из группы **опознавательных, типа:**

... — Сҭахозар, есышьжьымтан шәаныҩагылалакь, шәҿызәзәа — шәнаҧызәзәа шәмацәазкуа ишәыстаз рыла ахьтоу шәнарыхуаҧшла, доус иумоу амацәаз ала ашьа аныҩахыжжуа аены сыҟам ауп иаанаго. Акыр шәылшозар, убри аены шәсышьтал, — ҳәа Аҧсуа Аҳмат ус иҩызцәа иреиҳәеит.

... — Если погибну, вы каждое утро, как встанете, помыв лица, руки, смотрите на ваши кольца, отданные вам мною, в тот день, когда в глазок кольца каждого из вас просочится кровь — ясно, что меня нет в живых. Если вы что-нибудь можете, в тот день отправляйтесь за мною, — так Апсуа Ахмат друзьям своим сказал.

(Из записи 17.06.72 г.; Зухба, с. 48)

Формула почти в таком же лексическом составе встречается во всех имеющихся записях сказки.

Повторяется во всех записях и формула победы героя над девушкой (разновидность **формулы-поединка**), а также формула выпытывания у героя, в чем находится его душа, и лексически эти формулы повторяют друг друга в каждой записи.

Повторяется также в каждой записи формула **чудесного пробуждения** героя, когда ему на грудь друзья кладут его меч, в котором его душа. Укажем формулу из одной записи (в других она также повторяется):

Аҳәа ... игу иныкуитеит.

Меч ... на грудь ему положил.

— Ҳаи, ҳаи, асҟаамта сышҧацәаз! — иҳәан Аҧсуа Аҳмат абҧьааҳәа дҩагылт.

— Хай, хай, как я до сих пор спал! — сказав, Апсуа Ахмат мгновенно встал.

(Из записи 17.06.72 г., Зухба, с. 53)

Повторяются также **перечислительные формулы действий, магическая формула** (герой умирает, как только меч его оказался в морской воде), **формулы, выполняющие функции начальных и заключительных** и т. д.

Посмотрим сказку в разновременных записях от одной и той же исполнительницы и записи варианта этой сказки от разных исполнительниц.

«Сказка о мачехе и падчерице» в повторных записях от одной и той же исполнительницы Анкваб Бабилы (с. Атара Очамчирского района) 1977 (две записи с интервалом в один час), 1978 (также две записи с интервалоом в один час) гг.

Вариант этой сказки «О мачехе и падчерице» записан нами от исполнительницы Бениа Татьяны Куртовны (с. Отхара Гудаутского района, 1977 г.) и Квициния Лиму (с. Атара Очамчирского района, 1978 г.— две записи с интервалом в один час).

В записях от сказительницы Анкваб Б., 20.08.77 г.:

Хатцакыи ҧхәыскыи ыҡан рхәеит, зҧаб затцәык дрыман.

Муж с женой были говорят, единственную дочку имели.

(Тет. № 4, с. 371)

Дыҡан азәы, иҧхәыси иареи ракун иҡаз аҩны, зҧаб затцәык дрыман.

Был один (человек), он и его жена только были дома, единственную дочку имели.

(*Из повторной записи,* тет. № 4, с. 415)

В повторных записях 16.08.78 г. от той же сказительницы:

Анҧса аҧхаҧса длыман, аҧха наҡ даалган длыман, ҩыцьа аҡан.

Мачеха имела падчерицу, дочь имела и привела оттуда (от другого мужа), двое их (дочерей) было.

(Тет. № 6, с. 540)

Анҧса данаауаз аҧха даалгеит наҡнтәи, арахь аҧхаҧса длыман.

Мачеха оттуда (от другого мужа) привела дочь, а здесь (у этого мужа) падчерицу имела.

(*Из повторной записи,* тет. № 6, с. 554)

В записях варианта сказки

В записи от сказительницы Бениа Татьяны К. (с. Отхара), 11.08.77 г.:

Ҧхәыск дыҡан. Лара лыҧхаҧса дыҡан. Лыҧха дыҡан.

Одна женщина была. Ее падчерица была. Ее дочь была.

(Тет. № 1, с. 44)

В записях от Квициния Лиму (с. Атара), сделанных 16.08.78 г.:

В первой записи:

Лакук шəасҳəап анҧсеи аҧҳаҧсеи ртəы. Ишықаз акумкуа, анҧсеи аҧҳаҧсеи мааибуа иалагеит.

Сказку вам расскажу о мачехе и падчерице. Как были, мачеха и падчерица перестали ладить.

(Тет. № 6, с. 544)

В повторной записи:

Ишықаз акумкуа, анҧсеи аҧҳаҧсеи...

Как были, мачеха и падчерица...

(Тет. № 6, с. 548)

Мы видим, что в записях одного дня (и в записи 28.08.77 г. и в записи 16.08.78 г.) от одной исполнительницы формулы однотипны. К ним близка и формула из записи варианта сказки (11.08.77 г.). Формулы же из записей варианта (16.08.78) сразу вводят слушателя в мир сказки, а одна из них (в первой записи 16.08.78 г.) осложняется заявлением исполнительницы о ее желании рассказать сказку о мачехе и падчерице.

Заключительные формулы в тех же записях от Анкваб Б.

В записи 28.08.77 г.:

Абриоуп, уаҳа егьсыздыруам.

Вот и все, больше я ничего не знаю.

Ачараҟынгьы сықан, крыфан-крыжəны ахьхьаҳəа сықулан саа-ит сызхарафан-сызхаражəын.

И на свадьбе я была, наевшись-напившись весело отправилась и пришла (сюда), вдоволь наевшаяся-напившаяся.

— Шьапыла баарышьҭу, еыла баарышьҭу?

— Пешком тебя отправили или на коне отправили?[30]

— Ахьыуардын ала саарышьҭит.

— На золотой арбе меня отправили (сюда).

(Тет. № 4, с. 374)

В повторной записи 28.08.77 г.:

Ачара ду иуит, ачара-жəра ду иуит, саргьы сахатəан, адунеи сфычан саргьы саарышьҭит.

Пир большой устроил, еду-питье широко устроил, и я там сидела, всю меня одарив, и меня отправили (сюда).

— Ага ҳцаны лыхуҭала азы ааҳгааиҙа анцəа бимшьааит!

— Пока мы не пойдем к морю и не принесем в сите воду, пусть бог не убьет тебя![31]

(Тет. № 4, с. 418)

[30] Реплика аудитора.

[31] Пожелание аудитора сказительнице в знак благодарности за сказку.

В записях от той же сказительницы 16.08.78 г.:

Аҳ иаииаҳа даан иҭаца дааилаҳәа-дааилаца диманы дцеит, ари аҧҳа ара дынхеит, иара иҭаца дигеит.

Услышав это, царь пришел, и, одев-обув свою сноху забрал ее и ушел, эта дочь здесь осталась, он свою сноху забрал.

(Тет. № 6, с. 543)

Ачара ду иуит. Ачара агуҭаны сахатәан саргьы.

Пир большой сыграл. На пиру, в самой середине, сидела и я.

(Тет. № 6, с. 555)

В записях варианта сказки от разных исполнительниц.

В записи 11.08.77 г. от Бениа Т. К.:

Уиала еилгеит.

Так (тем) все завершилось.

(Тет. № 1, с. 45)

В записях 16.08.78 г. от Квициния Л.:

Анҧсеи аҧҳаҧсеи абасоуп ишрыхьыз.

С мачехой и падчерицей вот так(ое) приключилось.

(Тет. № 6, с. 546)

Саргьы убра сыќан, убрантәи цәгьаҧсышьала ачара ахьыруаз убрантәи сааит.

— Лала ибаны шьамхыла еимыздаанза анцәа бимшьааит.

И я там была, оттуда, с пира, с большим трудом оттуда иду.

— Пока собственными глазами то не увижу и пешком не обойду, пусть бог не убьет тебя![32]

(Тет. № 6, с. 553)

Первые две формулы сообщают о сказочном пире, о возвращении оттуда исполнительницы, и это осложняется репликами и пожеланием аудитории. Такова и последняя формула из записей варианта сказки. В одной формуле записи 16.08.78 г. говорится о последних событиях сказки, а в другой — даны два сообщения о сказочном пире и о присутствии сказочницы на нем.

В первой записи варианта сказки дано сигнальное сообщение о завершении сказочных событий, а в другой — краткое резюме исполнительницы.

[32] Реплика аудитора.

Серединных формул в этих записях немного, а те, которые встречаются хоть в одной из записей, повторяются и в других; то же можно сказать и о записях варианта сказки.

На основании вышеизложенного материала можно сделать вывод, что начальные, серединные и заключительные формулы абхазской волшебной сказки, несмотря на их относительную подвижность и вариативность, в основном устойчивы по своему составу и сохраняют свою однотипность.

ГЛАВА II

НЕФОРМУЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТЕРЕОТИПИЯ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

В сказке изучены: 1) типизированность морфологии и функций [112]; 2) стабильная традиционность начальных, серединных, конечных формул [120]. Изучая стереотипность сказки, В. Я. Пропп приходит к выводу, что композиция сказки носит формульный характер. Н. Рошияну на материале традиционных формул стремится конкретизировать «функции», открытые Проппом, и устанавливает их структуру.

Но охватывается ли этим вся обусловленность, «заданность» сказки в ее живом стилевом воплощении? Такая постановка вопроса закономерна. Традиционная обусловленность сказки гораздо шире. Помимо общеизвестных компонентов, она включает в себя значительный слой неформульной повествовательной стереотипии.

Новизна стоящей перед нами задачи состоит в том, что речь пойдет не просто о событийной повторяемости общеизвестных явлений троичности, повторов и т. д., а о словесно-стилевом их воплощении. Это — важный стилеобразующий фактор, еще не привлекавший внимания исследователей.

Предметом нашего наблюдения являются типизированные повторы в абхазской волшебной сказке. По своему строению они довольно разные: это может быть утроенная (с известными внутренними изменениями) фраза; повторяющийся эпизод (небольшой, или, напротив, развернутый); в свою очередь, эпизоды могут содержать в себе прямую речь. Бывают и двойные повторы. Принципы поовторения при этом могут быть разными. Функции и художественный смысл повторов также могут различаться.

Цель наших наблюдений — показать, что неформульная стереотипия, типизированность — важная сторона проявления устных стилевых основ сказки.

§ 1. Разновидности стереотипии

Стереотипия может быть обусловлена: а) сохраняемостью действия при варьировании персонажей; б) сохраняемостью и действий, и персонажей; в) варьированием однородных действий.

Как уже было сказано, неформульная стереотипия может рассматриваться как производное от повторения действия. Нас интересует природа словесного оформления частей того или иного типизированного повтора.

В «Сказке о царе и его трех сыновьях» (Марр, 25) встречается такой повтор:

1. Аҳ иҧа **ейҳабы дейхсын**, аха изакәмыршәеит (1), **агубжьанытә дейхсын**, ўигьы агьизакәмыршәеит (2), **рейцыбза дейхсын**, хәцк алиршәеит (3).

Старший царевич **выстрелил**, но не попал (1), **средний выстрелил** и тот не попал (2), самый **младший выстрелил**, волосок сбил (3)[1].

Смысловым ядром данного повтора является действие (выстрел), совершаемое братьями поочередно, и результат. Действие одно и то же, результат — дважды отрицательный, а на третий раз — положительный. Эстетическая функция повтора состоит в том, что повтор показывает отличие младшего брата от старших, подчеркивает его непохожесть, выделяет его. Исключительность младшего брата показана противопоставлением на лексико-синтаксическом уровне:

(1) не попал ——
(2) не попал ——— сбил (3)

Повтор несет в себе функцию некоторого предопределения последующих событий сказки. Две первые части его как бы равноценны, если рассматривать их в отрыве от третьей; третья же часть по отношению к первым двум, вместе взятым (если рассматривать их как единое целое, состоящее из равноценных отрезков), противопоставлена им.

Если же рассматривать обе первые части независимо друг от друга и сравнить каждую из них с третьей, то окажется, что первая часть еще не предполагает противоположного результата, а вторая, в отличие от нее, уже вызывает психологическое ожидание его. Но слушатель, знакомый с «правилами» сказки, догадывается, что уж третья-то попытка (и именно она!) должна принести иной результат (знание традиции включает в себя представление о троичности). Здесь мы вправе говорить о своего рода предварительной «заданности» представлений, когда «участники акта коммуникации оказываются предрасположенными не к обычному обиходному речевому обращению, а к воспроизведению и к восприятию фольклорных текстов» [163, 300] «...текст из средства передачи информации превращается в стимулятор воображения воспринимающего» [163, 312]. При этом мы имеем в виду не вообще фоль-

[1] **Черным** шрифтом выделены слова, совпадающие во всех частях (эпизодах) повтора, **черным** шрифтом **вразрядку** — взаимозаменяющиеся в каждой части повтора слова, **светлым** шрифтом **вразрядку** — частично совпадающие слова (т. е. слова, совпадающие не во **всех**, а в **некоторых** частях повтора).

клорный текст, а волшебную сказку, и еще у́же — повторы в сказке.

Можно, по-видимому, говорить и о параллельном строении частей этого повтора, а также о тождестве, подобии первых двух; третья по отношению к ним содержит контрастность, сопряженную с частичным подобием: второй интонационный отрезок третьей части содержит контраст, а в первом сохраняется подобие. Каждая часть повтора состоит из двух интонационных отрезков. Степень напряженности между членами разная: между первыми двумя и третьей она выше, чем между первой и второй.

Обратимся к другому примеру типизированного повествования из сказки «Охотник и его чудесная жена» (Зухба, 42):

2. **Раӈхьа илхылԓыз агулшьап далԓеит ааӡатәыс** (1). **Ашьԓахь илхылԓыз** лыԓкунгьы **алым далԓеит ааӡатәыс** (2). **Ахынтә раан илоуз аӡызлан длылԓеит ааӡатәыс** (3).

Сначала рожденного (сына) **дракону отдала на воспитание** (1). **Потом рожденного** сына тоже **льву отдала на воспитание** (2). **Третий раз рожденного** (сына) **русалке отдала на воспитание** (3).

Смысловое ядро этого повтора: 1) **илхылԓыз (илоуз) ... далԓеит (длылԓеит) ааӡатәыс — (...)[2] рожденного (...) отдала на воспитание.** Это — опорные связующие звенья типизированного повтора, его художественная доминанта: в ней заключается сама суть повтора. Но изложение здесь не совсем такое, как в предыдущем случае (три брата стреляют); действие одно и то же, но повторяется оно не по принципу контраста двух третьему, а по принципу несовпадения всех трех случаев (на воспитание **дракону-льву-русалке**).

В сказке «Старик и старуха» (Марр, 56) встречается такой повтор:

3. ... **амза аайн, аӈхәыз′ба ейҳабы дагыт** (1). **Агәабжьанытә амра дагыт** (2). **Айԓ′баӡа аҟәраан дагыт** (3).

Месяц пришел, старшую девушку **забрал** (1). **Среднюю** (девушку) **солнце забрало** (2). Самую **младшую** (девушку) **ворон забрал** (3).

Устойчивая смысловая часть, ядро — похищение девушек (сестер) поочередно (по старшинству): **месяцем, солнцем, вороном.** Изменяемая часть воспринимается на данном этапе сказочного повествования как дополнительно-второстепенное сообщение, хотя в другом случае она и будет, может быть, частью логического ядра, но уже другого, несущего иную функцию. Ядро может быть воспринято как своеобразная завязка сюжета данной сказки.

Для составляющих этого повтора тоже характерны параллельное строение, тождественность и известная самостоятельность; на

[2] Многоточием, заключенным в скобки, обозначены взаимозаменяющиеся в каждой части повтора слова.

синтаксическом и лексическом уровнях каждая из них вполне может существовать отдельно от других. Но самостоятельность их имеет свой предел: только в том виде, в каком существуют как типизированный повтор, они могут нести необходимую эстетическую функцию. В связи с изменяемостью внутри повтора приходится говорить о контрастности, заключающейся в частичном расподоблении частей. Составляющие представляют собой равнозначные речевые отрезки.

Устность подобных типизированных повторов наиболее приближается к обычной, нефольклорной, в особенности если рассматривать каждую часть любого из повторов изолированно от повтора как целого. Так можно строить и нефольклорную речь, и сказочностью она не будет обладать. Объединенные же в повтор как некое целое, они несут специфический эстетический смысл. Если в каждой отдельно взятой части доминирует информационная функция, то вместе они уже не тождественны обиходной речи, а составляют типизированный повтор как единицу собственно сказочного повествования, как традиционный (стереотипический) речевой отрезок того или иного сказочного текста.

Неформульная стереотипия может быть более сложного состава. Синтаксически части таких повторов состоят из нескольких предикативных центров, что затрудняет выявление в них устойчивого и изменяемого. Возьмем один из примеров подобных типизированных действий в пределах одного текста из сказки «Как три брата женились» (Шакрыл-Бгажба, 85):

4.

эпизод 1	эпизод 2	эпизод 3
Аиҳабы дхысын, ацла икыдыз ацәҟьара иааирхеит. Иара убри **ацла** аҟнытә **тыҧҳа ҧшҙак даалцын дааины** ихысыз **дааидгылт.**	Нас **агуабжьанытә дхыст.** Убрыгь **ҧҳәызбак, ацла даалцын, дааины дааидгылт.**	Ашьтахь **аицбы дхысын,** аҧҳәызба ҧшҙа лцымхурас **даҕьык ацла иаалцын иааидҧалт.**
Старший выстрелил, попал в висевшую на дереве мишень. **Из того дерева вышла красивая девушка, подошла и встала рядом с выстрелившим.**	Потом **выстрелил средний. Из дерева вышла девушка, подошла и встала рядом с ним** тоже.	В конце **выстрелил младший,** вместо красивой девушки **из дерева вышла лягушка и подпрыгнула к нему.**

Основную информационную функцию выполняет общее (устойчивое) словесно-смысловое ядро: (...) **дхысын (дхыст)** ... **ацла (аҟынтә) даалцын (иаалцны)** (тыҧҳа ҧшҙак, ҧҳәызбак, даҕьык) **дааины даадгылт (иааидҧалт)** — (...) **выстрелил... из дерева**

вышла (красивая девушка, девушка[3], лягушка), **подошла и встала рядом с ним (подпрыгнула к нему)** (1, 2, 3). Художественная условность (совершаемое действие) названа только в первом эпизоде. Но это не исключает того, что при повторном воспроизведении сказки она появится в другом или во всех трех эпизодах. Отсутствие ее во втором и третьем эпизодах делает сильнее их связь, ставит предел самостоятельности каждого из них. Здесь вновь наблюдаем такой принцип: совпадающее действие и различающиеся результаты. В первых двух результат один и передан одинаково: **тыҧха ҧшҙак (ҧхәызбак) атҵла даалҵын дааины дааидгылт — девушка вышла из дерева, подошла и встала рядом с ним** (1, 2). В третьем эпизоде результат иной: вместо **девушки** фигурирует **лягушка**, но описание этого результата схоже с предыдущим: **даҕьык** атҵла **иаалҵны ииаидҧалт — из дерева вышла лягушка и подпрыгнула к нему.**

Границы устойчивого и изменяемого часто могут быть размытыми. У них могут появиться общие элементы. Таким элементом в рассматриваемом повторе является слово «девушка», встречающееся в первом и втором; в третьем оно сменяется словом «лягушка». И это воспринимается слушателями как должное, так как это есть ожидаемый элемент. Некоторые элементы, воспринимающиеся на лексико-синтаксическом уровне как элементы изменяемого, логически могут быть включены в состав художественного ядра повтора: (1) **аиҳабы (старший)** = (2) **агуабжьаныҭә (средний)** = (3) **аиҵбы (младший)**. Это не разрушает единства, целостности логического ядра, а, напротив, укрепляет. Части повтора следуют друг за другом и представляют собой последовательные единицы ритма повествования, связанные общим логическим ядром и единой эстетической функцией.

В качестве варьированного повтора особо интересен повтор из сказки «Слово (рассказ) старика» (Марр, 48): старик наблюдает, как ворона, окунувшись в воду, из черной превращается в белую. Следуя ей, старик и сам окунается в воду несколько раз, и с каждым разом он принимает иной облик:

эпизод 1	эпизод 2	эпизод 3
Аҭаҳмада данаба, **алаҳә лыбаан, азы аҿзаашьны ишкәакәаҙа ихәнаны** аҧь **акәцэ икәтәейт.**	Ани аниба **аҭаҳмада гьы днейн азырҩаш иҿзаайшьт,** сыцкәнхозар здырўада хәа. **Иҿынзаайшь аҭаҳмада дмаҵўар** бзиаха дҟалыйт. Дынматцўарха дыхраа-з′раа-	**Аҧацәа анааза, амаҵўар ааны адырҩагь азырҩаш аҿзаанашьт. Аҿынзаанашь иҿеан** бзиаха **иҟалыйт.** Акрыфўа **адәы ис′ыкәз аҿеан, аҳ иҧа ибан, аҩныҟа игейт. Ихнейгаз х-ҿабак арит.**

[3] В оригинале слово **девушка** передано двумя синонимичными друг другу понятиями: **ҭыҧха** и **ҧхәызбак** (I и II эпизоды соотвественно).

ўа адәы дыкәан. Аҳ иҧа дибан дс'ышәарыц'ўаз аԥныҟа дыйгыйт. Ихнейгаз аматцўар х-лас'бак арит.

Когда заметил старика, **во́рон спустился, окунулся в воду и, став белым, поднялся и сел** на верхушку дуба.

Когда то увидел, старик тоже пошел и окунулся в реку в надежде, что он, быть может, помолодеет.

Окунувшись, старик превратился в хорошую собаку. Став собакой, он бродил туда-сюда **по полю. Царевич,** охотясь, **увидел ее и привел домой. Дома (находясь) собака родила трех щенят.**

Вырастив щенят, собака **пришла,** опять **окунулась в реку. Окунувшись,** она **превратилась** в хорошую **кобылицу. Кобылица бродила по полю,** кормясь; **царевич увидел ее и привел домой. Дома (находясь) она родила трех жеребят.**

эпизод 4

Аҽцыс'қәа анааза, аҽан азырԥаш аҽзаанашьыхт. Аҽынзаанашь иҧҳәыз'баха иҟалыйт. Аҧҳәыз'ба дыхц'ара лзымдырўа **адәы дс'ыкәз, аҳ иҧа** дс'ышәарыц'ўаз **дйбан аԥныҟа дыйгыхт. Дыхнейгаз хыԥ-ҧацәа лоўит.**

Вырастив жеребят, кобылица опять **окунулась в реку. Окунувшись, она превратилась в девушку.** Не зная куда идти, **девушка бродила по полю; паревич,** охотясь, **увидел ее и привел домой. Дома (находясь) она родила трех сыновей.**

эпизод 5

Лҧацәа ааҙаны даайн, аҧҳәыз'ба аҧь аҽы **азы лыҽзаалшьыхт, лҽынзаалшь,** аҧаса дс'ыҟаз ейҧш **дыҭаҳмадаха дҟалыйт,** ус даныҟала аԥныҟа даакәлан даайт аҭаҳмада рыцҳа.

Вырастив сыновей, девушка пришла, опять **окунулась в воду** у дуба, **окунувшись,** она **превратилась в старика,** кем и была раньше. Когда стал таким, бедный старик отправился и пришел домой.

Здесь, как и в предыдущих повторах, мы наблюдаем одинаковость действий-превращений и их результатов при различии персонажей (хотя логически это один и тот же персонаж — старик, испытывающий превращения с их последствиями). Цепь превращений продолжается при помощи одного и того же действия. Первый эпизод представляет собой почти полное тождество устности обыденной, т. е. подобие нефольклорному речевому отрезку. С другой стороны, именно в нем содержится схема действия, которая повторяется во всех других эпизодах повтора.

Второй эпизод по характеру устности близок к первому, но в нем словесно-смысловое ядро уже принимает известную окраску сказочности. С этой точки зрения рассматриваемый эпизод является как бы промежуточным между первым и последующим эпизодами повтора, т. е. находится на границе двух стилевых уровней повествования. В то же время, находя в нем элементы, характерные для всех эпизодов, мы чувствуем некоторую его неполноту как по отношению к первому, так и к следующим за ним эпизодам.

По мере повторения эпизодов сказочность повествования усиливается и все более полно приобретает свойственные ей краски. Такой характер второго эпизода свидетельствует о сложности перехода от одного стиля к другому, другими словами — одного качества в другое. Границы устойчивого словесного ядра средних звеньев шире, это объясняется бо́льшим их отходом от обычного повествования: (...) **анааза (аазаны)** (...) **(д)лейн(ы) азы(р◌аш) аҽзаанашьит (лыҽзаалшьыхт). Аҽеынзаанашь (лҽеынзаалшь)** (...) **иҟалыйт (дҟалейт).** (...) (...) **адәы ис′ыкәз (дс′ыкез) аҳ иҧа (д)ибан а◌ныҟа (ды)йгыйт. (Д)ыхнейгаз х(ы◌)** (...) **лоўит (арит). Вырастив** (...), (...) **пришла окунулась в реку. Окунувшись,** (...) **превратилась в** (...). (...), **бродила по полю, ... царевич ... увидел** (...) **и привел домой. Дома (находясь),** (...) **родила трех** (...).

В третьем, четвертом, пятом эпизодах появляется отсутствующее в других выражение (...) **аазаны — вырастив щенят-жеребят-сыновей,** — являющееся как бы смысловой связкой эпизодов. Благодаря этой связке эпизоды предстают логически вытекающими один из другого и продолжающими друг друга. Вместе с тем связка — косвенная временна́я характеристика действий повтора.

Очень интересен и пятый эпизод. Здесь наблюдается плавный переход от устности сказочной к устности обычной, т. е. процесс, противоположный тому, который имел место в начале повтора. Вместо привычного сказочно оформленного результата исходного действия мы имеем выражение «... **дыҭаҳмадаха дҟалыйт,** ус данык̆ала а◌ныҟа даакулан дааит аҭаҳмада рыцха» — «... **превратилась в старика...**, когда стал таким, бедный старик отправился и пришел домой», приближающееся к простой нефольклорно-повествовательной речи. Таким образом, сказочность повествования как бы заключена в рамки обычного, приобретая тем самым характер

замкнутости, нарушение которой значило бы нарушение художественной целостности самого повтора: сказитель не мог, например, изложить пятый эпизод раньше третьего, или второй раньше первого. Место и характер первого и пятого эпизодов также в известном смысле определены. В этом плане им можно противопоставить эпизоды третий и четвертый: от их перестановки последовательность и стройность повтора не пострадали бы, т. к. они равноценны по содержанию и характеру устности, и не являются средством фиксации начала или конца. Этого нельзя сказать ни о первом и пятом эпизодах, ни о втором, находящемся на «стыке» двух уровней.

Пространство варьируемых компонентов повтора вырисовывается ясно на фоне повествовательной речи. **Первый ряд** замен: **алаҳә — во́рон** (1) = **аҭаҳмада — старик** (2) = **амацӱар — собака** (3) = **аҽеан — кобылица** (4) = **аҧҳәыз′ба — девушка** (5); **второй ряд: аҧацәа** (здесь: **щенят**) (3) = **аҽҵыс′қуа — жеребят** (4) = **лҧацәа — сыновей** (5); **третий ряд: дмаҵӱарха — в собаку** (2) = **иҽеан+ха — в кобылицу** (3); **иҧҳәыз′баха — в девушку** (4) = **дыҭаҳмадаха — в старика** (5); **четвертый ряд: аҭаҳмада — старик** (2) = далее в эпизодах лицо субъекта действия определяется по личному префиксу в глаголе: **а-ҽынҙаанашь-а-лара — он** (в переводе: **она**, т. е. **собака, кобылица**) (3, 4) = **л-ҽынҙаалшь-(л-лара) — она (девушка)** (5).

Элемент или несколько элементов могут выпасть из устойчивой системы (дс′ышәарыц′ӱаз — охотясь — имеется во втором и четвертом эпизодах, а в третьем — отсутствует), в чем можно видеть случайный пропуск. Так происходит частичное разрушение повествовательного стиля, что, однако, не лишает сказочное повествование целостности.

Помимо типизированных действий, стабилизированные повторы могут содержать в своем составе прямую речь, которая подчиняется общему принципу их построения. Возьмем пример из сказки «Хянчкут, сын Лагуа» (Шакрыл, 68—69):

6

эпизод 1

Хьанчкут ҟуарылк ишьын изны, иара убас ачыс ҟаҵаны **иган**, анышәынтраҟны **аишәа иргылт.**

Анышәынтра аҩадахьы игылаз аҧь ду ашьапаҿы шаха жәпала **арҟан иргылт.** Иара иҽынаҧхьакны дтәеит.

эпизод 2

Уи аухагьы **Хьанчкут ҟуарылк ишьын**, ичаҧаны **има дцан аишәа иргылахт**, аҧь аҟныгьы **арҟан иргылеит.**

Аҵхыбжьон **аҧь ашьапы иаадҳалеит**, акуиц еиҧш **иҟаҧшьҙа** еибакны **иҟаз ҧстҳәак.** Уи аҧстҳәа **иаалцын рашь азык, анышәнт-**

эпизод 3

... **Куарылк шьны**, ачыс **има дцан аишәа иргылахт, иарҟангьы аашьакургыланы** днаскьан днатәеит.

Аҵх агу еиҩнашеит аха акгьы имбеит, дтәан. Ашарҧазы **ҧстҳәа** шкуҵакуак еилачны **аҧь ашьапы иаадҳалт.** Дшахуаҧшуаз, **аҧ-**

Ауха цхыбжьон аҧь ашьапы иаадҳалеит ҧсҭҳәа еиқуаҵәак силачза. Аҧсҭҳәа иаалҵын рашь еиқуа дузза к анышәнҭрахь аҿаиааиаха, арҟан ахуда инахашәеит. Еихеит, еихеит, аха иаузцахʼуаз, иааиҳеит.

Хьанчкут днеин даннадгыла, арашь ааҵәажәан ус аҳәеит:

— Абаапсы, иахьазы соужь, иас иаиыуҭахыу азы сара сыхиоуп.

Арашь иаҳәаз ѳбамтәыкуа днеин иааҧиртлеит.

— Иҭабуп, Хьанчкут, уашьҭан сара иузызуп ацкы абзиара. Уара агуаҟра анумоу абрагьы — абрагьы игылоу амжәаҿы унеины «арашь еиқуа куар» ҳәа хынтә ҟамчыла уас, нас сара уа субоит, — аҳәеит арашь.

Уи акухт. Анааша Хьанчкут иѳныҟа даан, ижәқуа гуарихт. Ашьыбжьышьҭахь цәкышьҭын еиҧш игуареицалт ираху аѳныҟа.

рахь ишнеиуаз, арҟан ахуда инахашәеит. Аҿеибыҭаны даара иахеит, аха арҟан иаунамышьҭит. Хьанчкут днеины днадгылеит.

— Аа, аиҵәа уишазар, соужь, уаха, нас санутахыу азы сыхиоуп сара. Агуаҟра ануоуа аамҭазы абрагьы-абрагьы игылоу амжәа аҟны унеины ҟамчыла уас хынтә, «арашь аз куар» ҳәаны. Нас субоит уа сара, — аҳәеит арашь.

Арашь иаҳәаз аахатцаны, арҟан аахыхны илоушьҭны аѳны даанит. Дырѳегьых ираху има дгуарҵит.

Ашьбжьышьҭахь данаац даанит.

стҳәа иаалҵит рашь хуа дук. Ишаалҵыз еиҧш анышәынҭрахь инеихеит. Арҟан ахуда инахашәаны, иааннакылт иара уа. Иеихеит, иеихеит ишамчыз, аха иазҧымҵәеит.

Ашырҳәа Хьанчкут днеин днадгылт.

— Ҳаи, уара уахала акгьы сухуом, соужь, даҿазназы уара узы сыҟоуп. Агуаҟра ануоуа, унеи абрагьы-абрагьы игылоу амжәаҟны. Уҟамчала хынтә уас «арашь хуа куар» ҳәа, нас снеиуеит иара уа, — аҳәеит арашь. Арашь ишаҳәаз еиҧш арҟан аахихын, иноужьны аѳны даанит.

Хянчкут зарезал индюка, изжарил, а также **приготовил еду, отнес на могилу, накрыл поминальный стол.**

Подошел к подножию стоявшего поодаль большого дуба и **поставил там** из толстой веревки **аркан.** Сам он укрылся.

И в ту ночь **Хянчкут** зарезал **индюка, приготовил,** пришел **к могиле** и накрыл **поминальный стол,** а под дубом **поставил аркан.**

В полночь к подножию дуба привалило красное, как горящий уголек, **облако. Выйдя из** того **облака, к могиле**

... зарезав одного **индюка, приготовив еду, отнес на могилу** и накрыл **поминальный стол,** поставив свой аркан, укрылся поодаль.

Настала полночь, но он не видел ничего, сидел.

На рассвете густое **белое облако**

В ту ночь, в полночь, к подножию дуба привалило густое черное облако. Выйдя из облака, к могиле направился огромный вороной араш, но угодил в аркан.

Силился, силился вырваться, но разве мог уйти, остался.

Когда Хянчкут подошел и встал рядом с ним, араш заговорил и сказал ему:

— Абаапсы, на сегодня отпусти меня, тогда в любое другое время я — к твоим услугам.

Не заставляя повторять дважды, он подошел и распутал его.

— Спасибо, Хянчкут я потом сделаю тебе в ответ доброе. Когда тебе будет трудно, приди к шелковице, стоящей в таком-то месте, ударь по ней трижды плеткой и скажи: «быстроногий вороной араш!», тогда ты увидишь меня там, — сказал араш.

Только и было. Когда рассвело, Хянчкут пришел домой и погнал коров пастись. После обеда... пригнал стадо домой.

направился гнедой араш, но угодил в аркан. Собравшись с силами, долго тянул, но аркан его не отпустил.

Хянчкут подошел и встал рядом с ним.

— Аа, если тебя породил бог, отпусти сегодня меня, тогда в любое другое время я — к твоим услугам. Когда тебе будет трудно, приди к шелковице, стоящей в таком-то месте, ударь по ней плеткой трижды и скажи: «быстроногий гнедой араш!», тогда ты увидишь там меня, — сказал араш.

Поверив арашу, он снял с него аркан, отпустил и пришел домой. Опять угнал коров пастись. После обеда, как обычно, вернулся.

привалило к подножию дуба. На его глазах из облака вышел большой белый араш. Как только вышел, двинулся к могиле. Угодил в аркан и тут же остановился. Силился, силился, как мог, но не сумел оборвать.

Мигом Хянчкут подошел и встал рядом с ним.

— Хай, сегодня я тебе ничем не помогу, отпусти меня, в другое время я — к твоим услугам. Когда тебе будет трудно, приди к шелковице, стоящей в таком-то месте. Плеткой своей ударь по ней трижды и скажи: «быстроногий серый араш!», тогда приду я туда же, — сказал араш. Как сказал араш, Хянчкут снял с него аркан, отпустил и пришел домой.

Для всех эпизодов характерно наличие одинакового словесного ядра: **Хьанчкут ҟуарылк ишьын (шьны) иган (има дцан) ... аишәа иргылахт ... Иарҟангьы иргылеит (аашьақургыланы) ... (...) аҧь ашьапы иаадҳалеит ҧстҳәа (...) ... Аҧстҳәа иаалтцын рашь (...) анышәынтрахь аҿанаанаха (ишнеиуаз, инеихеит), арҟан ахуда инахашәеит (инахашәаны) ... Еихеит, еихеит (иахеит), аха иаанхеит (иаунамышьтит, иазҧымтцәеит).**

Хьанчкут днеины даннадгыла (днадгылт, днадххылт).

— Ҳаи (Аа, Абааԥсы), иахьазы (уахала) ... соужь, нас иануҭахыу азы (даҽазназы) сара сыхиоуп (уара узы сыҟоуп) ... Агуаҟра анумоу (ануоуа) ... абрагьы-абрагьы игылоу амжәаҷы (амжәаҟны) унеины, ҟамчыла уас хынтә «арашь (...) куар» ҳәа(ны), нас сара уа субоит (снеиуеит иара уа), — аҳәеит арашь. — Хянчкуҭ зарезал индюка, приготовил еду, пришел (отнес) на могилу, накрыл поминальный стол... поставил аркан... (...) к подножию дуба привалило... (...) облако. Выйдя из облака, к могиле направился... (...) араш, ... угодил в аркан... Потянул (силился, силился), но... остался (аркан не отпустил, не смог оборвать).

Хянчкут подошел и встал рядом с ним.

— Хай (Аа, Абаапсы), ... на сегодня отпусти меня, ... в другое время я к твоим услугам. Когда тебе будет трудно, приди к шелковице, стоящей в таком-то месте, ударь по ней трижды... плеткой и скажи «быстроногий (...) араш», тогда ты увидишь там меня (приду туда же), — сказал араш (1, 2, 3).

Во втором и третьем эпизодах одинаковая реакция героя передана одним и тем же выражением: ... **аркан(ɷ)ахыхны иноушьҭны (илоушьҭны) аɷны дааит ... Ижәқуа гуарихит. Ашьыбжьышьтахь игуареицалт (дааит)** — ... снял с него аркан, отпустил и пришел домой... угнал коров пастить. После обеда пригнал (пришел) (2, 3). В первом эпизоде этот момент передан иначе: конь обращается к герою с просьбой отпустить его, что герой и делает, не дожидаясь слов благодарности. В третьем эпизоде говорится только о возвращении домой, что, возможно, вызвано желанием сказителя ускорить повествование. Пространство замен характеризуется теми же особенностями, о которых уже говорилось; они распространяются и на диалогическую часть (прямую речь) повтора: **(Ауха) цхыбжьон — в полночь** (1, 2) = **ашарԥазы — на рассвете** (3); **еиқуаҵәак — черное** (1) = **иҟаԥшьза иҟаз — красное** (2) = **шкуакуак — белое** (3); **еиқуа — вороной** (1) = **аз — гнедой** (2) = **хуа — белый** (3). Просьба коня начинается с разных по звучанию, но совпадающих здесь по значению и эмоциональной окрашенности междометий: **Абааԥсы — Абаапсы** (1) = **Аа — Аа** (2) = **Ҳаи — Хай** (3). Стремление коня вырваться из аркана во всех эпизодах описано сходно.

Изложению эпизодов повтора свойственно смысловое тождество: описываемые во всех эпизодах действия одни и те же, они как бы нанизываются одно за другим, последовательно, на стержень повествования. За пределами общего словесно-смыслового ядра и пространства замен остается лишь очень скудный речевой фон, который почти сводится на нет.

Встречаются повторы, являющиеся очень емкими отрезками сказочного повествования. В таких повторах расширены границы и собственно речевой ткани, и стереотипических фраз.

Посмотрим следующий повтор из «Сказки о Хайте» (Шакрыл-Бгажба, 83—84):

7.

эпизод 1

Адырԥаены ауқун зеиԥакам ҽышәа дԥаԥԥаԥуа даақугылан, анахуҭа нахатцаны, иманы ақалақь ахь иҿынеихеит ауқун иаб.

Қыр данынаскьа амԥан дааиԥылт уаԥ аԥшьк, еызк дақутәаны, ҟаԥшьы маҭәала деилаҳәаны, ҟамчаԥшьык кны. Иааигуа-сигуа адгьылгьы ҟаԥшьхеит, абнагьы ҟаԥшьхеит.

— Мшыбзиа дад! Ари аҽы абоуг'уои? Сара исырхуҳа абри уеы, ҟазаза ухы злаҧыкуга ша устап, — ихәеит иааиԥылаз. Аха алыгажә иҽаԥсреитан иԥа иихәаз имдыруаз, иимырхуҳаит. Ақалақь аҿы ари еиԥш аҽы бзиа збаз даара ахубзиа идыргалеит: нас азәы реиҳа ху-бзиа изҭаз иирхуҳаит. Анахуҭа аахыхны аԥныҟа иманы даа ит.

эпизод 2

Адырԥаены ауқун джәышкуакуа бзиахуха даақалан, иаб ақалақь ахь ашаха нахатцаны иманы дышнеиуаз, амԥан уаԥы шкуакуак, ҽларԥьк дақутәаны ҟамчышкны, маҭәа шкуакуала деилаҳәаны дааиԥылт; адгьылгьы шкуакуахеит, абнагьы шкуакуахеит иара убысҟан.

— Ужә сырхуҳа, узыркьаҭаша устоит! — иҳәан даара иҽԥдицалеит, аха иимырхуҳаит. Ақалақь аҿы иган, худула итиит.

Ахуда иахаз ашаха аахыхны аԥныҟа иманы даа ит.

эпизод 3

Адырԥаены ауқун дыцәкамбашь бзиахуха даақалан, ашаха нахатцаны ақалақь ахь ишигоз, уаԥы еиқуак ҽ-еиқуак дақутәаны маҭәа еиқуаҵәала деилаҳәаны, ахҵырԥа еиқуаҵәа ихатцаны, ачыхуеиқуа ыргьало, акамчы еиқуаҵәа кны амԥан дааиԥылт. Адгьылгьы абнагьы аиқуара нархаԥеит.

— Дад, ари акамбашь сара исырхуҳа, егьа ху бзиа уҵахызаргьы иустап!—иҳәан, даараза иҽаайдицалт. Алыгажә имуит, аха даниқуамҵза аху дыхнахын ҟамбашь днахан ашаха шахаз инаиркит.

Аҽыуаԥ иаразнак днаимпыҵабеит.

На второй день юноша превратился в превосходного гарцующего **гнедого коня; за веревку повел его в город отец** юноши.

Когда он ушел уже далеко, **по пути его встретил русый человек на гнедом коне, одетый в красную одежду, держа красную плетку.** Поблизости и

На второй день юноша превратился в хорошую **белую корову; отец повел ее за веревку в город, и по пути его встретил белый человек на белом коне, держа белую плетку, одетый в белую одежду; и земля побелела, и лес побелел** сразу же.

— **Продай мне свою**

На второй день юноша превратился в хорошего **буйвола, он повел его за веревку в город, и по пути встретил его смуглый человек на вороном коне, одетый в черную одежду,** в черном башлыке с развевающейся белой бахромой, держа **черную плетку. И зем-**

земля покраснела, и лес покраснел.

— Добрый день, дад! Куда ведешь этого коня? **Продай мне этого коня, дам тебе** (денег) **столько,** сколько нужно **тебе** до конца твоей жизни, — сказал встретившийся.

Но старик ни за что не продал ему, помнил ведь наказ сына. В городе увидевшие такого хорошего коня предложили ему очень хорошую цену; наконец, продал его одному, кто давал большую цену. Снял с него веревку и с нею пришел домой.

корову, несчетное количество (денег) дам, — сказал он и стал уговаривать, но он ему не продал. Повел ее в город и продал за большую цену.

Снял с шеи веревку и с нею пришел домой.

лю, и лес обуяла тьма.

— Дад, **продай мне** этого **буйвола, дам** цену, какую хочешь! — сказал он и стал уговаривать.

Старик не согласился, но тот не отстал, и он отдал ему своего буйвола вместе с веревкой. Всадник мгновенно растаял перед ним.

Одинаковые действия (юноша превращается поочередно в коня, в корову, и отец ведет его в город, чтобы продать; по пути встречается незнакомый, который настаивает продать их ему) в первых двух случаях приводят к одинаковым результатам (старик, помня наказ сына не продавать его человеку, который встретится ему по пути в город, не продает последнему коня и корову. Он продает их в городе, снимает с них веревку и с нею возвращается). В третьем эпизоде подобные действия (на этот раз юноша превращается в буйвола) дают иной результат: не устояв перед уговорами незнакомого, старик продает буйвола и забывает оставить при себе веревку. Незнакомый и буйвол исчезают. В результате наличия контраста в третьем эпизоде между первым и вторым больше общего в одинаковости описания действий. Если общее для всего повтора следующее: **Адырҩаҽны аҵкун** (...) (...) **даақугылан (даақалан), иаб анахуҭа (ашаха) нахаҵаны, иманы ақалақь ахь иҿынеихеит (дышнеиуаз), амҩан уаҩы** (...) (...) **Адгьылгьы** (...) **абнагьы** (...) — (...) ... **сырхуха** ... — **На второй день юноша превратился в** ... (...) (...), **отец** ... **повел его (ее) за веревку в город, и по пути его встретил** (...) **человек на** (...) **коне, одетый в** (...) **одежду, держа** (...) **плетку**... . **И земля** (...), **и лес** (...). **Продай мне своего (свою)** (...) ... (1, 2, 3), то границы общего для первого и второго эпизодов шире, т. е. оно (общее) продолжается: ...аха ҭыгажә ... иимырхуҳаит. Ақалақь аҿы ... ху-

дула (бзиа) йзтаз йирхуҳаит (итйит). Анахуҭа (ашаха) аахыхны иманы аҩныҟа дааит — ...но старик... не продал ему... В городе продал... за большую (хорошую) цену... Снял веревку и с нею пришел домой (1, 2); отрицательный результат в третьем эпизоде влечет за собой иное описание: *Алыгажэ имуит, аха даниҟуамҵза аху дыхнахын, икамбашь днахан ашаха шахаз инапиркит. Леыуаҩ иаразнак днаимпыҵабеит. — Старик не согласился, но тот не отставал, и он отдал ему своего буйвола вместе с веревкой. Всадник мгновенно растаял перед ним* (3).

Особое звучание в контрастной части повтора приобретает фраза: *Анахуҭа (ашаха) аахыхны аҩныҟа иманы дааит — снял веревку и с нею пришел домой,* так как помимо запрета продавать меняющего свой облик сына всаднику, появляющемуся в пути, есть еще и обязательное условие возвращаться с веревкой. Это условие в данном случае выступает в роли художественной условности, веревка — как бы носитель защитной силы. И трудно сказать, какой из обоих запретов здесь выполняет главную функцию. Нарушение их и вызывает контраст в частях повтора. Пространство замен состоит из названий персонажей (в которых попеременно превращается герой). Первый ряд замен: **еы — коня** (1) = **жэы — корову** (2) = **цэкамбашь — буйвола** (3). И цвета соответственно меняются. Интересно и логично их соотношение: в каждом эпизоде встречается исключительно один тон. Второй ряд замен: **аз — гнедого** (1) = **шкуакуа — белую** (2) = **в** (3) черный цвет подразумевается (буйвол черного цвета); третий ряд замен: **аҧшьк — русый** (1) = **шкуакуак — белый** (2) = **еиҟуак — смуглый** (3); четвертый ряд замен: **ҟаҧшьык — красную** (1) = **шкуакуала — белой** (2) = **еиҟуаҵэала — черную** (3); пятый ряд замен: **ҟаҧшь — красную** (1) = **ашк — белую** (2) = **еиҟуаҵэа — черную** (3); шестой ряд замен: **ҟаҧшьхеит — покраснела** (1) = **шкуакуахеит — побелела** (2) = **аиҟуара нархаҧеит — обуяла тьма** (3).

Такое соотношение тонов не случайно в художественной системе повтора: красный и белый цвета не предполагают ничего плохого, они воспринимаются как символ благополучия. Черный же цвет — цвет опасности, в третьем эпизоде он подчинен общему замыслу: предупреждает о возможности (или неминуемом) наступлении беды.

В третьем эпизоде названо больше деталей одежды всадника, все они черного цвета, и их перечисление призвано подчеркнуть грозный облик их носителя. Они могли (и должны были бы) присутствовать и в остальных эпизодах. С одной стороны, этого нет, возможно, из-за соображений сказителя сократить речь, либо из-за его забывчивости. С другой — наличие в третьем эпизоде большого количества таких атрибутов могло быть подчинено определенной цели: гораздо большему сгущению красок для усиления

значения происходящего. Момент изменения облика героя в пределах повтора тоже в известном смысле регламентирован; он превращается в коня, корову, буйвола. Это вызвано, по-видимому, характером быта создателей и слушателей сказки.

Прямая речь может составлять основную (бóльшую) часть повтора. Таков повтор из сказки «Кражи бывают разные» (Зухба, 126—127):

8.

эпизод 1

Аиҳабы дҽагылан ус лҳәеит:

— **Абригь, абригь адгьыл аҧы** ашәшьыра сыцатәаны сшызах'уаз, **сацәца азәы игеит, арҧыс бзиак иакумкуа дыкам иара, дысзышәныхәа,** бзиа дызбоит, дахьыказаалакгьы аразкы бзиа имазааит, — **лҳәан** аҧәца азна аҧы дҽаханы ианылжә, **лаҳәшьцәагьы** ҽагылан **лацәца згаз дныҳәаны иржәит.**

эпизод 2

Агубжьанытә дҽагылан ус лҳәеит:

— Абас, абас, **абригь, абригь адгьыл аҧы** ҧсык джын, уахынла сара убра снеины аҧсы дыцхны сышпилахумаруаз, **скамчы азәы исцәизеит, арҧыс бзиак иакумкуа дыкам,** бзиа дызбоит, **анцәа диныҳәааит,** — **анылҳәа, уигьы зегьы дырныҳәан,** инҭыркукуа-нҭыркукуаны **иржәит.**

эпизод 3

Аицбагьы дҽагылан ус лҳәеит:

— **Абригь, абригь** аҭыҧ **аҧы** каҧьала ауаа амшын изхыцуан, сеикуаҧала убра убри аканҧьа аасырҳәалон, уи сара салахумарлон, гумырҧыҧыгас исыман, ауаа амшын ианалахалакь, сарыччон. Убри убас излакасцоз **сеикуаҧа азәы изаны игеит, арҧыс бзиак иакумкуа дыкам, анцәа диныҳәааит, — лҳәан убригьы дныҳәаны зегьы иржәит.**

Старшая встала и так сказала:

— **В таком-то месте я,** сидя в тени, шила, **и кто-то украл мой стакан, видно, это — хороший юноша,** выпейте **за его здоровье,** люблю его, где бы он ни был, пусть будет счастлив, — **сказала и** выпила полный стакан вина, и ее **сестры** встали и **выпили за здоровье того, кто взял ее стакан.**

Средняя встала и так сказала:

— Так и так, **в таком-то месте** был похоронен один покойник, я приходила туда по ночам, вырыв покойника, забавлялась с ним, **кто-то украл мою плетку, видно, это — хороший** юноша, люблю его, **за его здоровье, — сказала,** и все **выпили** вино до дна **за здоровье того же.**

И самая **младшая встала и так сказала:**

— **В таком-то месте** люди переправлялись через море на судне, я переворачивала судно своим топориком, этим я забавлялась, смеялась над тем, как люди барахтались в море. **Кто-то украл мой топорик,** которым я творила такое, **видно, это — хороший юноша, за его здоровье, — сказала и все выпили за здоровье того же.**

На фоне пестрой речевой ткани довольно четко вырисовывается смысловое ядро повтора: (...) **дҽагылан ус лҳәеит: — Абригь-**

абригь адгьыл аҽы ... (...) азәы игеит, арҧыс бзиак иакумкуа дыҟам ... дысзышәныхәа (анцәа диныҳәааит), — лҳәан (анылхәа) ... лаҳәшьцәагьы (зегьы) д(ыр)ныҳәаны иржәит — (...) встала и так сказала: — В таком-то месте... кто-то украл (взял) мой (мою) (...), видно, это — хороший юноша, за его здоровье..., — и ее сестры (все) выпили за его здоровье. (1, 2, 3).

Заменяют друг друга слова, называющие предметы, каждый из которых выполняет строго определенную функцию в построении сюжета сказки: **ацәца — стакан** (1) = **аҟамчы — плетка** (2) = **аикуаҕа — топорик** (3).

Пространство замен представлено и другими словами: **аиҳабы — старшая** (1) = **агуабжьаныта — средняя** (2) = **аитцыбза — самая младшая** (3).

Эпизоды строятся по принципу подобия, т. е. одинаковые действия одно за другим нанизываются на стержень повествования.

Повтор может состоять из единообразных действий как символ множественности. Такое повторение несколько приостанавливает развитие сказочного повествования. Возьмем один из повторов сказки «Услуживший покойнику» (Зухба, 76):

9.

эпизод 1	эпизод 2	эпизод 3
Лара дахьыцәаз **ахырхырҳәа лыхуда абжьы шгоз** атәыртҳәа **амат** аҧшь **ҩалҽыцәараait.** Ари амат анлҽцәраа, ари иахәа кны дгыламзи иҽырхианы, атахҳәа, иаҳәа аамҩанитцан, **амат ахы** атахҳәа **иаахитцәеит.** Амат ахы аашьҭихын, **ақьаад инылаҳәаны иҵьыба инҭеитцеит.**	Дырҩагь **лыхуда ахыр-хыр-хырҳәа абжьы шгоз, еиҵа илҽыцәараахт,** даҽа **маҭыкгьы.** Ари лхаҵа иҩызаеиҭах иаҳәа рыхха **амат ахы днатцасын, иаахитцәан** ахы анкашәа иҩышьҭихын, **ақьаад илаҳәаны иҵьыба инҭеитцеит.**	Дырҩагьых ари уа дгыланы, азҕаб дшыцәаз, дырҩагьых лара дахьышьҭаз **лыхуда хыр-хырҳәа шаҳәоз** еиҭаҩалҽыцәраахт даҽа маҭаҧшьк. Уигьы **ахы днатцасын иаахцәаны, ақьаад иаалаҳәаны, иҵьыба илҭеитцт.**
В то время, как она спала и **раздавался храп из ее горла,** вдруг **из ее рта выползла** красная змея; этот стоял ведь наготове, держа саблю, одним махом **взмахнул саблей и отрубил голову змее.** Поднял голову змеи **и, завернув в бумагу, положил в карман.**	Опять **в то время, как раздавался храп из ее горла, из ее рта** опять **выползла** и другая **змея.** Этот, друг ее мужа, опять **взмахнул саблей,** целясь в голову змеи, **отрубил ее и,** когда она упала, поднял голову **и, завернув в бумагу, положил в карман.**	И опять **в то время, как** этот стоял там, девушка спала, и опять **раздавался храп из ее горла** там, где она лежала, **из ее рта** опять **выползла** другая красная **змея и** той, целясь в ее голову, **отрубил ее и, завернув в бумагу, полоэ'ил в карман.**

В отличие от предыдущего повтора здесь нет различающихся результатов. Тесно связанные и логически вытекающие одно из другого действия повторяются несколько раз. Отсутствие контраста обусловливает бóльшую по сравнению с частями других повторов самостоятельность эпизодов, которые вполне могли бы существовать отдельно. Но, повторяя нечто несколько раз, сказитель добивается определенных целей. За счет сходства повторяющихся действий, влекущих за собой аналогичные результаты, более широки границы информационно-логического центра: **ахыр-хырҳәа лыхуда абжьы шгоз ... амаҭ ҩалҷыҵәараит, ари ахы днаҵасны иаахиҵәеит (иаахиҵәан, иаахҵәаны) ... иҩышьҭихын, аҟьаад и(ны)лаҳәан(ы) (иаалаҳәаны) иҵьыба инҵеиҵеит. — В то время, как ... раздавался храп из ее горла, из ее рта выползла** (...) **змея, этот** (...) **взмахнул саблей и отрубил голову ее, поднял ее и, завернув в бумагу, положил в карман** (1, 2, 3).

Первый эпизод повтора еще не обнаруживает связи с другими. С точки зрения обычной устности, он мог бы быть абсолютно самостоятельным речевым отрезком, содержащим некоторое сообщение, и его эмоциональная окрашенность рассматривалась бы в таком случае как нечто, присущее и обиходной речи. Однако сказка, будучи верной своим традициям (в данном случае свойству обладать замедленностью, ретардацией), повторяет это сообщение несколько раз. Второй эпизод уже менее самостоятельный: по мере повторения неизбежно наращиваются слова, выполняющие роль связок: д ы р ҩ а г ь ы х — о п я т ь (2), и налицо формально-синтаксическая связь с первым эпизодом; то же происходит и в третьем эпизоде, в котором также (и чаще) появляются слова-связки с еще более усиленным значением: д ы р ҩ а г ь ы х — и о п я т ь, д а ҽ а — д р у г а я (имеется в виду другая змея); связка может быть частью глагола: е и т а ҩ а л ҷ ы ҵ ә р а а и т — о п я т ь (еще) выползла из ее рта; у и г ь ы — и т о й; слова-связки встречаются неоднократно.

Эпизоды повтора представляют собой следующие друг за другом единицы членения, которые как бы приостанавливают общий поступательный ход сказочного повествования. В то же время внутри самого повтора можно усмотреть своего рода поступательный характер повествования от эпизода к эпизоду в рамках стереотипии.

Один повтор может логически вытекать из другого. Так, в той же сказке есть и другой, как бы продолжающий только что рассмотренный повтор (З у х б а, 78):

10.

эпизод 1	эпизод 2	эпизод 3
Наҟ-аақ дырхханы дшыркыз аҕьеҩ хәа иахәа лхы агутаҵәкьа иамариашаны аҷанылаирха,	— Ҳы, ала сырфаа-ит, цкьа с з ы м ы қ ш е-и т, исызмырманшәалт у м б о и с х а ҵ а з а м-	— А а, а б а а ҧ с ы, ҩынтәыкгьы с з ы м ы к-ш е и т у б а м а, аха уажәшьта с х а ҵ а м и, сыш-

уахь илылаимцаҙеит, **«ыҳ!» ҳәа дшәаны аҵьаб даныҩеиха, аҽыҩхәа амаҭ ахуамц лҧынца иҩҭцәараит.**

... оба держали ее с обеих сторон, он со всей силой **взмахнул своей саблей,** нацелившись на самую ее голову, но не опуская ее (саблю), **«ох!» — рванулась, испугавшись, девушка, и из носа ее,** как струйка, **выскочило тело змеи.**

з и! — **ҳәа** иҳәан иҳәеит д ы р ҩ а г ь ы х **иаҳәа** р ы х х а **иандәыкуитца,** д ы р ҩ а г ь ы х **аҵьаб дшәаны «ыҳ!» ҳәа даныҩеиха,** д ы р ҩ а г ь ы х е а **маҭык ахуамц лҧынца иҩҭцәараит.**

— Хо[4], пусть съедят меня собаки, я не размахнулся как следует, не сумел, как надо, видишь, не мужчина я что ли! — так сказав говорит, когда опять **взмахнул своей саблей, «ох!» — рванулась** опять, **испугавшись, девушка,** и опять **из носа ее выскочило тело** другой **змеи.**

ҧамыкшо! — **ҳәа** д ы р ҩ а г ь **иаҳәа** р ы х х а аҽанылаирха, **аҵьаб** д ы р ҩ а г ь дшәаны **«ыҳ!» ҳәа даныҩеиха** а н и а х ҧ а т ә и **амаҭ ахуамцгьы ҩалҿцәараит,** аҽыҩхәа ашьагьы ҩалҿытцит.

— Аа, абаапсы, и на второй раз я не сумел размахнуться, видишь ли, но теперь как я не сумею ударить, ведь мужчина я! — сказав, когда опять **взмахнул своей саблей, «ох!» — рванулась** опять, **испугавшись, девушка,** и **из нее выскочило тело** той, третьей, **змеи,** и кровь струей пошла изо рта.

Принцип построения частей этого повтора схож с предыдущим: несколько связанных действий, вызывающих одинаковые результаты, повторяется трижды. Второй и третий эпизоды менее самостоятельны по сравнению с первым и отличаются от него тем, что в них появляется прямая речь: сказочный персонаж сетует на себя за свою «нерешительность». Основная информация во всех частях передана сходно: ... **иаҳәа** ... **аҽанылаирха (иандәыкуитца)** ... **«ыҳ!» ҳәа дшәаны аҵьаб даныҩеиха,** ... **амаҭ ахуамц лҧынца иҩтыцәараа-ит (ҩалҿытцҟьеит) — когда ... взмахнул своей саблей, ... «ох!» — рванулась, испугавшись, девушка, и из носа ее (из нее) выскочило тело змеи** (1, 2, 3). В третьем эпизоде все три части повтора получают художественное обобщение, благодаря чему они как бы объединяются и дают общий результат: **аҽырҳәа ашьагьы налҿҟьеит — и струей пошла кровь изо рта** (3). Во втором и третьем эпизодах фигурируют показатели лексико-синтаксической связи с первым: д ы р ҩ а г ь — опять (2, 3), д а ҽ а — другая (в т о р а я) (2) = а н и, а х ҧ а т ә и — той, т р е т ь е й (3). Эта связь говорит об относительном характере самостоятельности частей повтора, и эта относительность все более проявляется по мере повторения частей.

Сказочный повтор предстает как вариация в пределах однородного ряда действий, обладающих единой направленностью и описываемых по совпадающему принципу; так, в повторе из сказ-

[4] Восклицание, здесь: со значением неудовлетворения.

ки «Кякуа Залашэ» (Шакрыл-Бгажба, 142) каждое усилие соперника парируется соответствующей реакцией героя. Заданная традицией однородность «жестов» обеих сторон влечет за собой частичное повторение и частичное же обновление описания:

Iil.

Арашь данфакутэа, ииуаза иҧан **ажэфан иасит, усҟан адау амгуацэа иеыцеикит** (1). Устэи **адгьыл иасит, усҟан адау абҧа иеыкуикит** (2), нас **ганха амрагыларахь иасит, усҟан арыҧьарахь авара дадтэалан** (3), уахьынтэи **амраташэарахь иасит**, дааҳэны **наҟтэирахьтэи авара дадтэалт** (4).

Когда сел на араша, тот стремглав прыгнул и **об небо ударился, тогда адау скрылся под его животом** (1). Оттуда **об землю ударился, тогда он сел на его спину** (2), потом боком **об восток ударился, тогда он сидел на правом его боку** (3), оттуда **об запад ударился, он сел на другой его бок** (4).

Одно действие следует за другим, его в какой-то степени можно считать продолжением предыдущего. Повторение дает возможность ощутить настойчивость попыток араша освободиться и неизменную ответную находчивость героя. Глубина связи составляющих усиливается наличием общего выражения *Арашь данфакутэа, — Когда он сел на араша,* в котором скрывается первопричина всех последующих действий, вместе взятых. Вся цепь последовательных событий происходит после действия, как результат его. В свою очередь каждая составляющая повтора содержит по два действия, одно из которых — исходное, а другое — ответное. Общий художественный смысл повтора — испытание героя конем. Если взаимозаменяющиеся в каждой части слова заменить многоточием, заключенным в скобки, то повтор будет выглядеть таким образом:

Арашь данфакутэа	... (...) иасит, усҟан адау	(...) иеыцеикит (1),
	... (...) иасит, усҟан адау	(...) иеыкуикит (2),
	... (...) иасит, усҟан	(...) дадтэалан (3),
	... (...) иасит, ...	(...) дадтэалт (4).

Когда сел на араша	... об(...) ударился, тогда	адау скрылся под его (...)	(1),
	... об(...) ударился, тогда	адау сел на его (...)	(2),
	... об(...) ударился, тогда	он сидел на его (...)	(3),
	... об(...) ударился, он сел	на его (...)	(4).

Эти устойчивые по строению и опорным понятиям фразы каждый раз вбирают в себя слова, заменяющие одно другое: **ажэфан — небо** (1) = **адгьыл — землю** (2) = **ганха амрагыларахь — боком об восток** (3) = **амраташэарахь — об запад** (4); **амгуацэа — под его животом** (1) = **абҧа — на его спину** (2) = **арыҧьарахь авара — на правом его боку** (3) = **наҟтэирахьтэи авара — на дру-**

гой его бок (4). Обратим внимание на однородность варьируемых «пространственных координат» (**небо — земля, восток — запад**) и однохарактерность ответных мер героя (он постоянно укрывается за конем).

Аналогичным образом — по принципу последовательной и одноплановой вариации «жестов» одной стороны и ответных мер другой — строится повтор в сказке «Сыновья вдовы» (Шакрыл-Бгажба, с. 59—60):

12.

Дышфакутэаз еиҧш, **аҽы** икауа **ажәфан ахь ихалт**, ажәфан данҟьаны дысшьуеит ҳәа. **Аха иара** ижьаҳәала **алымҳакуа рыбжьара** ишимчыз еиҧш **дасуа далагеит** (1). **Аҽы** ианазымчҳаза **ганха индәыкулеит, аха аргутцыста дасуа далагеит** (2), нас **егьи аганахь идәыкулан, аха уахьгьы дасуа даналага** (3), икьакьаза иҧсны илагылт.

Как только он сел на него, **конь полетел**, поднялся **к небу**, чтобы убить его ударом об небо. **Но он стал колотить его своим молотом между ушами**, что было сил (1). **Конь** не выдержал **и направился боком в сторону, но он стал колотить его в висок** (2), тогда **тот направился в другую сторону, но он стал колотить его и туда** (3), и тот замертво опустился на землю.

Отличие данного повтора от предыдущего состоит в том, что здесь выпадает одно звено из цепочки действий. Если в предыдущем одинаковые действия коня названы четырехкратно по четырем направлениям, то здесь даны всего три. Выпадает действие по направлению к земле, оно дается лишь как общий, подытоживающий результат всех остальных действий. Но это не приводит к разрушению стиля повествования, т. е. повтор имеет собственное логическое завершение, как и первый, и дело, видимо, здесь в вариативности повторов. Помимо аналогичного начального выражения, общего для всех эпизодов, здесь имеется еще и общая часть, фиксирующая конец повтора:

Дышфакутэаз еиҧш } аҽы ... (..) ихалт ... Аха иара ... (...) дасуа далагеит
аҽы ... (...) индәыкулеит, аха (...) дасуа далагеит
... (...) идәыкулан, аха (...) дасуа даналага
} икьакьаза иҧсны илагылт.

Как только он сел на него } ... конь полетел (...) ... Но он стал колотить его (...) ... (1)
конь... направился (...),
но он стал колотить его (...) (2)
тот направился (...), но он стал колотить его (...) (3)
} и тот замертво опустился на землю.

Пространство замен и здесь прослеживается четко, вариативная суть замен сохраняется: **ажәфан ахь — к небу** (1) = **ган-**

ха — в сторону (2) = **егьи аган ахь — в другую сторону** (3); **алымхакуа рыбжьара — между ушами** (1) = **аргуцыста — висок** (2) = **уахьгьы — и туда** (3).

В пределах подобного рода повторов стереотипия варьирующихся однородных, хоть и характеризующихся разной направленностью, действий предстает, как уже говорилось, в качестве символа различия.

Теперь нам ясно, что существуют некие правила, которым следует сказочник: 1) придерживаться смыслового принципа повествования; 2) вести изложение от старших братьев к младшему; 3) единообразно нанизывать три варианта как символ множественности или различия.

На примере рассмотренных повторов мы увидели, что умелые сказители пользуются языком в основном сказочным, не игнорируя в то же время и несказочный. Повествование ведется на разных стилевых уровнях, говоря о которых мы имеем в виду характер устности, языка, на котором ведется повествование: 1) разговорный, обычный и 2) сказочный, фольклорно-художественный. Причем, и первый, и второй обладают свойством сдвигать и раздвигать свои границы, способностью расширяться в одних случаях и сужаться в других. Подтверждением этому служит то, что составляющие повтора как целого, так же как и его собственно-сказочной части, могут получить не всегда одинаковое словесное оформление. Стилевые уровни повествования в рамках волшебной сказки не изолированы друг от друга, они не могут существовать каждый в чистом виде; это проявляется двояко: 1) с одной стороны, всегда существует место «стыка», сосуществования этих уровней там, где один из них переходит в другой (тогда возникает новое качество), и они сосуществуют в смешанном виде; 2) с другой, первый (разговорно-нефольклорный) стилевой уровень может содержать элемент фольклорный, так же и второй уровень всегда существует лишь на фоне первого, опираясь на него, но всегда над ним возвышаясь, и из него выделяясь. Это видно на примере любого эпизода из любого повтора.

§ 2. Система неформульной стереотипии во времени

До сих пор мы рассматривали словесно-смысловые типизированные повторы в пределах однократных записей сказок. При этом мы видели, что внутри одного и того же повтора создается своеобразное соотношение сказочного и несказочного (шире — фольклорного и нефольклорного) повествования. Но мы не знаем, как ведут себя повторы во времени — между тем проблема воспроизводимости текста во времени принципиально важна. Пользуясь повторными записями одних и тех же сказок, попытаемся проследить за воспроизводимостью повторов во времени.

а) Присмотримся к повторам из одной и той же сказки «Словом вскипятивший котел (воды)»[5], извлеченных из разновременных записей[6]. Мы располагаем материалом восьмикратного воспроизведения этой сказки. Часть из записей (первые три повтора) сделана от разных сказителей, а часть (пять последующих) — от одного и того же сказителя. Первая запись сказки осуществлена в 1914 году Еленой (Надей) Мачаговной Лакоба. Место записи и имя сказителя не зафиксированы, но, как полагают специалисты, исходя из особенностей языка, она сделана скорее всего в с. Лыхны Гудаутского участка. Вторая запись осуществлена в 1915 году (запись взята из архива акад. Н. Я. Марра) в г. Гудаута 15 июля 1915 года Тарнава Михаилом Ивановичем, имя сказителя не зафиксировано. Третья — в 1916 году в с. Лыхны Шакрыл Платоном Семеновичем (Тенгизом Мсоустовичем). Следующие пять звуковых записей сделаны нами в с. Абгархук Гудаутского района от сказителя Колбая Халита Мсуратовича 20 августа 1977 года, 14 и 19 августа 1978 года — две записи с интервалом около часа, 30 ноября 1980 года.

Первый повтор взят из записи сказки 1914 г. (сказка в той записи называется «Охотник»).

Окунувшись, ястреб превращается в другую птицу — в орла (во всех других имеющихся записях он лишь меняет цвет). Далее цепочка превращений, составляющая ядро как повтора, так и всей сказки (особенность данной сказки состоит в том, что она целиком состоит из рассматриваемого повтора), обрывается на том, как девушка, в которую превращается охотник, выходит замуж за царевича. Обрывается и сама сказка на этом. Из-за неполноты сказки (а значит и повтора) не представляется интересным рассматривать повтор со стороны устности.

Второй пример мы уже рассматривали выше[7].

Остановимся на третьем повторе[8].

Сказителем опущен первый эпизод. О том, что он именно опущен, но не заменен, позволяет говорить тот факт, что из восьми имеющихся записей сказки он присутствует в семи (хотя и не исключено, что могли быть разные варианты сказки). Желание героя искупаться в реке объясняется не подражанием из любопытства птице, изменившей на его глазах свой облик после купания, а внушением свыше. Так могло произойти и в том случае, если сказитель забыл обычное начало повтора, и ему пришлось придумать другое. При этом он избрал легкий, не требовавший объяснений, путь. Причем, в этой части язык сказителя совсем не сказочный, лишь вторая половина эпизода получает некоторую художественную окрашенность, присущую сказочному повество-

---

5 Название сказки взято по последним записям от самого сказителя.

6 **См. таблицы № 1 и № 1* в «Приложении I».**

7 В этой записи сказка носит название «Старик».

8 В этой же записи сказка названа «Речь (слово, рассказ) старика».

ванию. По указанной причине из ожидаемых пяти эпизодов в этом повторе имеется всего четыре; эпизод, который во втором повторе стоит на втором месте, здесь оказался первым. Однако с точки зрения характера устности, принципиальной разницы между повторами нет; то, что присуще первому и второму эпизодам второго повтора, присуще в третьем повторе первому эпизоду.

Наблюдается подвижность собственно сказочной части повтора, которая выражается в нарушении определенной последовательности переменных действий — превращений. В первую очередь это отражается на пространстве замен. Во втором повторе эта последовательность чередований персонажей в эпизодах такова: (1) **алаҳәа — во́рон** = (2), **аҭаҳмада — старик** = (3) **амаҭуар — собака** = (4) **аҽан — кобылица** = (5) **аԥҳәыз′ба — девушка.**

Превращение этих же персонажей в эпизодах: (2) **дмаҭуар +ха — в собаку** = (3) **иҽан+ха — в кобылицу** = (4) **иԥҳәызбаха — в девушку** = (5) **дыҭаҳмадаха — в старика.**

Последовательность превращений в эпизодах третьего повтора обратная по сравнению с указанной: (1) **дҭыԥха + ...ха — девушкой** = (2) **дҽан ... ха — кобылицей** = (3) **илаԥсха — собакой** = (4) **ҭаҳмадаха — стариком.**

Совпадения описания в последней части обусловлены логикой самого повествования: превращения не бесконечны, они имеют свой сказочный предел — герой становится самим собой. Переход к разговорному стилю в последних эпизодах повтора так же совпадает, сказитель фиксирует конец повтора речью, близкой к разговорной: ... *Ус даныҟала иҩныҟа даақәланы дааит аҭаҳмада рыцха — ... Когда стал таким, бедный старик отправился и пришел домой* (последний эпизод второго повтора); ... *Дыҭаҳмадаха, иныҟуиршәын, аԥасатәи иҭаацәа рҟны днеит. — ... Когда стал стариком, он отправился и пришел к своей прежней семье* (последний эпизод третьего повтора).

Остановимся на повторах из последних пяти записей. В самой ранней записи первый и последний эпизоды близки друг к другу и по степени сказочной окрашенности, и по степени стабильности словесного оформления. Средние эпизоды (второй, третий, четвертый), отличаясь от них, по тем же категориям близки друг к другу. Степень близости, однако, здесь не совсем равная: между третьим и четвертым эпизодами, она выше, чем между вторым и третьим, вторым и четвертым. В третьем и четвертом эпизодах появляется художественная условность, усиливающая степень близости: герой в том и в другом своем обличье вспоминает, что и где с ним произошло. Эта деталь присутствует и в пятом эпизоде.

Смысловое ядро собственно сказочных серединных частей повторов во всех пяти записях от одного исполнителя представляет собой общее словесно-повествовательное целое, обладающее свой-

ством синонимии: ... **аҽаанахан (лҽыналхан, иҽынаихан, даакәлан) а(б)ни азы (аҽы) днеин (д(еиҭа)цеит, дааихт) ... Азы дылҭаланы (данҭала, иануала, данылҭала, дҭалт) ... иҽанаатишь (аҽанылҭнашь, аҽыҵҭанажьын, иҽылҭишьзар) ... (...) дааҭыцт. Даакалт (дкалыит, даакухт, илыкалеит) иҳәеит. ... (...) дабацоз (дабацах''-уаз, дабацагушьоз), икаиҵуои (икалҵуои, иканаҵагушьози) ... (...) Ишнеиуаз (дышнеиуаз) иҳәеит ... ах(ак) (..) дакушәт (дикушәт, ирыкушәт, ирыкушәан, ирыланагалт, дҭанагалт) ...**

Уа х (..) лхылҵын, (ахылҵын, (и)ахылҵт, арит). (...) (...) — ... отправился (отправилась) к той реке пришел (пришла), пошел (пошла) и окунулся (окунулась, вошла в воду). Окунувшись (окунулся, окунулась) в воду, вышла (стала, превратилась в) (...). Когда стала (...), куда бы он(а) пошел (пошла), чтобы он(а) сделал(а), шел (бродила) ... попал(а) (набрела, пришел, пришла) к царскому (царским (...) ... Там родила трех (...). (...) стали (...) (выросли).

При рассмотрении начальных и конечных границ также окажется, что повторы в записях от одного исполнителя объединяются в особую группу: они имеют обрамление совершенно иного свойства, чем это наблюдалось в дореволюционных записях. Сказитель своеобразно описывает ситуацию, в которой герой наблюдает за перевоплощением птицы.

Описания этой ситуации во всех пяти разновременных текстах одного сказителя очень близки друг к другу — выделяем (приводим совпадающие части): *... днеин (дшааиуаз) ҷлакы ыҵыҵрны иахьказьыз ... қдык аҽы (ауахуаҽы) ... длықутәеит, икуаҵгьы (ишдарагьы) (и)нықуиҵеит (иныкуҵаны), ишәақьгьы нкыдиргылт, илабышьа ныҵаргылан (ныҵарсны), иҵҭынжәга ... аҭҭын ҟаҵаны лҭеиҧсан (ааиҵаҵаны) аҵәмса амца аркны инахаҵаны, аихымца ааихьишьын дышҧшуаз акумкуа — ... (он шел и присел на бревно (пень) там, где валялось свалившееся дерево... и мясо (ношу) свое (свою) ... положил (положив) на бревно, и ружье свое прислонил (к бревну), и посох[9] свой воткнул (в землю), и трубку свою заполнив табаком, заложив в нее трут, зажженный кремнем[10], глядел, как...* . При четвертом исполнении этот отрезок речи помещен сказителем во второй эпизод, т. е. описание данной ситуации дано после момента преображения птицы, в то время как в других повторах других записей он и по своему содержанию, и формально знаменует собой начало повтора.

Конец повтора во всех четырех эпизодах тоже излагается в совпадающих или близких выражениях: *Данықала (даакалан) ... днеины (даннеи, данлықуҧш) ақды (аҽы, ауахуаҽы)... иҵҭынжәга амца шынахарҵаз (анахеиҵаз еиҧш, шаҽоу еиҧш) ... иакын (иахоуп) иҳәеит, икуаҵ (иҵьма) шықуиҵаз (ишықаз, зыены ишьыз еиҧш, ҧырхага амазам) ... икууп (икуын, ықан, ықоуп) иҳәеит, ишәақь*

9 В четвертом повторе этот атрибут отсутствует.

10 В пятом повторе этот атрибут отсутствует.

уа икыдгылоуп иҳәеит, илабышьа уа ицҵагылоуп (ицҵагылан) иҳәеит. Ишәақьгьы аакыдхны дҽаҵаланы (ихуда иаахишьын) иҳәеит, икуац дҽаҵалан (дҽаҵалт) иҵтынжәга аашҽакны (аакуихын) абырқьҳәа дахо иҳәеит илабышьа аанкылан (аашьҭихт, аашҵшьуа) иҳәеит дааит (дцеит) иҩныҟа иҳәеит. — Став (охотником, собой) ... когда пришел (посмотрел), трубка его, как ее зажег (зажгли, зажжена) горит говорит, мясо (козел) его лежит, как он положил (такое же, как в тот день, когда он его убил, нетронуто лежит, было) говорит, ружье его там прислонено (было) (к бревну) говорит, посох его там воткнут (в землю) говорит[11]*. И ружье*[12] *свое подняв, (свесив через плечо), и мясо*[13] *свое взвалив на себя (на плечи) говорит, дымя*[14]*, покуривая трубку свою говорит, взяв (поднял, опираясь на свой) посох, пришел (ушел) к себе домой говорит.*

Перечисление ведется не по строго определенному порядку; описания некоторых атрибутов механически выпадают из русла повествования, поскольку выпадают сами атрибуты (что можно отнести к области памяти сказителя).

Для придачи плавности переходу от собственно повтора к фиксации его конца сказитель вводит внутреннюю речь героя (ее содержание сказитель мог бы передать и своими словами): «*Коҳ (иабихуац), ариаҟара са исыхҭасны (исыхҭаст) ... сыматәакуа (сшәақьи, скуаци) ахьыҟасҵаз ... (ахьышьҭасҵаз, ахьыҟоу) снеипи» ҳа (иҳәан) иҳәеит ... — «Кох (йабихуац)*[15]*, раз со мною столько приключилось, ... пойду-ка туда, где я оставил свои вещи (свое ружье, свое мясо)..., подумав (подумал) говорит... В третьей записи* вместо этого герой вспоминает, где оставил вещи, а в пятой внутренняя речь и вовсе отсутствует.

Места замен здесь зафиксированы строго, т. е. подвижность не наблюдается; во всех пяти повторах охотник строго последовательно, по порядку превращается сначала в девушку, потом в кобылицу, после этого в собаку и, наконец, снова в самого себя. Другое дело, что превращение в собаку есть только в одной, в четвертой записи, в других оно опущено. Но такая строгая последовательность внутри собственно сказочной части повтора не всегда обязательна. Подтверждением этому служит повтор из записи, где мы наблюдали обратную последовательность. Но следует оговориться, что нарушение последовательности возможно лишь тогда, когда речь идет о внутренних составляющих, т. е. о собственно сказочной части повтора: только в таком случае может быть не нарушена художественная, а также общая логическая целостность повтора. Видимо, играет свою роль значимость момента. Отчасти этим объясняется выпадение именно одного и того же из эпизодов

[11] В четвертом повторе этот атрибут отсутствует.
[12] В пятом повторе этот атрибут отсутствует.
[13] В шестом повторе этот атрибут отсутствует.
[14] В четвертом и седьмом повторах этот атрибут отсутствует.
[15] Восклицание, здесь: со значением удивления.

повтора (превращение в собаку), как менее значимого в общей организации повтора. Но выпадение одного из звеньев — это, конечно, своеобразное разрушение стиля повествования.

Общее для повествования рассматриваемых четырех записей (кроме последней) состоит еще и в том, что сказитель вводит в свою речь словосочетания: **иҳәеит иҳәеит, иҳәан иҳәеит, ҳа иҳәан иҳәеит, ҳа иҳәеит иҳәеит** (общий перевод: **говорит говорит** или **сказал говорит**), разбивая тем самым фразы или совокупность фраз на интонационные отрезки. Благодаря этому сказительская речь приобретает своеобразную ритмичность.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что повторы в записях 1914, 1915 и 1916 гг. по всем признакам более близки друг к другу; в свою очередь, сходны друг с другом повторы и в записях 1977—1978, 1980 гг. Объяснение этому следует искать не только в том, что тексты 1977—1978, 1980 гг. принадлежат одному и тому же сказителю, но и во времени. Ведь первые три записи сделаны хотя и в близко расположенных, но разных местах (и, очевидно, от разных сказителей), и, несмотря на это обнаруживают тесную связь между собою. Стало быть, можно говорить о различиях в самой традиции, о появлении новых особенностей.

б) Посмотрим повторы из разновременных записей сказки «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат»[16], сделанных от того же сказителя Колбая Халита Мсуротовича в с. Абгархук Гудаутского района. Первая запись сделана 17 июня 1972 года (записал С. Л. Зухба), остальные сделаны нами 20 августа 1977 г. (вторая запись), 14 августа 1978 г. (две записи с интервалом около 1,5 часа), 19 августа 1978 г. (пятая запись) и 30 ноября 1980 г. (шестая запись).

Уже при самом беглом просмотре становится ясным, что повторы из всех записей имеют очень близкое словесное оформление одних и тех же действий. Одно смысловое ядро любого повтора почти дословно повторяет другое. Изменяемую часть в эпизодах составляет цепочка имен персонажей, которым герой добывает невест: (1) Мра-лпа Ахмат = (2) Мза-лпа Ахмат = (3) Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, причем последовательность звеньев этой цепочки взаимозаменяющихся слов в эпизодах сохранена в повторах из всех рассматриваемых записей.

Повторы интересны тем, что сказитель то объединяет конечные отрезки каждого эпизода в одно целое, то произносит отдельно в каждом эпизоде. Речь идет об обращении героя к своим друзьям: он добывает невест каждому из друзей, сбивая каждый раз кольца царевен. Вручая кольцо (а значит и девушку) герою, он просит его не терять кольцо — знак благополучия или смерти самого героя. Если кольцо обагрится кровью, герою нужна помощь, так как кровь будет означать его смерть. Это обращение

[16] См. таблицу № 2 в «Приложении I».

должно произноситься трижды, каждому из друзей героя, и в таком случае его содержит каждая из составляющих повтора. Но нередко происходит и обратное: сказитель как бы смещает рамки каждой из составляющих повтора, обращаясь сразу ко всем трем друзьям, и обращение становится общим для всех трех эпизодов. Например, в повторе из третьей записи:

«Ус реиҳәуан иара: — Иныкузаалакь абри амацәаз ала ахьҭоу унлахуаҧшлакь, ашьа аахылозар, ианааныублуа аамҭазы сҭахоуп, убасҟан акыр шәылшозар шәсышьҭал, — ҳа реиҳәуан.

Так говорил он им: — Если когда-нибудь, как посмотришь в глазок этого кольца, и там появится кровь, в то время, как ты такое увидишь, я мертв, тогда идите за мной, если можете что-нибудь сделать, — так говорил им». Вместо того, чтобы произносить эту фразу в конце каждого эпизода, сказитель передает ее только в конце повтора. Так происходит и в повторах первой и четвертой записей. В двух же остальных повторах из второй и пятой записей это обращение передано трижды, в конце каждого эпизода. А в повторе из шестой записи наблюдается следующее: сказочник дает обращение героя в первом эпизоде, а во втором — нет, затем опять дает в конце повтора (после третьего эпизода) уже в обобщенном виде. Присмотревшись внимательно к речи сказителя, можно заметить, что там, где он передает данное обращение в обобщенном виде один раз, он немного сбивается, обращаясь то к одному лицу, то сразу ко всем. Можно предположить, что это вызвано логичностью и необходимостью произнесения обращения трижды. Однако возможно и то, что это продукт импровизации сказителя: он волен выбрать по своему усмотрению одну из имеющихся двух возможностей. Не исключено и то, что такое объединение составляющих, придающее повтору своеобразную компактность, есть результат отчасти и памяти сказителя: забыв в нужный момент о том, что герой должен что-то сказать другу (а оно настолько важно, что опустить его нельзя, не причинив известного ущерба всей сказке в дальнейшем развертывании ее событий), опытный сказитель ловко скрывает пробел, вызванный его памятью, вводя в конце повтора забытую часть эпизодов в обобщенном виде. И это относится, с одной стороны, ко всему повтору в целом, и к каждой его составляющей в равной степени, с другой. То есть, упустив что-то в первом, сказитель строит свою речь и в других эпизодах аналогичным образом, так как принцип построения повтора требует аналогичности всех его частей. Интересно и то обстоятельство, что так происходит не только в повторе из записи 1972 г., но и из записей одного и того же дня, сделанных через шесть лет (в 1978 году). Но, совершенно независимо от того, передается ли эта часть в каждом эпизоде, или дана обобщенно в конце повтора, она передана сказителем одинаково во всех повторах из разновременных записей.

Интересно проследить и за началом повествования во всех составляющих. Все первые эпизоды начинаются с перечисления

имен всех четырех основных персонажей сказки, вместе отправляющихся в путь: *Еиманы (ешцны) рҷынархеит (ишнеиуаз, амҩа иқулан, иқулт, ныкуара ицеит) Аҧсуа Аҳматҷгьы, Мра-лҧа Аҳматҷгьы, Мза-лҧа Аҳматҷгьы, Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Аҳматҷгьы, — рыҧшьҩыкгьы. — Вместе отправились (шли по дороге, отправились) в путь и Апсуа Ахмат, и Мра-лпа Ахмат, и Мза-лпа Ахмат и Апсха Гуашьалпа Ахмат, — вчетвером.* Исключение составляет лишь повтор из четвертой и шестой записей: сказитель ограничивается тем, что называет число героев. Причем называет имена в строгой последовательности, которую мы только что смотрели, за исключением повтора из третьей записи, где имя первого героя названо четвертым. Во вторых эпизодах повторов, не имеющих вышеоговоренной общей части, сказитель уже не называет конкретных имен, т. к. это ясно из первых эпизодов; в третьих — в путь отправляются уже двое, и сказитель называет их по именам. В повторах, имеющих общую конечную часть, и во вторых и в третьих эпизодах герои разлучаются до конца повтора, и сказитель не произносит их имен, довольствуясь тем, что это сделано уже в начале повтора.

В словесно-повествовательной ткани повторов из взятых записей других каких-либо примечательных изменений нет. Тексты в своей основе остаются стабильными во всех повторах.

в) Присмотримся еще к одному ряду повторов из разновременных записей одной и той же сказки от разных сказителей («Сказка о купеческом сыне»)[17]. Первый повтор взят из записи сказки, вошедшей в сборник абхазских сказок (1 т., 2-е изд.), составленный К. С. Шакрыл и Х. С. Бгажба.

Второй повтор взят из записи той же сказки от сказителя Куркуная Куана в с. Тхина Очамчирского района 11 февраля 1960 года (запись сделана Зухба С. Л., сказка в этой записи называется «Царевич и рыбка»). Третий повтор взят из записи другой версии сказки, сделанной тем же Зухба С. Л. в с. Абгархук Гудаутского района 16 июня 1972 г. от сказителя Колбая Халита Мсуратовича и называющейся «Услуживший покойнику». От того же сказителя 24 августа 1977 г. и 30 ноября 1980 г. мы сделали повторные записи той же сказки. Из них извлечены четвертый и пятый повторы.

В повторе из самой ранней записи первые два эпизода представляют собой равнозначные отрезки, а третий, по сравнению с ними, содержит иной результат того же действия: в первом и втором эпизодах герой убивает змей, появляющихся изо рта невесты его спутника, в третьем — опять появляется змея, но, увидев человека с топором, уползает обратно, и он не может ее убить. Вследствие того, что в первых двух одинаковые действия влекут за собой одинаковые результаты, их описание тоже одинаковое:

[17] См. таблицу № 3 в «Приложении I».

...ԥыҵк анаабжьыс ... лԥы маҵык аатыҵын, лхаҵа иҵхаразы (аеаназнакы) аеанаархха аамҵазы, аикуаҕа(ла) игԥыҩра (акуакь) игԥагылаз ауаҩ ахы хиҵәеит. — Через некоторое время... изо рта прелестной (ее) выползла ... змея и, когда потянулась (собралась) укусить ее мужа, человек, стоявший в углу с топором... отрубил змее (и той) голову (1, 2). Третий же эпизод оформлен сходно лишь в первой его части: *ԥыҵрак ашьҭахь ... маҵык ... лԥы иааты-ҵуаны — ... через некоторое время, ... змея выползла было...* Затем описывается, как змея прячется обратно, увидев человека с топором (далее мы приводим повтор, логически вытекающий из рассматриваемого, и проследим за тем, что влечет за собой наличие иного результата в третьем эпизоде). Обозначение времени во всех трех эпизодах одинаковое, т. е. действия происходят как бы через определенные, равные промежутки времени.

Повтор из второй записи тоже состоит из неравнозначных отрезков-эпизодов, но здесь неравнозначность формально-стилистического порядка. Если повтор из первой записи состоит из неодинаково оформленных эпизодов, то это происходит потому, что сами результаты действия в них разные. Здесь же, во втором повторе, одно и то же троекратно повторяющееся действие приводит к одинаковым, но по-разному оформленным с точки зрения полноты (и традиционности) описания результатам. Но это не означает, что повтор вовсе лишен повторяемости, т. е. одинаковости словесного оформления его частей: в них сходно описано появление змеи. В конце первого и третьего эпизодов появляется общая фраза: *... ахы (ахҟуа) ачабра и(аа)лаҳәаны иҵьыба инҵеиҵон (инҵеиҵуеит) — ... голову (головы) завернув в платок, положил было (положил) в свой карман,* хотя, повторенная в третьем эпизоде, эта фраза относится уже ко всему повтору, а не только к третьему эпизоду, отдельно взятому. Видимо, это также есть частичное (локальное) разрушение стиля повествования, но уже другого характера, чем это наблюдалось при выпадении одного из звеньев в цепочке повтора (пример 1). Есть основание допустить, что это есть разрушение не стиля вообще, а стиля отдельного сказителя. Наиболее полно передан первый эпизод, несколько менее выдерживает традиционность повествования второй эпизод: в нем отсутствует типическая концовка, которая имеется в первом и третьем эпизодах (о том, что она типическая, говорит ее присутствие в повторах из следующих записей). Третий же эпизод более близок к разговорной речи: сказитель, не вдаваясь в подробности действия, говорит: *уигьы ус азиуит — и с той поступил так же,* и обобщает действия, происходящие во всех трех эпизодах.

Яркий пример типизированности повествования представляют собой повторы из третьей, четвертой и пятой записей, сделанных от одного и того же сказителя, несмотря на то, что временной интервал между третьей и четвертой записями составляет пять лет, между четвертой и пятой — три года с четвертью, а между третьей и пятой — восемь с лишним лет. Они свидетель-

ствуют о хорошей ознакомленности сказителя с традиционностью сказочного повествования, о его мастерстве. Все три повтора довольно близки друг к другу. Почти дословно повторяются описания в эпизодах.

Уже говорилось о том, что одни повторы могут быть логически связанными с другими. Примером этому может служить повтор, появление которого в сказке связано с только что рассмотренным[18]. Он как бы завершает его по содержанию, и схож с ним своей формальной организованностью. Как следствие повтора, в котором одно и то же действие давало в двух случаях одинаковый, а в третьем — иной результат, мы имеем не повтор с обычными несколькими сходными составляющими, а всего лишь один эпизод, как бы служащий объяснением иного результата в предыдущем повторе: герой освобождает невесту не от тел уже обезглавленных им змей, а лишь убивает третью, уцелевшую, и одно это действие обрамляется соответствующей повествовательной словесной тканью.

То, что повтор из второй записи сказки «Мра-лпа Ахмат...» говорит о стилевом разрушении частного характера, подтверждается и здесь повтором из второй записи: сказитель опять пользуется возможностью не традиционно, а просто передать суть происходящего. Умелый же, талантливый сказитель остается верен известным принципам: он передает повтор, стараясь следовать неписаным законам традиционного сказочного повествования (см. повторы из третьей, четвертой и пятой записей).

При сравнительном анализе повторов из разновременных записей расширяются возможности выявления устойчивого характера стиля повествования. Близость обнаруживается на таком уровне, который ненаблюдаем при анализе повтора в одной записи. Близость, тождество, подобие при таком сравнительном рассмотрении вскрываются и в таких отрезках речи, которые мы назвали тождественными разговорной. Это приводит к мысли, что есть некие оттенки, которые делают самую простую речь специфической в рамках сказочного повествования. Это уже не совсем свободная речь, а речь, подчиненная, хоть и косвенно, общей сказочной повествовательной традиции. С другой стороны, именно это и делает границы повторов более очерченными, резче выделяя их на фоне всего повествования.

§ 3. Повторы как система

Мы просмотрели типизированные повторы с точки зрения их словесного оформления. При этом в качестве иллюстративного материала была использована самая минимальная часть из богатого

[18] См. таблицу № 4 в «Приложении I».

набора этих повторов. Была сделана попытка рассмотреть повторы с учетом специфики их строения. Примеры для иллюстрации брались без особого отбора, но свойства их типичны.

Для того, чтобы яснее представить себе место и роль повторов в сказке, просмотрим прежде всего тексты тех сказок, из которых были извлечены рассмотренные повторы.

Из «Сказки о царе и трех его сыновьях» (Марр, 25) был извлечен и рассмотрен повтор под номером 1, выполняющий роль завязки сюжета сказки. Далее сыновья царя получают трудную задачу: царь посылает их за птицей, похищающей груши из царского сада. Основное повествование ведется теперь вокруг младшего брата, который получает очередные трудные задачи от других сказочных персонажей. Все задачи имеют одинаковое словесное оформление, т. е. составляют части повтора, которые как бы вытекают одна из другой. Этот повтор составляет основное смысловое ядро всей сказки. Повторные действия помощника-волка строятся так же и оформляются аналогичным образом, составляя содержание другого повтора, перекликающегося с предыдущим. Таким образом, вся сказка предстает как нечто, состоящее из трех повторов, части которых получают одинаковое или очень близкое друг к другу словесное оформление с соответствующим пространством замен.

В другой сказке «Речь (рассказ) старика» (Марр, 48) рассмотрен повтор под номером 5. Любопытно, что сказка целиком состоит из одного этого повтора, который и составляет ее сюжет. В других записях этой же сказки повтор встречается дважды (в этой записи повтор не использован сказителем вторично с целью, видимо, ускорить повествование, одним предложением давая знать, что все происходившее передается героем заново: герой рассказывает о своих приключениях, и это служит цели выполнить трудную задачу (царь объявляет, что он даст свою дочь в жены тому, кто сумеет рассказом (словом) вскипятить воду в котле).

При вторичном использовании повтора повествование ведется уже от лица самого героя. Таким образом, повествовательное ядро данной сказки составляет один и тот же повтор.

В сказке «Старик и старуха» (Марр, 56) встречается лишь один повтор, который нами рассмотрен под номером 3. Он выполняет роль завязки сюжета. В исполнении не очень умелого сказителя развитие сюжета сказки не получает необходимой полноты, в связи с чем в сказке (довольно короткой по указанной причине) больше нет повторов, интересных с точки зрения их словесного оформления.

После повтора, рассмотренного нами под номером 4 (три брата стреляют, двум старшим из мишени выходят невесты, а младшему, «неудачнику» — лягушка; сказка «Как три брата женились»,

Шакрыл-Бгажба, 85), далее повествование ведется вокруг младшего брата, которого царь-отец выгоняет из дома. Он вынужден построить себе жилище. Сказитель использует повтор описательного характера: несколько раз герой отлучается, и в его отсутствие лягушка достраивает дом. Части получающегося таким образом повтора совершенно равнозначны. Затем следует повтор, состоящий из одинаково словесно оформленных, с соответствующим пространством замен, частей, представляющих собой трудные задачи. И каждый раз герой получает аналогичные советы помощника (жены-лягушки), которые, в свою очередь, как бы объединяются в повтор. В этой сказке, таким образом, встречаются четыре повтора, один из которых выполняет роль завязки, другие сотавляют повествовательное ядро всей сказки.

Из «Сказки о Хайте» (Шакрыл-Бгажба, 81) мы рассмотрели один повтор под номером 8. Повтор этот двойной: он как бы состоит из двух частей, двух повторов, т. е. каждой его части предшествует совет сына старику-отцу, как поступить с ним (сыном), когда он изменит свой облик (кому можно его продавать и при каких условиях, а кому — нельзя). Советы выстраиваются в отдельный повтор. Они дословно совпадают с частями использованного повтора. Разница состоит лишь в том, что повествование в первом случае ведется от имени самого героя, т. е. от первого лица. Этот двойной повтор и составляет основное повествовательное ядро сказки.

В начале сказки «Кякуа Залашв» (Шакрыл-Бгажба, 139) встречается повтор, выполняющий роль завязки: умирая, отец сообщает сыновьям, что трое его дочерей просватаны, и их нужно отдать за тех, кто к ним сватался. За этим повтором следует другой, аналогичный ему, выполняющий ту же роль в сказке (т. е. и этот повтор можно назвать двойным), отличающийся лишь бóльшей полнотой и возрастающей напряженностью частей по мере троекратного их повторения. Этого нельзя сказать о первом повторе, состоящем из более простых равноценных отрезков: отец просто сообщает, что сестер должны забрать каждую в назначенное время. Во втором повторе старший брат, следуя указанию отца, каждое воскресенье поочередно, по старшинству, выводит на балкон сестер, и их забирают облака. Появление каждого облака сопровождается громом и молнией, т. е. непогодой, все усиливающейся с каждым разом. Затем брат отправляется узнать судьбу сестер. По пути он встречает серну, которую пытается поймать на коне, но в погоне конь, не выдержав погони, умирает, а серна исчезает. Тут герой замечает тропинку, по которой и отправляется. Так с ним происходит трижды, всякий раз перед тем, как попасть к сестрам. Получается повтор, части которого обладают довольно близким друг к другу словесным оформлением, несмотря на их разобщенность, разбросанность по всей сказке; в то же время час-

ти этого повтора четко определены по месту, закрепленному за ними. Так же близко оформлены составляющие другого повтора, передающего характер встречи героя с его сестрами и зятьями-великанами (адау), т. е. повтор-диалог. То же можно сказать и о повторе, составляющие которого представляют собой советы сестер, что именно брать из предлагаемого в дар; повтор, передающий информацию об испытании конем, мы уже рассматривали под номером 12. Он же встречается второй раз с некоторыми изменениями, но и на этот раз он состоит из одинаково словесно оформленных частей. Всего в сказке семь повторов.

Встречаются повторы, характеризующиеся тем, что их составляют не три части как обычно, а две, одна из которых представляет собой совет, а другая — его выполнение, реализацию. Части всегда почти дословно повторяют друг друга, только совет передается от лица того или иного сказочного персонажа (помощника), а вторая часть передается сказителем обычно описательно. Таков повтор в сказке «Сыновья вдовы» (Шакрыл-Бгажба, 57). Здесь же встречается разобранный под номером 13 повтор — испытание конем (аналогичный повтору 12); ему предшествует дословно совпадающий с ним повтор-совет. Далее следуют превращения героев, вынужденных скрываться от преследователей. Погоня затевается трижды, и трижды беглецы меняют свой облик, причем сначала они советуются, в кого превратиться, только потом происходят сами превращения. Сказку составили пять повторов.

Повтор-завязка встречается и в сказке «Хянчкут, сын Лагуа» (Шакрыл-Бгажба, 67); умирая, отец завещает сыновьям поочередно (по старшинству) стеречь его могилу три ночи. Изменяемое составляют имена героев и показатели времени. Далее следует повтор, рассмотренный под номером 6. Его сменяет повтор, в трех частях которого герой вызывает коней-помощников, переодевается, войдя в одно и выйдя в другое ухо коня, едет к царской дочери. Царевна сидит на балконе, и на пальце у нее кольцо. Тому, кто доберется до нее и сорвет с ее руки кольцо, царь отдает ее в жены. Герой трижды появляется у царевны, трижды прыгает на коне к ней. Описание действий героя во всех трех частях одинаковое, но внутреннее напряжение растет от эпизода к эпизоду: герой лишь на третий раз (он делает так намеренно) забирает кольцо. Далее идет повтор, описывающий, как герой трижды достает лекарство, и трижды при этом клеймит царских зятьев за право обладать добытым им самим лекарством. Затем герой трижды на разных конях появляется на поле битвы и побеждает войско царского врага. Встречаются и другие повторы-диалоги: два из них происходят между героем и царем, один — между героем и другими зятьями царя и, наконец, последний — между героем и его братьями. Всего повторов в этой сказке восемь.

В сказке «Кражи бывают разные» (Зухба, 123) встречается такой повтор: герой трижды совершает кражу, крадет у трех девушек стакан, плетку, топорик. В использованном под номером 9 повторе девушки поочередно поднимают тост и пьют за здоровье героя-«вора» (в другой записи той же сказки (Шакрыл, 149) этот повтор более короткий, описание его сжато до минимума). Сказка состоит из двух повторов.

Из сказки «Охотник и его чудесная жена» (Зухба, 41) мы использовали повтор-завязку под номером 2. В сказке больше нет других, заслуживающих внимание, повторов.

В сказке «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат» (Зухба, 46) встречается повтор-диалог между героем и его будущими друзьями (помощниками)[19]. После него идет повтор-диалог, сообщающий о встрече героя с помощниками. За ним — следующий повтор-диалог: мать великанов выпытывает у жены героя, в чем хранится его душа. Жена, в свою очередь, выпытывает это у мужа, и так происходит трижды. Далее следует другой повтор-диалог: встречаются друзья героя, и каждый из них рассказывает о причине, заставившей его отправиться в путь (в глазке кольца появилась кровь — знак гибели героя); есть и еще один повтор-диалог: друзья совещаются, что сможет каждый из них сделать для воскрешения героя. И, наконец, повтор-действие: друзья добывают меч героя, в котором хранится его душа. Всего в сказке семь повторов.

Повтор-диалог есть и в сказке «Услуживший покойнику» (Зухба, 70): своих трех сыновей отец поочередно отсылает, отдав им денег поровну с наказом не тратить их и приобрести друзей. Два старших сына возвращаются, не истратив денег, но и не выполнив наказа; младший возвращается и рассказывает, как он истратил деньги: он заплатил долги за одного покойника, а на оставшиеся похоронил его. Отец делает его своим наследником. Герой отправляется в путь. Путь ему преграждает незнакомый, информирующий его о трех дорогах. Повтор дан дважды (что целиком зависело от сказителя, так как нет необходимости повторять его), оба раза они по-разному оформлены по сравнению друг с другом, но внутри каждого из них составляющие оформлены одинаково. Встречаются еще два повтора, использованные под номерами 9 и 10. В сказке шесть повторов.

Просматривая таким образом тексты и других сказок, мы увидели, что редко какая из сказок не содержит хотя бы одного такого повтора, части которого почти дословно повторяют друг друга; повтор может иногда совпадать с понятием сюжета сказки:

[19] Этот повтор родствен повторам из сказки «Джамхух — сын Оленя».

...ьшинство сказок представляет собой цепь словесно-смысловых повторов, искусно соединенных сказителями друг с другом в единую композицию. Причем, при повторных записях одних и тех же текстов количество словесно-смысловых повторов не меняется.

Исходя из всего этого, можно заключить, что типизированные повторы — это не частное явление, а повествовательная основа сказки. Сказка может состоять из одного повтора, который совпадает с понятием сюжета по своему содержанию; она может представлять собой несколько повторов, логически друг из друга вытекающих или сменяющих друг друга. Таким образом, повторы — система построения сказки, обусловливающая ее словесно-смысловую устойчивость. Правомерно говорить о повторах как о повествовательно-стилевом остове волшебной сказки.

ГЛАВА III

ИНТОНАЦИОННО-РИТМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СКАЗКИ

Сказка — сложная словесно-интонационная субстанция. О словесной стереотипии в абхазской волшебной сказке уже говорилось. Проблема же роли интонационных средств практически еще не изучена исследователями. Нами проведена серия специальных магнитофонных записей. На основе анализа этих записей мы попытались выяснить некоторые существенные моменты и закономерности в использовании сказочниками интонационных средств и их характер.

§ 1. Роль интонации и ее разновидности

Интонация в сказке как бы делится на следующие типы: 1) интонация, выражающая соотношение сказки с действительностью; 2) варьирующаяся, динамическая и 3) однотипно-перечислительная интонация, придающая сказочному повествованию ритмический характер. Однако интонированный стиль сказки, который представляет собой своеобразную игру оттенками голоса, нельзя свести лишь к такому делению. Голос сказителя — одно из основных средств изображения. Посредством интонации сказочник выражает и собственное отношение к повествуемому. И это накладывает особый отпечаток на интонирование сказки.

а) Интонационное соотнесение сказки с действительностью.

Интонация, выражающая соотношение сказки с действительностью, делится на подтипы в зависимости от того, как относится сказочник к повествуемому — положительно или отрицательно. Сказочник либо «верит» в повествуемое, либо «не верит». В зависимости от этого в его голосе звучат различные нотки, соответствующие его исполнительской позиции.

Утвердительно-повествовательной интонацией обладают прежде всего вступительные формулы[1]:

↗ → ↘ ↙
Быжьԥык / аишьцəа аҟан иҳəеит 7.

↗ → ← ↙
Семеро / братьев было говорит 7 («Сказка о семи братьях», сказочник Конджария Н. З., Бзыбь).

Сказочник произносит формулу обычным голосом с утвердительно-повествовательной интонацией. Следующая за формулой пауза (она составила семь секунд) служит определенной цели: сопутствующие обычно вступительным формулам паузы настраивают слушателей сказки на ее восприятие и дают сказочнику возможность внутренне собраться для ее исполнения. В данном случае длительность паузы зависит также от обычной манеры самого сказочника говорить не спеша, вдумчиво. Фразовое ударение падает на слово — семеро, отделенное от других слов едва заметной паузой меньше секунды (малой паузой). Далее голос плавно понижается.

Такое произношение вступительных формул в абхазской волшебной сказке — наиболее частое.

Вступительная формула иногда разбивается, осложняясь не относящимися к собственно формуле фразами (или словами), но благодаря паузе формула воспринимается как обычное сообщение:

↗ → → ↙ ← ↙
Х-ԥеишьцəа еиман / шəарацаԥцəан рыхԥыкгьы 2 Ран даҟан 1
← ↙ → ↗ ← → →
Раҳəшьа даҟан 1 Раҳəшьа аҧсабара лдырбауамызт 1 аԥəца бааш
↗ ← ↙ ↑
дтаԥны дрыман 1 баԥлашала драазон 2 Аамтала 2 ...

↗ → → ↙ ←
Три брата жили вместе / охотниками были все трое 2 Мать
↙ ← ↙ → ↗ ←
их была 1 Сестра их была 1 Сестре свет не показывали 1 в
→ → ↗ ← ↙ ↓
хрустальной башне была заперта / мозгами ее кормили 2 Когда-то 2 ...

---

[1] Паузы обозначены цифрами: 1 — одна секунда, 2 — две секунды и т. д.; знаком / (косой чертой) обозначена малая пауза (меньше секунды); если между знаком / (косой) и словом, за которым он следует, нет интервала, то пауза еще меньше, т. е. едва различима; знак ? (вопросительный) иногда заменяет секундную паузу. При этом:

↑ — обозначает пик интонации;
↗ — повышение голоса;
↘ — понижение голоса;
→ — ровный голос;
← — тон, предваряющий интонационную завершенность;
⇄ — монотонность;
↙ — интонация конца (интонационная завершенность).

(«Сказка о трех братьях», сказитель Конджария Н. З., Бзыбь).

Показатель времени Аамтала — Когда-то был смещен с обычного места (в начале формулы) к ее концу. Этим вызывается выделение его из обычной информации паузами, чем и обеспечивается легкость восприятия.

Формула может быть интонационно незавершенной: сказитель как бы связывает интонационно собственно начальную формулу с характеристикой-пояснением:

Ауаҩы дыҟан I
никлакь-иишьҭлакь акы ицымныҟуа /
зразҟы зцымныҟуоз /
зразҟы цәгьаз ауаҩы

Человек был I
за что бы он ни брался ему ничто не удавалось /
чья судьба не удалась /
с тяжелой судьбой человек (сказка «О неудачнике, сказочник Колбая Х. М., Абгархук).

Интонационная завершенность ощущается только в конце характеристики, данной герою.

Утвердительно-повествовательная интонация присуща и зачинам:

Убриоуп иасы / Ну вот так /
аҧхәыс ныхҟьа хәа / из-за женщины /
ажәытәуаагь ирҳәоит / и старые люди говорят /
аҽатәуаагь ирҳәоит / и современные люди говорят /
аҧхәыс илыхҟьо аус ҳәа / о делах / которые совершаются /
Убри акныҭә / из-за женщины /
хатца бзиак / Поэтому /
дыҟан а-а ... Один хороший мужчина был...

(сказка «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахия Ш., Атара).

Зачин предстает как «вступительное слово» к сказке, передаваемое обычной речью. При повторном воспроизведении сказки тем же сказочником зачин произносится аналогично:

Адауы атыша дтызцаз ҳәа /	О выжившей великана из пропас-
аԥҳәыс /	сти / женщине /
адау атыша дтызцаз ҳәа /	выжившей великана из пропасти /
аҳәамта /	рассказ /
абасоуп ишыкоу !	таким образом выглядит !
Хатца бзиак дыкан / ...	Один хороший мужчина был / ...

Такое приближение сказки к действительности, видимо, не случайное, и оно должно иметь не только интонационную основу.

С утвердительно-повествовательной интонацией произносятся также переходные формулы:

(И)бзиоуп.	Хорошо.

(«Сказка о царе и его конюхе», сказитель Агрба Г., Атара).

Как правило, эта формула почти всегда выделяется паузами и низким голосом, а слушатель ждет дальнейшего развития сказочных действий.

Формулы-обращения (типа *Иалыухыи?—Зачем это тебе надо?*) произносятся всегда со смешанной повествовательно-вопросительной интонацией:

Иалыухыи?	Зачем это тебе нужно?

(«Сказка о семи братьях», сказочник Кондария Н. З.).

Формуле-вопросу неизменно сопутствует вопросительно-риторическая интонация:

Нас икаицоз?	Тогда что бы он стал делать?

(«Сказка о мачехе и падчерице», сказительница Анкваб Б., Атара).

При этом в соответствии со сказочной ситуацией в голосе сказочника может звучать тот или иной оттенок, например, жалости:

Икалцагушьооз?	Что бы, бедная, она стала делать?

(в той же сказке).

Формулы, определяющие образ сказочных персонажей, обычно произносятся с утвердительно-повествовательной интонацией, часто с тем или иным оттенком. Финальные формулы также в своем большинстве (кроме тех, которым присуща отрицательная интонация) произносятся с такой интонацией:

↗ ↘ ↗ ↘
Уиала еилгеит. Тем завершилось.

(Сказка «Мачеха и падчерица», сказительница Бения Т. К., Отхара).

В зависимости от того, что и каким образом в них поясняется, с утвердительно-повествовательной интонацией произносятся и сказительские ремарки. Например, повествуя о конях, которых конюх повел к морю напоить, сказитель вставляет в свою речь ремарку-пояснение (уточнение):

↗ ← ↙
/(Азы аныржәлак акун дара аныҙуаз) 1

↗ ← ↙
/(После того, как напьются воды, они исчезали) 1 («Сказка о царице и его конюхе», сказочник Агрба Г., Атара).

Голос при произнесении ремарки, как правило, всегда ниже по сравнению с тем, каким ведется обычное повествование. Ремарка выделяется паузами, пусть иногда и незначительными.

Пояснительная функция интонации в ремарках может быть усилена:

↗ ← ↙ ↙
(Аҧсуа иԥныҟа дааиг'уот иҳәеит ани) 1

↗ ← ↙ ↙
(Абхаз к себе домой ведет говорит того) 2 («Сказка об абхазе и адау», сказочник Зухба Т. С., Отхара).

Ремарке присуща и вопросительно-риторическая интонация, причем в таких случаях вопрос звучит с оттенком пояснения, не требуя ответа:

↗ ↗ ↗ ↗ → → ↗ ↘
1 (Ани изыз ихурцьан итамзи / ани аимаа злаиҙахышаз) 1

↗ ↗ ↗ ↗ → ↗ ↘
1 (Ведь его шило лежало в его хурджине / для починки чувяков) 1 (в той же сказке).

↗ ↘ ↗ ↗ →
1 (Уишьуеит аниҳәа ани аҵла икуу длыбааума дымшәуази) 1

↗ ↘ ↗ ↗ →
1 (Раз тот услышал что его убьют / разве спустился бы с дерева / ведь боялся) 1 (сказка «О бедняке и его глупой жене», сказочник Колбая Х. М., Абгархук).

В голосе сказочника при произнесении ремарки часто ощутима та или иная оценка, например, насмешка:

(Ани уажә атуцьар данига / лаб иҧсхууп)

(Если сейчас ее купец возьмет [в жены] / это было бы поминками ее отцу)[2] (сказка «Алмазное яичко», сказочник Колбая Х. М., Абгархук);

жалость:

1 (Ани агьлымазам рыцха 1 Аҧхәысеиба ҕар рыцха илымагушьази) /

1 (Она не имеет ничего бедная I Бедная вдова I что могла бедная иметь) / (в той же сказке).

Определенной части финальных формул присуща отрицательная истонация. Отрицание при этом чаще оттеночное, неяркое:

Иаҳхан иҳәеит / иҧжәаны иҳәеит адунеи иамк'уа инхо илыҟалит 1 Саргьы апҟацхәа сҽаасхан убрантә 2 аҧылгды исыртаз сыма сшааиуаз акумкуа / саҕа иааиҽасҟшан амни ихацламхәа аасырҳәын, абрагь саанн аҩны стәоуп.

Как у царя говорит / богатство их мир не вмещал / стали жить I И я мигом отправился оттуда 2 С костью мне врученной я шел и вдруг / недруга своего встретил ударил его ею и сделал его косым / а сам сюда пришел и сижу дома.

(Сказка «Как сын женился по совету отца», сказочник Колбая Х. М.).

Здесь своеобразно переплетаются утвердительная и отрицательная интонации. Первая фраза, касающаяся героев, произносится с утвердительной интонацией. Другие же произносятся с явной иронией в голосе. Смех сказочника при передаче неправдоподобных событий как бы возвращает слушателей в реальный

[2] В значении: «Что ей еще надо?»

мир. Сама формула рассчитана на то, чтобы рассмешить аудиторию, отвлечь ее от сказочных событий.

Афы / ржэит / азы / ржэит ! Саргьы скараха абыржэ саабыжэцын ацэажэара сылымшо сзыкоу уиазоуп.

Вино / пили / другое / пили ! И я уставший только что спе́шился ! поэтому говорю с таким трудом.

(Сказка «Как царь женил своего сына», сказочник Бечвая Р., Атара).

В голосе ощущается легкий оттенок шутливости, он и придает словам отрицание:

Ачара ду рзиуит рхэент ! Ачарақны саргьы сахатэан ! абыржэы иахьа саант саацса егьиха скараха.

Большой пир сыграл им говорит ! На пиру и я была ! сегодня вернулась оттуда уставшая и прочее выдохшаяся (сказка «О молодом воре и новорожденной», сказочница Анквааб Б., Атара).

В данном случае отрицание еще меньше уловимо.

С помощью и посредством интонации сказочник выражает и свое собственное отношение к повествуемому.

б) Варьирование интонации. Динамическая интонация.

В сказке есть определенная система интонаций, которая варьируется в зависимости от характера и своеобразия описываемой сказочной ситуации. Степень же варьирования зависит, во-первых, от манеры исполнения того или иного сказочника, и, во-вторых, от его внутреннего состояния в каждый данный момент исполнения. Но, как правило, степень варьирования чаще всего не так велика. Прежде исего — это варьирование оттенков, нюансов. Объясняется это, с одной стороны, тем, что сказитель исполняет текст неоднократно, он к ней «привык», и эта «привычка» часто руководит им в процессе воспроизведения сказочного текста. С другой же стороны, это — результат той печати таинственности, которая как бы «требует» от сказочника не открыто «театрализовать» повествование, а быть в известной степени сдержанным повествователем, своеобразным «посредником» между двумя «мирами», «миром» аудитории и «миром» сказки. Именно это и обеспечивает наличие предела варьирования.

Приведем примеры.

Динамической (подвижной) интонацией сказочник пользуется при передаче некоторых видов сказочных формул, например, формулы-диалога, предваряющей поединок:

— Иҟалазеи /

ҳазфада /

Ҳасан-иҧа Хусин иакузар /

мақьана / дагьымицт /

дагьымшәыцт 1

Ҳара иҳақулада ҳа даауеит иҳәеит /...

— Ҳасан-иҧа Хусин дагьыихьеит /

и... дагьшәуп /

дааит ишьа иурц /

ҳан ашырҳәа дҩыцкьан ацха дҩыкуҧалт /

— Схысуеит-иҳәан [адау] /

— ухыс-иҳәеит /...

— В чем дело /

кто разорил нас /[3]

если то Хусин сын Хасана /

то он еще не родился /

и не созрел !

Кто напал на нас — так идет говорит /...

— Хусин сын Хасана уже и родился /

и... зрелый /

пришел отомстить[4] /

так сказав мгновенно сорвался с места и на мост прыгнул

— Выстрелю — сказал он / [адау] /

[3] Ҳазфада? — букв. «кто съел нас?».
[4] Ишьа иурц — букв. «взять свою кровь».

— Выстрели говорит / («Сказка о семи братьях», сказочник: Конджария Н. З., Бзыбь).

Голос сказителя заметно варьируется в зависимости от говорящих: противник приближается, громко спрашивая (себя), кто мог их разорить, но его слова звучат не как вопрос, а скорее как размышление, в голосе сказителя чувствуется недоумение, в то же время при передаче слов великана в голосе ощущается нечто, похожее на уверенность (т. е. великан как бы «догадывается», кто его противник). Ответ героя, напротив, звучит уверенно. Сказитель меняет голос так, чтобы можно было различить, кто из героев говорит. На характер передачи диалога действует и манера самого сказочника говорить: он (быть может, это диктуется и возрастом, и состоянием здоровья) обычно говорит и рассказывает без особых эмоций и негромко. Несмотря на это, слушателям нетрудно представить грозную ситуацию встречи и единоборства сказочных персонажей. Загадка кроется в тончайших нюансах варьирования голоса в зависимости от передаваемого. И лексический состав диалога убеждает, что у другого сказочника формула могла бы прозвучать жестче, хотя от этого, возможно, не изменился бы сам способ и характер варьирования голосом, его оттенками.

Аналогично произносятся и формулы пробуждения героя:

Иҟамчы наихыиҟьан /

— Ееит /

Ҳасан иҧа Хусин /

асҟаамҭа уажәыҵ уҵәоума

Уа уеиҧш ауаҩ иҟоу, уажәрааҵза дышҧаҵәоз иҳәан

игу атахҳәа илыҟуиҟшан /

ашырҳәа дҩалыууаан дҩагылт иҳәеит /

— Ҟоҳ /

сыцәан убоо уажәрааҵза сааумырҧшуаз /

ҳа иҳәит иҳәеит.

Плеткой его ударив /

— Ееит /

Хусин сын Хасана /

столько до сих пор как спишь !

Такой как ты человек как до сих пор спит сказав

когда по груди его со свистом ударил /

мгновенно проснувшись встал говорит /

— Кох /

спал я видишь раньше разбудил бы (меня) /

так сказал говорит (в той же сказке).

Окрик героя звучит громко; в голосе сказителя ощущается своеобразное переплетение оттенков голоса приказа и просьбы; проснувшись, герой «удивляется», как он долго спал, и его восклицание тоже выделено сказочником более высоким голосом. Но удивление едва уловимо, более того, ситуация настолько привычна сказителю, что он почти низводит ее до обычной. Слушателю нетрудно догадаться по голосу сказочника, что в диалоге участвуют именно два человека, каждый из которых говорит «по-своему», хотя это и выражено лишь оттеночно. Эта же формула у другого сказочника произносится без особой эмоциональной окрашенности:

Иаҳәа наган игу ианнықурта /	Когда меч ему на грудь положили /
— Ах /	— Ах /
сышҧацәаз / ҳа дҽагылт.	как я спал / так [сказав] встал.

(сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», сказочник Колбая Х. М., Абгархук).

Динамическая интонация используется сказочниками и в прямой речи.

Герой отправляется в путь. По пути он встречается с незнакомым человеком. Между ними происходит разговор, который строится по принципу вопросов-ответов, но здесь вопрос носит необычный характер. В голосе сказочника явственно ощущаются вопросительные нотки, но неоднократное исполнение сказочного текста настолько «отшлифовало» этот момент, что диалог звучит как бы несколько «запрограммированно», от чего ощущение вопроса «притупляется». То же происходит и с ответами героя.

И все же, каждый из героев обладает «своим» голосом, по в той мере, в какой это возможно при такой «изученности» текста и при исполнении его одним и тем же сказочником. Ведь сказочник не задумывается над тем, как бы ярче изобразить и выделить героев:

— Уабацо /

— Абас ныӄуара сцоит I

— Саргьы абас сныӄуацуп I Уи анакуха / — ус иҳәоит Мра-лҧа Ахмат / I уара саргьы цызара сышьтых I цызара ҳзеибауп ҳаицныӄуап / — ҳәа еиҳәоит - Ус аниеиҳәа I

— Ибзноуп I уара уеиҧш икоу ноуп цызас истахыу иҳәеит I Ус иҳәан I цызас даашьтихт I

— Куда идешь?

— Вот так отправился в путь I

— И я путешественник I Раз так / так говорит Мра-лпа Ахмат I ты и меня в друзья возьми I будем друзьями будем вместе / путешествовать / так сказал ему I Когда он так ему сказал I

— Хорошо I Такого как ты я в друзья и хочу — сказал I Так сказав I взял его в друзья I (сказка «Мра-лпа Ахмат...», сказочник Колбая Х. М.).

Относительно-вопросительная интонация сменяется повествовательной (ответы героя). В ответ на предложение-просьбу незнакомца взять его с собой, герой отвечает формулой «Такого, как ты, я в друзья и хочу», которую сказочник произносит обычным голосом, как нечто само собой разумеющееся. В сказке так происходит трижды. И в остальных случаях использование интонационных средств для изображения сцены встречи персонажей в основном аналогичное.

Герой добывает трем своим друзьям невест (в той же сказке, в исполнении того же сказителя). Вручая каждому из них кольцо невесты, герой обращается к нему с такими словами:

Уи азҕаб уи дынитаны 1
— Амҩа укуланы уца 1
абри амацәаз ицыдухыз /
умырзын /
иумҕаз 1
ала ... уанлахуаҧшлак /
сантах'уа /
ашьа аахыжжылоит /
ақыр улшозар / убасҟан
усышьтал ҳәа иаҳәан
ддәықуитцеит иҳәеит.

Ту девушку тому (ему) отдав 1
— Отправляйся в путь и иди 1
вот это кольцо тобой сорванное / не теряй /
носи 1
в глазок (его) ... будешь глядеть / когда я буду умирать /
в нем просочится кровь /
если ты что-нибудь можешь /
тогда за мной отправляйся —
так сказав его отправил говорит.

Здесь опять чувствуется «отработанность» текста. Этим, видно, и объясняется оттенок ритмичности, присущий речи героя: не раз повторенные слова выстраиваются в определенный ряд. С другой стороны, такая «непрерывность» речи позволяет сэкономить время и ускорить повествование. Прямая речь с оттенком обращения не сливается со сказительской, напротив, на фоне сказительской речи ее своеобразие становится ощутимее.

Мать великанов выпытывает у жены героя сведения о месте нахождения его души. Дважды она получает ответ, который ее не удовлетворяет: она чувствует неправду, подвох. На третий раз, получив верный ответ, она с удовольствием восклицает (и в этом возгласе скрытое злорадство!):

— Аҳаа /
Абыржәы ибеиҳәт /
ҳа лҳәеит иҳәеит.

— Аҳаа[5]!
Вот сейчас он тебе сказал /
так сказала говорит.
(в той же сказке).

Слова сказочного персонажа здесь как бы противопоставлены сказительской речи, звучащей как обычная.

[5] Восклицание, здесь: со значением торжества.

Сказочный герой отправляется заработать на еду и добывает быка. С ним он возвращается домой и делится с женой своей радостью, и в голосе сказителя ясно ощутима эта радость:

— Абаапъсы I ацэ аазгеит / анцэа имчала / ҳаланхап шьта / — ҳа иҳэан иҳэеит...

— Абаапсы I быка я привел / благодаря богу / будем жить теперь / — так сказав говорит...
(сказка «Бедняк и его глупая жена», сказочник Колбая Х. М.).

Тем более понятен скрытый юмор в голосе сказочника, когда он передает очередной диалог между заработавшим второго быка бедняком и его женой, которая устроила поминки мнимому сыну (ей снится сон, будто у них родился и умер сын, о чем она рассказывает соседям уже наяву; соседи советуют зарезать быка и устроить «поминки» сыну, что она и делает):

— Аа / уаама /

— Сааит аа / Абаапъсы / иҟозеи бышъаҟоу ҳа ус иҳэеит I

— Ееи / сышъаҟоу арбану амыкушэатэ ҳакушэт ҳэа ус иалҳэеит I

— Иҟалазеи I

— Уара уанца ашьтахь ҧа дсоуп дыҧсит I

— Дышбабоу быжэла нтэеит I

— Ҧхызрыла избан I

— Нас иҟабҵеи I

— Ауаа санрызҵаа I «аҧсхура буроуп» ҳа рҳэан I уи уара хьаас иусымҵт I ҳацэ сшьит I ҳаҵькуреи хучы иҳамаз слаган I аҧсхуы уны салгеит / уара хьаас иусымҵт лҳэеит I

— Убри акузар ибзиоуп изаманоуп иҳэеит I (иара гызмалк иакун) I ибзиоуп иҳэеит I Ауха уи акухт / Шеит I Аены ашьжьымҵан ианааша дҩагылан ани аҧшэма иҳэеит I

— Исҳәо баҳауоо бара / ҳа иҳәан /

— ыы I

— Абри бара ибеицәоу газа дызбааныза I уаҳа сзымгьыжьра аллаҳгьы иаҳауоит ауаагьы ираҳауоит иҳәан I дныкуцны дцеит иҳәеит I

— Аа (ты вернулся)

— Вернулся я да / Абаапсы / что здесь как ты живешь — так сказал I

— Еей / как я живу горе у нас — так она ему говорит I

— Что случилось?

— После того как ты ушел у меня родился сын и умер I

— Как ты родила быжәла нцәеит[6]?!

— Во сне приснилось I

— Ну что ты сделала?

— Когда людей спросила I они сказали «ты должна поминки устроить» это я не оставила на тебя I нашего быка я зарезала I оставшийся небольшой запас кукурузы смолола I и устроила поминки / на тебя эту заботу не возложила говорит она I

— Если так хорошо превосходно говорит он I

(он был из хитрых) I Хорошо, говорит I

Ночь прошла / рассвело / Наутро тот хозяин встал и говорит I

— Ей ты слышишь / так говорит /

— Что I

— Глупее тебя (женщину) пока не увижу I

домой не возвращусь и аллах слышит и люди слышат — сказав / отправился и ушел говорит I.

[6] Букв.: да погибнет твой род. Здесь: со значением крайнего удивления.

Скрытый юмор подчеркивается нарочито тихим, напряженно-печальным голосом, которым сказочник передает слова жены, особо ярко это сквозит в следующей фразе: «уи уара хьаас иусымҭ» — «эту заботу я не оставила на тебя». Пока герой расспрашивает жену, в голосе сказочника ярко ощутима вопросительная интонация и какое-то скрытое ожидание реакции героя на то, что он должен услышать. Смех вызывает совершенно спокойная реакция героя на услышанное и то, как он в конце заявляет жене, что он намерен отправиться на поиски женщины, которая глупее ее. Подобных моментов, когда сказочник посредством особых оттенков голоса дает в прямой речи характеристику и людям, и событиям, в сказке довольно много. При этом сами оттенки могут быть разные, например, оттенок удивления (герой объявляет, что он с того света):

— Ҟоҳ! І нарцәытә ушҧаа?

— Кох — І как ты с того света пришел? — глубоко удивлена царица услышанным.

— Аа...

— Аа[7] — герой подтверждает это тихим голосом, как бы говоря, что в его возвращении нет ничего трудного.

(в той же сказке);

недовольства:

— Ҟах! І сышҧазымкшеи —

— Ках[8]! как я не сумел ударить... — недоволен собою герой (сказка «Услуживший покойнику», сказочник Колбая Х. М.); сказочник воспроизводит звукоподражательные слова, что придает сказке экспрессивность: О-о-и-ш-ш! І — адау вздыхает, и воздух, выдыхаемый им, подбрасывает героя к потолку (сказка «О бедном абхазе и адау», сказочник Колбая Х. М.). Вздох адау передается необычайно громким голосом, и паузы, выделяющие его, углубляют его силу; Аах! — громко вскрикивает насмерть перепуганный адау. Таких моментов, когда сказочник дает чуть ли не звуковую характеристику (несколько завуалированную) персонажам или ситуации, в сказке немало, и они повторяются при каждом повторном воспроизведении того или иного сказочного текста. То есть, художественное содержание текста и художественная выразительность голоса как бы соединяются. В общем это есть своеобразная, в известной мере стабильная во времени, изобразительно-голосовая экспрессия, присущая волшебной сказке.

[7] Аа... — в знач. «да».

[8] Восклицание. Здесь: со значением разочарования.

Однако это не означает, что изобразительно-голосовая экспрессия беспредельна. «Степень эмоциональной насыщенности высказывания зависит от контекста, в который оно помещено, или от речевой ситуации» [151]: неписаные законы сказочного повествования накладывают свою незримую печать на степень и характер экспрессивности исполнения и обеспечивают его предельность.

Динамичность интонации делает сказочное повествование более пластичным, оживленным, заинтересовывает слушателей, способствуя особому восприятию сказки.

в) Ритмическое членение сказочного текста

Однотипно-перечислительная интонация

Сказочный текст изобилует различными ритмически организованными «отрезками» речи. Ритмичность создается в основном однотипно-перечислительной интонацией (третий интонационный тип) вместе с логическими ударениями и паузами. Ритмизации могут подвергнуться некоторые виды формул, иногда — сказительские ремарки, с одной стороны, с другой, — просто «куски» повествования (в том числе и внутренняя речь), различные по своему объему. Последние являются излюбленным объектом ритмического членения.

В силу своего лексического содержания и синтаксического строя ритмичностью обладают формулы времени:

Уи уаха акумхт /	Так сегодня /
уи уатҙа акумхт /	Так завтра /
уи даҷын иҳәеит 2	так всегда (делал) говорит 2

(сказка «Бедный абхаз и адау», сказочник Колбая Х. М.)

При помощи однотипно-перечислительной интонации сказочник подчеркивает длительность сказочного явления (или действия), голос в начале каждой из трех интонационных частей формулы повышается, в конце первых двух — заметно понижается, но интонационная завершенность ясно ощущается лишь в третьей интонационной части, т. е. в конце формулы. Все три интонационные части формулы равны по длительности, между ними — одинаковые малые паузы (меньше секунды), подчеркивающие вместе с логическими ударениями, приходящимися на одно и то же место во всех частях, перечислительный характер.

Ари нахьа дыҳаҳәот /	Этот сегодня (днем) кричит /
ари уаха дыҳәхәот /	этот сегодня (ночью) кричит /

ари мышкы акумхеит / так не один день /
ари ҩымш ракумхеит / так не два дня /
ари хымш ракумхеит / ... так не три дня / ...

(сказка «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахиа Ш.).

Как и в предыдущем примере, и здесь интонация однотипно-перечислительная. Формула состоит из пяти интонационных отрезков, из которых первые два совершенно равны по длительности, так же как и следующие три — между собой. Разница в длительности между первыми двумя и остальными едва заметная. В начале всех отрезков голос повышается и понижается в конце каждого; каждая интонационная часть отделена от другой малой паузой, меньше секундной по длительности; логические ударения в каждой части приходятся на одно и то же место (на начальное слово).

Таковы и формулы роста героя.

/ Иахьа изҳауа / / Сегодня рос /
уатҩы изҳауа / завтра рос /

(«Сказка о семи братьях», сказочник Конджариа Н. З.).

Разница состоит лишь в том, что голос повышается не в начале, а в конце интонационных частей формулы. Характер перечисления от этого не изменяется.

Перечислительная интонация является доминирующей в строении и формул пути:

Дцо / дцо / дцо / — шел / шел / шел /

(«Сказка о семи братьях», сказочник Конджариа Н. З.).

Ус ицо / ус ицо / ус ицо / Так шли / так шли / так шли /
Амҩа / иыку / иыку / иыку / По дороге / идя идя / идя /
ицуа / ицуа / ицуа / ицуа / шли / шли / шли / шли

(сказка «Услуживший покойнику», сказочник Колбая Х.М.).

При этом ударение (логическое) падает на каждое из интонационно повторяющихся слов-действий, паузы малые, одинаковые по длительности.

Перечислительная интонация присутствует и в отдельных формулах. Например, во вступительной:

Мра-лҧа Аҳмат / ха дыҟан /	Мра-лпа Ахмат был /
Мза-лҧа Аҳмат / ха дыҟан /	Мза-лпа Ахмат был /
Апсха Гуашьа-лҧа Аҳмат / ха дыҟан /	Апсха Гуаша-лпа Ахмат был /
Апсуа Аҳмат / ха дыҟан 2	Апсуа Ахмат был 2[9]

(Сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуаша-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», сказочник Колбая Х. М.).

Такое интонационное своеобразие данной формулы объясняется необходимостью передать сразу о существовании нескольких героев, и перечислительная интонация здесь незаменима. Формула состоит из четырех однородных и равнозначных и по содержанию, и по интонации частей. Каждая из частей в отдельности произносится сказочником с утвердительно-повествовательной интонацией, но как бы незавершенной, несмотря на смысловую самостоятельность частей. Объединившись в одну сложную формулу, все отрезки становятся ее частями и формула приобретает законченность и интонационную завершенность. Создается своеобразное переплетение утвердительно-повествовательной и однотипно-перечислительной интонаций, что углубляет ритмичность. Ритмичности способствуют также логические ударения в каждой формуле-части и едва уловимые паузы после имен, и в конце каждой части — чуть большей длительности, но все же меньше, чем секунда. Созвучие имен героев — своеобразное украшение формулы.

Ритмичность формулы может быть другого порядка.

Туцьарк дыҟан /	Один купец был /
адәқьан ду иман /	лавку большую имел /
дыцагылан /	торговал /
дыхуҳахутәын /	торговлей занимался /

(Сказка «Алмазное яичко», сказочник Колбая Х. М.).

Оттенок монотонности в перечислении усиливается за счет того, что голос остается почти на одном и том же уровне во всех интонационных частях формулы.

В конечной формуле:

[9] Букв.: «Был один / по имени Ахмат Сын Солнца /
Был один / по имени Ахмат Сын Луны /
Был один / по имени Ахмат Сын Апсха Гуаши /
Был один / по имени Ахмат Абхаз / 2

Дааилаҳәа-дааилаҷа диманы дцеит / — Одев и забрав увел /

ари аҧхаҧса ара дынхеит / — эта падчерица здесь осталась /

иара итаца дигент. — он свою сноху забрал[10].

(«Сказка о мачехе и падчерице», сказочница Анквааб Б.).

Перечисление действий влечет за собой соответствующую интонацию перечисления, переходящую в интонацию конца.

Другой пример из сказки «О неудачнике» (сказочник Колбая Х. М.):

Ақуҷьма данафа /

акуҷьмагь аалган ицеит 1

ани иҳәынтқарыз азҧабгьы дахьыҟаз даанхеит 1

аҧсыз рыцхагьы ахы ахуа шҭаз /

ишыуазыруаз /

азы иштаз иаанхеит 1

иаргьы длыбжьаҩыр дцеит 1

абри еиҧш иҟалыит 1

абас саҳахьыит дад дбыкухшоуп

Когда волк его съел

волк выздоровел и ушел /

и та бывшая государем девушка там (где она была) осталась /

и бедная рыба со своей головной болью /

мучаясь /

как была в реке так и осталась /

и он (ни за что) пропал /

вот такое случилось I

вот так я слыхивал дад дбыкухшоуп.

[10] Сказочник по ошибке говорит вместо слова «дочь» «падчерица».

Сказочник «заключает» сказку, передавая несколько действий, которые он объединяет при помощи однотипно-перечислительной интонаций. Четкость чередования повышения и понижения голоса иногда нарушается из-за лексической протяженности перечисляемых действий, что, однако, очень мало влияет на ритмическую стройность формулы, усиленной рифмованностью фраз. Так получается от того, что в частях, лексически более протяженных, чем остальные, наблюдается стремление сказочника каждый раз уравнивать их с менее протяженными. То есть, это — своеобразное явление, которое сродни стяжению слогов в стихосложении.

С перечислительной интонацией могут передаваться и некоторые формулы приближения противника, в которых присутствуют звукоподражательные слова, повторяющиеся подобно словам-действиям в формулах пути:

атыр/ -тыр/ -тыр/ -тыр/ -тыр/ -тырхәа /

имацәысуа / нааyеит иҳәеит

Атыр / тыр - тыр / тыр - / тыр / - тыр /

так исторгая молнию / летит говорит.

(«Сказка о трех братьях», сказочник Конджария Н. З.).

Ритмически, хоть и более слабо, организовываются иногда и ремарки сказителя:

Матча — Мадина хәа акоуп !	Матча — Мадина есть, такое
Матчагьы городуп /	И Матча город /
Мадинагьы городуп /	И Мадина город /
Рацшәоуп уи !	по-арабски это !
ҳа иҳабызшәазам / !	не на нашем языке / !

(Сказка «О неудачнике», сказочник Колбая Х. М.).

Пояснение сказителя строится с помощью пояснительно-перечислительной интонации.

Другой пример:

! нарцәы /	! с того света /
дыцсхьеит /	уже умер /
анышә /	земле /
дартахьеит /	уже предали /

ушьта дгьланы / теперь будто бы встал /

даауаны кандуат умбон / и идет так делает видишь

(Сказка «О бедняке и его глупой жене», сказочник Колбая Х. М.).

В процессе воспроизведения сказки довольно часто образуются ритмически организованные «куски», т. е. самые различные части сказочной речи приобретают ритмичность благодаря однотипно-перечислительной интонации. Эти ритмические «отрезки» речи различные и по объему, и по степени их ритмизации. Однородность фраз (словосочетаний, реже — слов), логические ударения и паузы углубляют ритмическую стройность «куска», в который они объединяются.

Ритмический «отрезок» речи могут составить перечисленные однородные фразы:

Ах иҧа ашьана ааигеит / Царевич кольцо[11] принес /

аматәа ааигеит / одежду принес /

аҽытәа ааигеит / аҽытәа[12] принес /

ахьыматәа ааигеит / золотые вещи принес /

аматәа бзиану иааигеит / одежду хорошо принес /

(«Сказка о мачехе и падчерице», сказочница Анкваб Б.).

Этот отрывок повествования звучит почти как стихи благодаря особой перечислительной интонации, абсолютно одинакового произношения всех фраз, повторения глагола а а и г е и т — принес во всех фразах, отделенных друг от друга равными малыми паузами. Логические ударения неглубокие, из-за чего создается впечатление ровного, почти монотонного, произнесения.

Ритмизации могут подвергнуться самые различные «места» в тексте сказки. Это может быть характеристикой, данной сказочником герою:

Дшықаз акумкуан ҧхәыс дааиган / 1 Он женился на одной женщине /

ишәарыцарагьы ызит / и охота его пропала /

иуаҽрагь ызит / и человечность его пропала /

иҧьаранеирагь ызит / и гулянье его пропало /

---

11 Букв.: «условный знак обручения», «символ».

12 Непереводимое обозначение одежды.

ицьараанрагь ызит /	и общение его пропало /
ихы /	себя /
ихы изныкумго /	себя не умея прокормить
дыччиаха дыпахеит.	нищим дома остался.

(«Сказка «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахия Ш.).

Фразы строятся аналогично предыдущему примеру, отличаясь лишь по бо́льшей силе логических ударений.

... дытцаант /	... спрашивал /
дыҧшаант /	искал /
уаҳа агьимаҳаит /	ничего не услыхал /

(«Сказка «О неудачнике», сказочник Колбая Х. М.).

Узҧабгьы дхаҳәхеит /	И дочь твоя окаменела /
умаҳәгьы дхаҳәхеит /	и зять твой окаменел /
уҧҳәысгьы аатцра дахьытцагылаз	и жена твоя стоявшая под наве-
дхаҳәхеит.	сом окаменела...

(«Сказка о царице и его конюхе», сказочник Агрба Г.).

Дыҧсызшәа / катцаны /	Сделав будто он умер /
акьашанакуа калтцеит /	мумии сделала /
дәеак калтцеит /	другое сделала /
ишабакуу ирхианы зегьы /	все украсив /

(«Сказка о семи братьях», сказочник Конджария Н. З.).

... ана дтаҧшит /	... туда [вниз] посмотрел /
ахаҳә дәыкуитцеит агьит /	камень бросил и прочее /
аҳс иҳәеит /	так сказал /
арс иҳәеит /	этак сказал]
уаҳа акгьы имаҳаит /	больше ничего не услышал /

ахаҳə абжьгьы имаҳаит. и камня шум не услышал.

(«Сказка «О женщине и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахиа Ш.).

Аҧхастакуа ҟаитцо далагеит / Вред стал причинять /
ауаа ҧхастеитəуа далагеит / на людей порчу стал наводить /
анакумкуа ҟаитцо даналага / плохое стал причинять /
(в той же сказке).

«Рефрен» *иҳəеит — говорит* еще более усиливает ритмичность:

Иҿааихан иҳəеит / Отправился говорит /
имукуа иҳəеит / не согласившись говорит /
уа дыкуцны иҳəеит / оттуда уйдя говорит /
азаҿы дааихт иҳəеит / к реке пришел говорит /

(Сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуаша-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», сказочник Колбая Х. М.).

Ритмичность создается и при перечислении героев сказки:

Мра-лҧа Аҳматгьы 1 «И Мра-лпа Ахмат I
Мза-лҧа Аҳматгьы 1 И Мза-лпа Ахмат I
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Аҳматгьы / И Апсха Гуаша-лпа Ахмат /
Аҧсуа Аҳматгьы / И Апсуа Ахмат /
рыҧшьоыкгьы / все вчетвером /
ныҟуара ицеит 1" отправились в путь 1».

(Сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуаша-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», сказочник Колбая Х. М.).

Однотипно-перечислительной интонацией, логическими ударениями и паузами в один ритмический «узел» могут стягиваться не совсем однородные и равнозначные понятия:

Абыжьоеишьцəа иҳəеит / Те семеро братьев говорит /
Куылара инон иҳəеит 1 Ходили в набеги говорит I
Адауцəа рҿы иҳəеит" К великанам говорит"

(«Сказка о семи братьях», сказочник Конджария Н. З.).

... лнапы / ... [ее] руки /

лшьапы / [ее] ноги /

дшабакуу / [ее] всю /

дҧаны / опутав I /

дҽаҳҽаны / ... связав / ...

(Сказка «Мра-лпа Ахмат...», сказочник Колбая Х. М.).

Ритмичным может быть описание:

Аҩнатә иибахьоу аҩнатә иеиҧшым I

Адунеи икуу зегьы иреиҕьны I

Икакаҷны иҕуҕуаны иҧшʒаны ихааны I

агу-гуаратә хазына дакушәт

Жилище на виденных им ранее не похоже I

Во всем мире всех лучше I

Цветущее крепкое красивое со вкусом I

К жилищу прекрасному попал.

(Сказка «О неудачнике», сказочник Колбая Х. М.).

Однотипно-перечислительная интонация в четвертой фразе плавно переходит в интонацию конца.

Очень часто сказочник придает ритмическому описанию сильную эмоциональную окрашенность, что усугубляется растянутым произношением слов по слогам и сильными логическими ударениями:

Иы-матәа хеит / О-дежда его обветшала /

Иҩы-тәа хеит / Иҩы-тәа его обветшала /

даазабха дҟалеит / Измученным стал /

дшәынкыдтцаха иҳәеит / ... несчастным говорит / ...

(в той же сказке).

Ритмичной может стать прямая речь, тогда она звучит с бóльшей убедительностью:

— Уара са сҳәынтқаруп !

Сҳәынтқаррагьы уара иугуот !

Сара ԥҳәысс суццуот !

ара уҟазаауоит !

ишԥоуҭахыу ҳа лҳәеит иҳәеит /

— Ты[13] я — государыня !

И государство мое ты получишь !

Я женой твоей стану !

жить здесь будешь !

как же ты хочешь так сказала говорит /

(в той же сказке).

— Афатә мачуп /

ажәтә мачуп /

аԥара аҟазам !

ҳаззрыцхау рацәахит /

цьара акрузаагозар рҳәаан саарышьтын сааит

— Еды мало /

питья мало /

денег нет !

забот стало много /

может где-нибудь / чего-нибудь / раздобудешь / сказав отпустили (меня) и я прищел...

(Сказка «О бедняке и его глупой жене», сказочник Колбая Х. М.).

— Хауа — ҳҷан / зегьы нлырцәеит /

са сынхан / скыдлан сааyеит —

— Родных — прочих / всех истребила /

Я остался / сюда иду

(Сказка «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахиа Ш.).

— абриаҟара уаҳҭоит /

амал уаҳҭоит /

иаауҭахыу уаҳҭоит /

— столько дадим /

богатство дадим /

что желаешь дадим /

[13] «Ты» здесь звучит как обращение.

аҧара уҭахыума / деньги хочешь /

ашьара уҭахыума ашьара[14] хочешь.

(Сказка «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахиа Ш.).

"Абри иеиҳа уаҩы разҟыцәгьа дыҟазам I
ана аҳәынтқар I хатә ҧхәысс диоуан длыдымгылт /
аҧсыз / алакыца итцаз ытцимхт I
ари зразҟы цәгьыу уаҩуп /
абри дысфапи" ҳа / аҳәан иҳәеит / ааиысын
акуцьма дафт иҳәеит.

"Этого человека несчастнее человека нету I
там государыню I получал в жены не остался /
рыбе в глазу ее что было не вытащил I
это — проклятый человек /
этого съем-ка" сказал говорит и набросился на него волк и
съел его говорит
(в той же сказке).

Интонационное совпадение иногда вызывается повторением слов или фразы:

иабыкуу / где (это) /

иабыкуу / где (это) /

иабыкуу / где (это) — спрашивает женщина мужа о мнимом кладе, который он якобы нашел.
(в той же сказке).

— Аҩада шәсых ҳәа раҳәа / — Скажи им, чтобы подняли тебя /

[14] Имеется в виду вознаграждение натурой, не деньгами.

Аҩада шәсых ҳәа раҳәа — Скажи им, чтобы подняли тебя — так кричит от боли великан, в плечо которому герой вонзает шило, чтобы показаться ему тяжелее.

(Сказка «О бедном абхазе и адау», сказочник Колбая Х. М.).

Подобные ритмические «отрезки» речи, образованные простым повторением фраз, нельзя смешивать с собственно стихотворными вставками следующего типа:

Шьап-цәы /
нап-цәы /
ахьы уардын иақутәоу.
Нап-еибга /
шьап-еибга /
азахуаргьала иақутәоу.

С обструганными ногами /
с обструганными руками /
на золотой арбе сидящая.
С целыми ногами /
с целыми руками /
на качелях из лозы сидящая.

(«Сказка о мачехе и падчерице», сказочница Анкзаб Б.).

Ритмические «отрезки» «оживляют» сказочное повествование, придают ему эмоциональную окрашенность. Ритмичность — явление, обладающее подвижностью, которое может появляться в самых различных местах сказочного изложения. Но есть ли это столь случайным явлением — это покажет анализ повторных записей.

§ 2. Ритмическое членение и его сохраняемость во времени (интонационно-ритмическая память во времени)

Сравнительно-интонационный анализ повторных записей одних и тех же сказок от одного и того же исполнителя показывает, что ритмическое членение не есть какое-то произвольное явление. В его основе лежит не только субъективный фактор (хотя он играет и немалую роль в зависимости от степени мастерства сказочника). Об этом свидетельствует полная или относительно полная сохраняемость ритмического членения во времени.

Для доказательства возьмем какую-нибудь сказку, например, «Мра-лпа Ахмат...» в разновременных записях от исполнителя Колбая Халита Мсуратовича и посмотрим, каково ритмическое членение текста, и сохраняется ли оно при следующем воспроизведении. Мы увидим, что ритмическое членение свойственно тексту в каждом его воспроизведении, т. е. ритмические «отрезки» повторяются в каждой записи:

20.08.77:

Аҧсуа Ахматғьы I
Мза-лҧа Ахматғьы I
Мра-лҧа Ахматғьы /
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахматғьы /
рыҧшьҩыкгьы /
ныкуара ицеит

И Апсуа Ахмат I
И Мза-лпа Ахмат I
И Мра-лпа Ахмат /
И Апсха Гуаша-лпа Ахмат /
все вчетвером /
отправились в путь.

14.08.78:

Мра-лҧа Ахматғьы /
Мза-лҧа Ахматғьы /
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахматғьы /
Аҧсуа Ахматғьы /
рыҧшьҩыкгьы еицны /
амҩа икулт

И Мра-лпа Ахмат /
И Мза-лпа Ахмат /
И Апсха Гуаша-лпа Ахмат /
И Апсуа Ахмат /
все вчетвером вместе /
отправились в путь.

Несмотря на перестановку имен (это и не главное здесь) интонационный принцип однотонного перечисления, переходящего в интонацию конца, сохраняется.

Там же другой пример:

20.08.77:

Ишнеиуаз I
аҳак иҧха I
ауаа лышьтан /
лмацәаз кыдтцаны еихсуан /

Как шли / пришли I
одну царевну I
люди сватали /
в кольцо ее подвешенное
стреляли /

14.08.78:

Ишнеиуаз
аҳак I иҧха I
лмацәаз кыдтцан еихсуан /
амни кыдызх'уаз диитуан

Как шли / пришли /
в подвешенное кольцо /
одной царевны /
стреляли ее отдавали тому
кто его сорвет /

В той же сказке в следующих записях наблюдается аналогичное:

14.08.78:

Мра-лԥа Ахматгьы /
Мза-лԥа Ахматгьы /
Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Ахматгьы /

И Мра-лпа Ахмат /
И Мза-лпа Ахмат /
И Апсха Гуаша-лпа Ахмат /

19.08.78:

Мра-лԥа Ахматгьы /
Мза-лԥа Ахматгьы /
Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Ахматгьы /

И Мра-лпа Ахмат /
И Мза-лпа Ахмат /
И Апсха Гуаша-лпа Ахмат /

Сказочник мог бы не давать имен героев в перечислении, а просто сказать, что они отправились все вместе, однако этому он предпочитает другое: следовать ритмическому принципу передачи действий; при этом речь его приобретает эмоциональную окрашенность благодаря интонации, одинаковым паузам и логическим ударениям. Сопоставительно-перечислительная интонация сохраняется (так же, как и оттенок надежды в голосе сказочника) в следующих отрезках речи (записи сказки «О бедняке и его глупой жене», сказочник Колбая Х. М.):

14.08.78:

— Ма ҳацэ иаваҳкра цэк аазгап /
мамзаргь ихьаны иаажэра жэк аазгап /
— Или еще одного быка приведу /
или же дойную корову приведу /

14.08.78:

Ма ицэ иавеикра ак имазар /
ма ихьаны иижэра жэк имазар итахымзи /
Или еще одного быка иметь /
или дойную корову иметь хотел ведь /

19.08.78:

Ма ҳацэ афызак аазгауоит /
ма жэк сырҳауоит /
Или другого быка приведу /
или корову заработаю /

30.11.80:

Ма хацэ иаваҳҟра ма акы аазгап /	Или другого быка приведу / или корову приведу /
ма жәк аазгуоит /	

между тем записи сделаны с интервалом как в несколько дней, так и в 1 и в 2 года.

В той же сказке посмотрим и другие примеры, например, описание внешности изнуренного долгим путем героя.

24.08.78:

Иы-матәа хеит /	О-дежда [его] обветшала /
иҩы-тәа хеит /	иҩытәа [его] обветшала /
дааҙабха дҟалеит /	Измученный стал /
дшәынкыдтцаха иҳәеит / ...	несчастным говорит / ...

14.08.78:

Иматәа хеит /	Одежда [его] обветшала /
иҩытәа хеит /	иҩытәа [его] обветшала /
дрыцҳаха дҟалан иҳәеит...	жалким став говорит...

19.08.78:

Иматәа ха /	Одежда [его] обветшав /
иҩытәа ха /	иҩытәа [его] обветшав /
дрыцҳаха иҳәеит /	(он) жалким став говорит /

30.11.80:

амҩа дыкуул иҳәеит 2	идет по дороге говорит 2
дха-дыҧсха иҳәеит 1	оборванный весь говорит 1
иы-матәа хеит 1	о-дежда [его] обветшала 1
иҩытәа хеит иҳәеит 1	иҩытәа [его] обветшала говорит 1
дрыцҳаха иҳәеит 2	жалкий весь говорит 2

Перечислительная интонация остается, так же как и паузы, лишь логические ударения в двух примерах из записей, сделанных 14.08 и 19.08.1978 года выражены чуть слабее, что связано с общим характером повествования всей сказки: голос сказочника не так высок и бодр на протяжении всего процесса исполнения, как, например, это наблюдалось в записи, сделанной в 1977 и 1980 годах. В данном случае мы наблюдаем случай, когда внутреннее состояние сказочника накладывает тот или иной отпечаток на исполнение сказки. При этом набор определительных средств неизменен и однороден.

Герой приходит к царице и объявляет себя посланником с «того света», «знакомым» с умершими ее близкими родственниками. Царица встречает его с почестями и «отсылает» вместе с ним дары своим мертвым родным:

14.08.78:

Акриҽалҵт /	[его] накормила /
деилалҳэт 1	[его] одела /
аҳ иеиҧш деибылҵт иҳэеит	как царя разодела говорит /
куым-жэуп /	чер-кески /
кабоуп иҳэеит /	бешметы говорит /
анцэа илҧыхьаиршэаз /	все что бог послал /
аматэа /	одежду /
лыҧсцэа рыматэа /	[ее] мертвых одежду /
шабакуыз илҵт иҳэеит 1	всю [ему] отдала говорит 1
аеы иҩакуцан /	на коня взвалив /
деилаҳэаны дылеыжэылҵан	[его] одев посадив на коня
иҳэеит / ...	говорит / ...

14.08.78:

Даалаганы /	Взяла /
азы иҵылхын агьин иҳэеит 1	искупала и прочее говорит 1
дылкуабеит-дылшьшьит иҳэеит 1	искупала - выходила говорит 1

иматəə-нфытəа иҳəеит I

дəикуршəаны дəыцны /

деилаҳəаны дныҟалтт иҳəеит 4

Ани ихатəа иеи-икуадыри

ааиқулыршəан иҳəеит 1

иазышьтх'уаз / аматəа /

аҧара /

наитан иҳəеит 2

иазымго иҟалеит иҳəеит.

одеждой и прочим говорит I

его снарядив заново /

одела говорит 4

Мужа [ее] коня — седло приготовив говорит I

сколько он [конь] мог поднять

одежду /

денег /

Отдав [ему] говорит 2

Конь не мог уже поднимать

говорит.

19.08.78:

Даалаган /

ицəа-цəфыча ишабакууз

иҟалцеит иҳəеит /

уиадагь аматəа илтт иҳəеит /

иара /

деилалҳəт /

дкуабаны иҳəеит /

дəикуршəаны иҳəеит /

лхатəа иеи - икуадыри еикуршəаны иҳəеит 1

аҧара мацымкуа илитаны иҳəеит 2

апҟафхəа длаулыжьын амфа длыкулан дцеит иҳəеит.

Взяла /

одежду ему всю сделала говорит /

кроме того одежду ему дала, говорит /

его /

одела /

искупав [его] говорит /

снабдив [его] всем говорит /

своего мужа коня - седло приготовив говорит /

денег немало отдав [ему] говорит 2

отпустила [его] она и он отправился по дороге и ушел говорит.

30.11.80:

Даалатәан иҳәеит 2	Взяла говорит 2
ани лхатца 1	мужа I
им-матәакуа кыр имазар /	о-дежда вся что была /
акумжәкуа /	черкески /
акабақуа / иҳәеит /	бешметы / говорит /
шабакуу еикуршәаны /	все собрав /
иҿаҳәаны илтт иҳәеит I	связав отдала ему говорит I
иара деилалҳәт иҳәеит 2	его одела говорит 2
лхатца иеи-икуадыри ҿеикуцаны 2	оседлав коня мужа 2
дыҿеыжәылтцан 2	посадила [его] на коня 2
аҧара 2	денег 2
ахьы иылтт 1	золота [ему] дала I
ахуырцьын азнатцәкьа 2	полный хурджин 2
аматәа 1	вещи I
лан 1	матери I
лашьцәа 1	братьев I
лаб /	отца /
зегь рыматәа илтт 1	вещи всех отдала [ему] I
Аеы иҩакуцаны апкаҩҳәа	На коня положив [он] мигом
иҿынаихан 1	отправился I
ддәыкултт иҳәеит 1	она [его] отправила говорит I

Легко заметить, что, несмотря на некоторую разницу в словесном оформлении взятого «куска», интонационное оформление его одинаковое, как сходны и паузы. В трех последних «кусках»,

помимо остального, что делает речь ритмической, имеется и «рефрен» *иҳәеит — говорит*, за счет которого интонационная строка становится длиннее, протяженнее, что еще более увеличивает сходство между сравниваемыми отрезками речи (сечениями).

Интонационные отрезки, которые по своему содержанию освещают одно и то же обстоятельство, по объему могут быть разными, в то время как они одинаковы и по интонации, и логическим ударениям, и по паузам, и по голосу сказочника, в котором сквозит ощущение безрезультатности действий героя.

27.08.77:

Ахаҳә дәықуитцан ашьтыбжь имаҳаит /
Анс иҳәан / егьыќам /
ас иҳәан / егьыќам /

Камень бросил [вниз] шум его не услышал /
так сказал / ничего / нет /
этак сказал / ничего / нет /

17.08.78:

Ана дтаҧшит /
ахаҳә дәықуитцеит агьит /
анс иҳәеит /
арс иҳәеит /
уаҳа акгьы имаҳаит /
ахаҳә абжьгьы имаҳаит

17.08.78:

Ахаҳә дәықуитцан ашьтыбжь имаҳаит /
еак дәықуитцан ашьтыбжь имаҳаит

Туда [вниз] посмотрел /
камень бросил и прочее /
так сказал /
этак сказал /
больше ничего не услышал /
и камня шум не услышал /

Камень бросил [вниз] шум его не услышал /
другое бросил [вниз] шум его не услышал

18.01.81:

Ахаҳә ҭанжьын 1 абжьы имаҳаит /

Камень бросил [вниз] I шум его не услышал /

егьи еак таижьын I — что-то другое бросил [вниз] I

абжьы имахаит / — шум его не услышал /

(Сказка «О женщине, и великана изгнавшей из пропасти», сказочник Квачахия Ш.).

При сравнении разных записей также оказывается, что очень много сказочных моментов передается сказочником одинаково, если не словесно, то интонационно, хотя часто это принимает несколько общий характер. То есть, повышение-понижение голоса, логические ударения, рефрены, паузы и т. д. могут повториться не с абсолютной точностью, однако в таком случае они используются довольно близко, сходно при передаче одних и тех же сказочных ситуаций. Возьмем пример.

Ритмический «кусок» в записях сказки «Словом вскипятивший котел (воды)» от сказочника Колбая Х. М.:

20.08.77:

... икуацҧы абас қдык ахаҷы иныкуитҷеит I

ишҷакьгьы нкыдиргылт I

иттынжәга иҷакын атрубка I

аттынжәга иҷакын I

амни аттынжәга 2

азна ататын катцаны I

ацәымса амца аркны инахатцаны I

цааиҷакны днаханы I

икын ихәеит 2 ...

... и мясо свое вот так на бревно одно положил I

и ружье свое [к бревну] приставил I

трубку свою держал во рту трубку I

трубку держал во рту I

ту трубку 2

доверху табаком заполнив I

в нее зажженный трут заложив I

→ →
во рту держал и потягивая 1
→ ↘
держал говорит 2...

19.08.78:

→ →
... икуацгьы ныкуитцеит 1
→ →
ишәақь нкыдиргылт /
→ →
илабышьа лытцарсны 1
→ →
иттынжәга ааитцеитцан / аа
→ →
аихамца ааихьшьны /
→ →
ацәымса амца аркны инахеитцт 2

→ →
... и мясо свое положил [на бревно] /
→ →
ружье свое приставил [к бревну] /
→ →
посох свой воткнув [в землю] 1
→ →
трубку свою заполнив / аа
→ →
кремнем об кремень потерев /
→ →
трут зажег и в нее заложил 2...

19.08.78: (спустя 1 час после предыдущей записи)

↗ ↗
... ани ниадара дызцазгьы уа 1
→
... иныкуитцит 1
↗ →
илабышьа нытцаргылан /
↗ →
ишәақьгьы нкыдиргылт 1
↗ →
иттынжәга атаҵын ҳтеиҵсан !

↗ ↗
... ту ношу свою которую нес тоже туда 1
→
... положил /
↗ →
посох свой воткнул [в землю]
↗ →
и ружье свое приставил [к бревну] /
↗ ↗ →
в трубку свою табак насыпав /...

30.11.80:

Ауахуаҷы ишәакьгьы	К бревну и ружье свое приста-
нкыдиргылт 1	вил 1
илабышьагьы лыцарсны 1	и посох, свой воткнув [в землю] 1
ани иџьмагьы уа иныкуцаны 2	и ту козу [мясо] там положив 2
длатәеит 2	сел 2
иттынжәга аатыхны 2	трубку свою достав 2
аттын лтаҧсаны 3	табаку в нее засыпав 3
ацәмса анхамцала амца фаркны 2	трут зажег кремнем 2
ацәмса нахатцаны 1	трут [в трубку] заложив 1
наасҷаск'уот ҳа дшаҷыз 1 ...	хотел было прикурить 1 ...

С заметной энергичностью сказитель передает ситуацию в первом примере, используя интонацию перечисления, делая на начальных словах почти каждого интонационного отрезка логические ударения, а к концу его чуть заметно понижая голос; паузы за редким исключением равны одной секунде; аналогично (сходно) передана та же ситуация и во втором примере, в третьем примере монотонность, ощущающаяся и в первых двух, становится еще ярче, заметнее. Паузы близки друг к другу во всех примерах. Описание ситуации все время ритмично за счет однотипно-перечислительной интонации (почти монотонной), ударений и пауз.

В этой же сказке, по завершении описания основных приключений, герой возвращается назад к оставленным им вещам, и в описании этого сказочного момента наблюдается явление, аналогичное только что рассмотренному:

20.08.77:

... 1 иттынжәга амца зынахартцаз еиҧш ишаҧ-шаҧуа иакын 2
икуац шыкуитцаз еиҧш иҟан 1
ишәакь шеитцаз еиҧш икыдгылан 1 ...

... 1 трубка его как ее зажигал ярко горела [была] 2
мясо его как он его положил лежало 1
ружье как было заряжено приставлено было [к бревну] 1 ...

Ишәақьгьы аакыдхны 1 — И ружье свое взяв I

икуац дҩатцалан 1 — мясо свое на себя взвалив I

иттынжәга ааиҿакны дахо 1 ... — трубку свою взяв и покуривая I ...

14.08.78:

... 1 ишәақь уа икыдгылоуп иҳәеит 2

илабышьа уа иытцагылоуп иҳәеит 2

иттынжәга иара амца шынахеитцаз еиҧш

амца акыуп иҳәеит 2

икуац иҳәеит 1

ишыҟаз иҟоуп иҳәеит /

зегь еиқушәшәа ишыҟаз дрықушәт иҳәеит 1 ...

Иттынжәга аакуихын иҳәеит 2

абыркьҳәа дахо /

икуац дҩатцалан иҳәеит 1

илабышьа ааиқыланы иҳәеит 1

иҩныҟа даақулан дааит иҳәеит 1.

... 1 ружье его так приставлено [к бревну] говорит 2

посох его там воткнут [в землю] говорит 2

трубка его как он ее зажигал горит говорит 2

мясо его говорит I

как и было раньше (есть) говорит I

все целехоньким застал говорит I ...

Трубку свою подняв говорит 2

дымя ею I

мясо свое на себя взвалив говорит I

посох свой взяв говорит I

домой к себе отправился и пришел говорит I.

19.08.78:

... I зыены ишьыз еиҧш иҵьма уа икууп иҳәеит I
ишәаҟь уа икыдгылоуп иҳәеит I
иҵтынжәга амца ... амца шахеиҵаз нахоуп иҳәеит /
илабышьа аҵагылоуп иҳәеит I
I Илабышьа аашьтихт /
ишәаҟь ихуда иаахыишьт 2
икуацгьы дҩаҵалан иҳәеит 2
...иҵтынжәга ааиҿакны абырҟьҳәа иҵтын дахо длыкулан аҩны-
ка дцеит I

... I как в тот день когда убил его козел там [на бревне] лежит
говорит I
ружье его там приставлено [к бревну] говорит I
Трубка его как он ее зажег горит говорит /
посох его воткнут [в землю] говорит / ...
I Посох свой подняв /
ружье свое через плечи перевесил /
и мясо свое на себя взвалив говорит 2
а[15] ... трубкой своей дымя табак свой покуривая
отправился и домой ушел I

19.08.78: (через один час после предыдущей записи)

... I икуац I
ҧырхага амазам ауахуа иҟууп иҳәеит I
ишәаҟь уа икыдгылоуп иҳәеит I

[15] Легкая заминка сказителя.

илабышьа уа ныҵагылоуп иҳәеит I

иҵтынжэга I

ашәмса амца шаҧоу амца акны иахоуп иҳәеит I

I Иҵтынжэга аакуиҳын иҳәеит I

абыржьхоа иааиҧакны аҵтын дахо иҳәеит I

икуаҵьы дшатцалт /

ишәчь ихуда наахшьиы иҳәеит I

илабышьа ааитцшьуа иҩныйка даакулан дааит иҳәеит I

...I мясо его I

невредимо на бревне лежит говорит I

ружье его там приставлено [к бревну] говорит I

посох его там воткнут [в землю] говорит I

в трубку его I

как и было горящий трут заложен говорит I.

I Трубку свою подняв говорит I

дымя ею покуривая табак говорит I

и мясо свое на себя взвалил I

и ружье свое через шею перевесив говорит I

на посох свой опираясь домой к себе отправился и пришел говорит I.

30.11.80:

...Иҵтынжэга амца анахеиҵаз еҧш /

амца уа иакыя 2

икуаҵ иарбанызаалакь зыены ишьыз аенеиҧш икуын 2

ишәакь уа икыдгылан /

илабышьа уа иыҵагылан I

Итҭынжәга ааиҽакны 2
ԥкуац иԥуаԥуа иааԥуитҷан /
ишәаҟь лаԥуҷаны /
илабышьа аанкылан /
иҽааихан 1
аҩны дааит 2

... Трубка его как он ее зажег /
там горела говорит 2
мясо его как в тот день когда его [козла] убил там лежало 2
ружье его там было приставлено [к бревну] /
посох его там был воткнут [в землю] 1
Трубку свою взяв 2
мясо свое на плечи положил /
ружье свое на него [на мясо] положил /
посох свой взяв /
отправился 1
и домой пришел 2

И в этих отрывках сказочник использует интонационный арсенах аналогичным образом. Целые фразы он объединяет в одну сложную интонационную группу, т. е. речь делится на интонационные отрезки, ритмичность остается в силе. Во всех сравниваемых отрывках интонация перечисления выражена ярко, паузы одинаковы, или близки друг к другу, если и есть разница, то она отражается лишь на глубине и четкости логических ударений, в зависимости от которых монотонность либо углубляется, либо немного ослаблена. То есть, ритмические принципы, общий контур ритмического членения сохраняется и во времени.

Конечно, играет (и в первую очередь) свою роль лексическое повторение, которое «диктует» соответствующее интонационное «оформление». Но в этом ли главное? Если учесть, что все это можно изложить просто, описательно и, говоря образно, в двух словах, то дело не столько в этом. Ведь анализируется ритмический отрывок не только одного текста ,а сразу нескольких, т. е.

ритмические «отрезки» в разновременных записях, и ритм сохранен во всех сравниваемых текстах. Видимо, корни такой совпадаемости (схожести) следует искать и в мастерстве самого сказочника. Исполняя одно и то же неоднократно, с каждым разом «отшлифовывая» свой язык, сказочник «вырабатывает» особую манеру повествования, достигая художественных вершин исполнительского мастерства или приближаясь к ним. Он не забывает, не «перечеркивает» опыт предыдущих исполнений, а обогащает его по мере своих творческих способностей, развивая его со временем. И в этом смысле кажется правомерным говорить о *памяти* исполнителя. Сказка живет в памяти сказителя не только со своими словами (*стабильность словесно-смысловая*), но и со своими интонациями (*стабильность интонационная*). Применительно к ритмическому членению сказочного текста можно говорить об *интонационно-ритмической памяти*. Именно она, интонационно-ритмическая память, и обеспечивает «жизнь» ритмическому членению во времени.

§ 3. Интонация и повтор

а) Стереотипия повествования и интонационных сочетаний (отрезков)

Интонационный анализ сказочного текста показывает, что выделение стереотипического (типизированного) повтора в качестве единицы сказочного повествования оправдано не только одинаковым, или близким, словесным оформлением повторяющегося действия, но и аналогичным использованием сказочником интонационных средств. Части (эпизоды) повтора оказываются одинаковыми, или сходными, и интонационно. То есть, сказочник использует интонационный арсенал не как придется, а следуя определенным принципам, отталкиваясь от одного и того же лексического набора (запаса) и опираясь на него. Таким образом, получается, что сходство частей типизированного повтора не ограничивается лексическим составом, а дополняется интонационной совпадаемостью или близостью.

Возьмем в качестве примера простой повтор из сказки «Мралпа Ахмат...» (сказочник Колбая Х. М.):

I. Мра-лҧа Аҳмат ирҧхеит 1 (1)

Мза-лҧа / ирлашеит 1 (2)

Аҧсҳа Гуашьа-лҧа / иаҳәа аатыхны дылҭалан ... (3)

Мра-лпа Ахмат утеплил[16] I (1)

[16] Речь идет о море, в котором друзья ищут меч героя, чтобы оживить его.

Мза-лпа / осветил I (2)

Апсха Гуашьа-лпа / обнажив саблю вошел ... (3)

Во всех трех частях повтора голос повышается в начале каждой части, логические ударения делаются на именах и в первых двух — на глаголах-действиях, а в третьей части действие развернуто, и ударение теряется. Повтор произносится с однотипно-перечислительной интонацией, скрепляющей его части в единое целое. Причем интонационная завершенность повтора зависит от завершенности всех действий, взятых вместе: она ощущается только с завершением описания в третьей, последней части.

Возьмем другой повтор из сказки «Железный волк» (сказочник Колбая Х. М.):

II. — Са сцоит / — ҳа аиҳабы ус иҳәеит иҳәеит I (1)

— Мамоу са сцот / — ҳа уи еитцбазгьы иҳәеит иҳәеит 2 (2)

Реитцбаза даагылан / — Уара шәарҭ шәымч архом /

са сцуент / шәа шәмцан / — ҳа иҳәан 3 аха ирымуит иҳәеит (3).

— Я пойду / — так старший так говорит говорит / (I)

— Нет я пойду / — так младше его говорит говорит I (2)

Самый младший встав — / — Вас он осилит / я пойду /

вы не ходите / — так сказал (3) но не согласились говорит.

Первые две части почти полностью совпадают друг с другом интонационно: голос повышается в начале фраз и к концу их плавно понижается. Третья часть интонационно не совсем разнозначна с первыми двумя из-за инверсионного построения предложения, и все же это не нарушает общего интонационного единства повтора. Паузы делят первые две интонационные фразы каждую на две части в одинаковых местах. И первая половина третьей части, отделенная от остальной половины паузой, по длине совпадает с первыми половинками первых двух частей повтора. Полная интонационная завершенность ощущается в общем для всех частей выражения, завершающем повтор: *аха ирымуит иҳәеит — но не согласились говорит*.

Таким образом, все три части представляют собой относительно законченные в интонационном и смысловом отношении фразы; более близкие друг к другу первые фразы произносятся почти скороговоркой, и это подчинено особой цели: слушателю

становится ясна безрезультативность первых двух попыток (старшего и среднего братьев) перенести через реку детей, пока спит волк. Третья часть повтора состоит из большого количества фраз. Помимо имеющегося и в других частях заявления героя о своей готовности переплыть реку, в этой части содержится и предупреждение: младший брат предупреждает старших о том, что их попытки могут не увенчаться успехом. В голосе сказочника при этом чувствуется смутная подоплека неотвратимости надвигающейся беды (волк съедает обоих старших братьев). Предупреждению придается вескость двухсекундной паузой, отделяющей третью часть от первых двух.

Возьмем еще один простой пример из «Сказки о трех братьях» (сказочник Колбая Х. М.).

Герой мстит царю за своих старших братьев и за себя, живьем сдирая с него кожу:

III. — Ари — сеиҳаб иҟуаҟуа ацәа иахыухыз — иҳәан акы ахыихт иҳәеит 1 (1)

— Арыи — сеитеиҳаб иҟуаҟуа иахыухыз — иҳәан акы ахыихт иҳәеит 1 (2)

— Ариғьы / — са схуы — ҳа иҳәан иҳәеит х-аақашәарак аҳ иҟуаҟуа ацәа лахыихт иҳәеит (3)

— Это — за содранную тобой со спины моего старшего брата кожу — сказав одну содрал говорит I (1)

— Это — за содранную тобой со спины моего другого старшего брата — сказав одну содрал говорит I (2)

— И это / — моя доля — так сказав говорит в три нитки шириной со спины царя кожу содрал говорит (3).

И в этом повторе каждая из трех его частей почти полностью совпадает с другими интонационно. При этом в голосе сказочника ощутим скрытый оттенок мстительности. Если в отдельности каждая из фраз произносится с утвердительно-повествовательной интонацией, то в целом создается перечислительно-повествовательная интонация, и в этом состоит специфика интонирования всех таких повторов. Это подтверждается и следующим примером:

IV. Абри амрагыларахь ицуа — / амҩа ианылаз
дзыгьыжьуам дтахуот / — ха иҳәеит иҳәеит 1 (1)
— Абри мраташәарахь ицуогьы / дзыгьыжьуам
дтахуот / — ха иҳәеит иҳәеит 1 (2)
— Абри агутатәи иашан ицуа 1 абри уаныланы уца 2 убра
ицаз егьихьуам даауеит / угьежьыр ҟалап ааауеит ха ус
еиҳәт иҳәеит (3)

— По этой на восток ведущей дороге / отправляющийся не
сможет вернуться погибнет — так говорит говорит / (1)
— По этой на запад ведущей отправляющийся / тоже не смо-
жет вернуться погибнет — так говорит говорит 1 (2)
— По этой средней прямо идущей I по этой отправься и иди 2
отправившемуся туда ничего не будет вернется /
вернешься может и ты возвратишься — так он ему
сказал говорит (3) (повтор из сказки «Услуживший покой-
нику», сказочник Колбая Х. М.).

И здесь первые две части повтора представляют собой равновеликие фразы, полностью совпадающие друг с другом по интонации, логическим ударениям и паузам. Третья — сродни им, но несколько растянута и выделена интонационно. Голос сказочника выше и тверже, логические ударения четче, пауза длиннее, и все это вызывается отличием самого содержания фразы: незнакомец желает отправить героя по безопасному пути. Но именно это и способствует тому, что герой выбирает самый опасный путь. Путем такого противопоставления интонации и содержания высказываемого сказочник выделяет храбрость и смелость героя. В целом же интонационный блок един и не нарушен. «Рефрен» *иҳәеит иҳәеит — говорит говорит,* встречающийся в конце каждой фразы, углубляет это единство.

Части повтора могут быть ритмически организованными (в сказке из той же записи):

V. Реиҳабы ус иеиҳәт иҳәеит / — Старшему из них [сыновей] так сказал говорит /

— Уца / ҳа иҳәеит иҳәеит 1

— Унықуа 1

Ауаа ... бы 1

Ауацәа ҟацы 1

Ақулацәа рҳа 1

Унықуа 3

агьи /

акрыф 1

акрыжә 1

акы уамеигзан /

уеырбуҩуа 1

Уанаауа абри аҧара нымхкуа иҧхастамтәкуан исзаага /

— ҳа иҳәеит иҳәеит 1 (1)

Агьи агуабжьанытәгьы ус ддәықуитеит иҳәеит /

— Уара 1

уст /

уаргьы уеиқушәоуп 1

500 маат аҧара ума уцоит 1

— Иди / так говорит говорит I

Походи I

Людей посмотри I

друзей обрети I

сверстников найди I

походи 3

и прочее /

поешь I

попей I

ничего не жалей /

будь твердым I

Когда будешь возвращаться эти деньги целыми не испорченными возврати мне /

так говорит говорит I (1).

Другого среднего брата тоже так отправил говорит /

— Ты I

возьми /

и ты готов I

пятьсот маат[17] возьмешь и пойдешь I

унықуа

Ауаа рҳа 1

ауацәа рҳа /

ақулацәа рҳа /

походи /

людей обрети 1

друзей обрети /

сверстников обрети /

[17] Пятьсот рублей.

ауаа акырҷатца /	людей накорми /
ауаа акырдыржэ /	людей напои /
аа ... /	аа /
ууафха /	стань человеком /
уанааua /	будешь идти /
Угьежьны уанааua /	Когда будешь возвращаться /
абри иустаз аҧара нумхкуан	эти деньги целыми возврати
исзаага иҧхастамтэкуан ха	мне не испорченными — так
еиҳэеит (2)	ему сказал (2).
Аитбагьы ус еиҳэт иҳэеит /	И младшему так сказал говорит /
— Уаргьы дад ауаа рха I	— И ты дад людей обрети I
ауацэа катца /	друзей обрети /
акулацэа катца /	сверстников обрети /
Угьежьны уанааua /	Когда обратно будешь идти
абри уҧара нумхкуан исзаага	эти деньги целыми возврати
иҧхастоумтэкуан / — ха ус	мне не испорченными — так
еиҳэт (3)	ему сказал говорит (3).

Несмотря на растянутость частей и их неполную интонационную совпадаемость, повтор подобен рассмотренным выше. Интонация перечислительная, голос повышается к концу каждого интонационного отрезка, в основном состоящего из одного-двух слов, отделенных друг от друга секундными, часто и малыми, паузами; к концу каждой части перечислительная интонация переходит в обычно-повествовательную с фиксацией конца. Перечисление здесь со значением продолжительности и объемности действий-поручений, противостоящих конечному приказу не тратить денег (с подоплекой невозможности совмещения таких приказов).

Посмотрим еще один повтор из записи сказки «Словом вспятивший котел (воды)», сделанной 20.08.77 (сказочник Колбая Х. М.):

1-й эпизод:

Дышҧшуаз 1	Как глядел I
еиқуатҽаза ихәеит 1	вся черная говорит I
(лахәоуп ҳәоуп ишидыр) 1	(он решил что это — ворон) I
ҧсаатәк ааиуан еиқуатҽаан	птица одна летела она была
ихәеит 1	черная говорит I
абни азыхь аеылтанажьын	в ту реку кинулась говорит I
ихәеит иаиаатабылгьа иаиыш-	окунулась говорит и вся став
тыҧ ишкуакуаза ихәеит 1	белой говорит I
иааҟалан ихәеит 1	став говорит 1
иҩтытцны ицеит ихәеит 3.	вылетела и улетела говорит 3

2-й эпизод:

«Иараби абри шҧаҟалеи»	«Иараби как это случилось»
ихәан 2	подумав /
"абри иҟанаҵо сарҧы	"посмотрю-ка и я что она дела-
ҽәбапи" ихәан 1	ет" подумав I
дҩагылан абни азаҽы днеин	встал и придя к той реке раз-
иеааилыхны азы дынҭалан	делся и окунулся в реку гово-
ихәеит 1	рит I
азы иеанаатишь ихәеит 1	в воду окунувшись говорит I
уаҳа зтахымыз зҕаб бзиахан	очень красивой девушкой став
даатытцт ихәеит 7	вышел говорит 7
Иҟалтцои 3	Что она будет делать 3
Данзҕабха дабацуа 5	став девушкой куда бы она пошла 5
даатытцын иматәажәкуа	

ишэитцеит егьит аха дызбабуп 1 — Выйдя одела свои старые вещи но она девушка I

уажэшьта иҟаитцо ҳэагь агьиздыруам аҽеак'уам 1 — теперь не знает что делать и прочее I

ԥҳэызбак 1 — девушка I

илшэылтцогьы хатца матэоуп 1 — и одежда на ней мужская I

дшыҟаз нас / — потом /

ани азбаб лԥыналхан дышнеиуаз 4 — та девушка отправилась и шла 4

аҳак ихьча дикушэт 1 — к царскому пастуху попала I

аԥҳэыс матэа ааиган илышэцаны — он ей принес женскую одежду она одела

дабацоз ана днаргт 1 — куда бы пошла туда (к царю) ее привели I

Днарган ианлыхуаԥш — Привели и когда на нее посмотрели она без солнца и луны сверкает I

мрада мзада дыԥхот 1 — девушка I

азбаб 1 — там ее у себя оставили I

Уа даарыдыркылт 1 — Там ее у себя оставили и потом I

уа даарыдыркылан дышрымаз акумкуан 1 — у того царя сын был I

ани аҳ иԥа дыҟан 1 — для царевича оставили I

аҳ иԥа изы дныркылт 1 — ее ему отдали 2

диртт 2 — трех сыновей родила 3

Х-ɵык аԥацэа лхылтцт 3 — Трех сыновей она родила и воспитала /

Х-ɵык аԥацэа лхылтцын илаазеит /

иуаахеит 2 иеыжәларатәа
ерьиратәа икалеит 3

они людьми стали (выросли) 2
настолько чтобы садиться на
коня стали (выросли) 3

3-й эпизод:

Ишааиуаз енак ани аҵаб ус
илгуалашәеит 1
(иааиуеит умбо уажә лхы) 1
анкьа аамҭала дышхатцаз
дшышәарыцоз аҳы иеахьтишьыз игуалашәт 2

илгуалашәт аҵаб 2
Апкаҳҳәа илыкулыршәын
азаҳы дцеит 2
Азаҳы днеин 2
лгаилыхны 2
аҳы данылҭала 2
дгеанха даакухт 4
(лыҵабра цеит /
дыгеанхт) 4

Ас аҳ иуахьад ахьгуартцуаз /
ари аҳан уа ирыкушәт 1
уа ишрылаз 1

х-ҿабаҳцыск ахылҭцын 1
х-ҿабаҳцыск ахылҭцт аҳан 1
урт рыбжьеит 2

Однажды как-то та девушка
так вспомнила I
(видишь ли стала вспоминать) I
что когда-то в одно время была мужчиной охотником и место где в воду окунулась вспомнила 2
вспомнила девушка 2
Мигом оправилась и к той реке пришла 2
К реке придя 2
раздевшись 2
в воду окунулась 2
и стала кобылицей 4
(перестала быть девушкой / кобылицей стала) 4

Так(ой) в царский табун /
эта кобылица попала I
там находясь I
трех жеребят родила кобылица I
трех жеребят родила I
их объездили 2

Ани ихылтыз ачкунцәа 1

ихылтыз аекуа /

ирыкутәзны ирбжьо икалеит 2

Ант аекуагьы сы еиԥшымхеит 1

ачкунцәагьы чкун уафы

еиԥшымхеит 1

ибубуахеит 1

Те рожденные ею сыновья 1

на рожденных ею жеребцах/

сидя объезжали 2

И те кони на коней не стали

похожи 1

и сыновья на молодцев не ста-

ли похожи 1

сильными стали 1

4-й эпизод:

Ашьтахь иҳәеит 2

ишааиуаз иҳәеит 1

ани аеан иагуалашәахт

иҳәеит 2

еитагуалашәан иҳәеит 1

ани азаҿы еитацеит 2

Аеан неины азаҿы 1

азы аеанылтнашьы 2

илаԥсха илыкалеит 2

Ианлаԥсха 1

набацах уаз аҿынанахан ишнеиуаз адырфагьх аҳ ихьшьцәа ирыкушәан 1

уа ирыман 1

Убрагьы х-лабак ахылтцт 2

Ахлабак ахылтцын 1

"Муражә ҳа исышьтан" ҳа

иҳәеит иҳәеит 1

Потом говорит 2

как-то говорит 1

та кобылица опять вспомнила

говорит 2

вспомнив говорит 1

к той реке опять пошла 2

Кобылица пришла к реке 1

окунувшись в воду 2

собакой стала 2

Собакой став 1

куда бы она пошла отправилась и опять к царским пастухам попав /

у них была 1

И там трех щенят родила 2

Трех щенят родила 1

"Мурой меня звали" так говорит

говорит 1

"Мураҩа ҳа иҵышьҭан 1	"Мурой[18] звали" 1
ҳ-лабак схылҵны убра иҵаа-	трех щенят родив воспитала там 2
ҵеит 2	трех сыновей 1
ҳ-ԥык аԥацәа 1 ҳ-ԥык 1	трех 1
ҳ-ԥык 2	трех жеребят 2
ҳ-лак 1	трех собак 1
са иҵхылҵыз ҟалеит" иҳәеит 1	столько я родила" говорит 1
Алакуагьы анлаха егьи ...	Когда и собаки стали собаками ... (выросли) ...

5-й эпизод:

... ашьҭахь 1	... потом 1
ишааиуаз 1	как-то 1
ани 1	та 1
дырԥагь ани ала иагуалашәт	опять та собака вспомнила
азы 1	реку 1
Азы анаагуалашәа 1	Реку вспомнив 1
иҵыԥеихан	отправился /
ала азаҵы инеин /	отправилась /
азы аҵанажьхт адырԥагьых 1	собака пришла к реке /
Аҵынтанажьын 1	опять в воду окунулась /
анкьа данышәарацәоыз еиԥш 1	Окунувшись 1
	как некогда был охотником 1
анкьа дышуаԥыз еиԥш дҟалыит.	как и раньше человеком стал 1.

[18] С оттенком пренебрежения.

Части взятого повтора сходны не только в словесном описании, но и в применении сказочником интонационных средств. Начало каждой части почти всегда произносится более высоким голосом. Концу сопутствует интонация конца. Речь сказочника приобретает своеобразную ритмичность, создаваемую особой интонацией перечисления следующих друг за другом действий, логическими ударениями и словами — «рефренами» *иҳәеит иҳәеит — говорит говорит*. Повтор как бы состоит из интонационных блоков, количество которых равно количеству его смысловых частей. Сказка предстает как совокупность интонационных блоков, объединяющихся воедино общесказочной интонацией. Внутри каждого блока — различные интонационные отрезки меньших масштабов, совпадающих с фразой, чаще со словосочетаниями, реже — с отдельным словом. Все это вместе с паузами и словами-рефренами создает особый интонационно-ритмический колорит сказки. Аналогичное словесное и интонационное построение эпизодов позволяет говорить о своеобразной эквиритмичности [128, 228] сказочного текста и инвариантности [128, 230] интонационного оформления, т. е. с помощью одних и тех же опорных точек эпизоды выдерживаются в одной тональности [128, 228].

Ритмичность речи еще ярче прослеживается на примере того же повтора, передаваемого в том же тексте вторично уже от лица самого героя:

"... Снеины 1
сеааилыхны аӡы сеанаатысшь /
сыӡбабхт /
ҳа иҳәеит иҳәеит 1
Аҳ ихьча
сиӄушәт 1

аматәа сзааигит /
аҳ иҷы сыигит /
ҳа иҳәеит иҳәеит 1
Аҳ иҧа сигуаҧхан /
ҧхәысс сааихут /
ҳа иҳәеит иҳәеит /
Убра хыҩ-ҧацәа схылҵт /

"... Пришел I
и раздевщись я в воду окунулся /
и девушкой стал /
так говорит говорит /
С царским пастухом встретился I

одежду он мне принес /
к царю меня привел /
так говорит говорит I
Царевичу я понравилась /
в жены меня взял /
так гооворит гворит I
Там трех сыновей я родила / —

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

Ахыҵ-ԥацәа исхылтцыз / — те трое сыновей рожденные мною /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — — так говорит говорит I

Иуаахеит / — людьми стали /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — — так говорит говорит I

Убри ашьтахь еитасгуалашәахт 2 — После этого я опять вспомнил 2

абни азы / — ту реку /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

Уа саан сыетысшьт / — туда придя в нее окунулся /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

Нас сеанхт / — тогда стал я кобылицей

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

аҳ иуахьад срыланагалт / — в царский табун попал /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

Убра х-еык схылтцт / — Там трех жеребят я родил /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

Ах-еык исхылтцыз / — Тех трех жеребцов рожденных мной /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

сԥацәа ибжьаны ирыкутәаны I — сыновья мои объездили и сидели на них I

иуаахеит / — людьми стали (выросли) /

ҳа иҳәеит иҳәеит I — так говорит говорит I

Убри ашьтахь еитасгуалашәан
сцент 3
сиеины 3
абни аҳаҿы дыркоагь сеыкуабаны
сеанылдасыжь слаҧсхт /
ҳа иҳәеит иҳәеит 1
Даҟрагь аҳ ихьшьцәа срыкушәт /
ҳа иҳәеит иҳәеит 1
Убра х-лабак схылтцит /
ҳа иҳәеит иҳәеит 1

После этого опять вспомнив
пошел 3
придя 3
в этой реке опять я искупался
окунувшись собакой я стал /
так говорит говорит 1
опять с царскими пастухами
встретился /
так говорит говорит 1
Там трех щенят я родил /
так говорит говорит 1

Убри ашьтахь сышлаз оуп 1
нансгуалашәа саанны сеантысшь 1
абыржә сшыҟоу еиҧшгьы
саақалыит /"
ҳа иҳәеит иҳәеит 1 ...

После этого будучи собакой 1
вспомнил придя и окунувшись 1
тем какой я есть сейчас стал /"
так говорит говорит 1 ...

Речь сказочника становится еще более ритмичной за счет тех же средств. «Рефрен» на этот раз несколько другой: *ҳа иҳәеит иҳәеит — так говорит говорит*. Он употребляется чаще и равномернее — в конце почти каждой интонационной строки. Общий темп заметно убыстряется, оживляется, голос сказочника становится тверже, логические ударения — четче, паузы резче обозначают отрезки речи. Речь становится настолько ритмической, что приближается к стихотворной. Эпизоды повтора еще теснее связаны (что отчасти вызвано тем, что сказочник «заново» повествует об уже знакомом и услышанном аудиторией и не останавливается конкретно и обстоятельно на каждой детали так, как

в один раз; с другой стороны, здесь есть и другой момент: охотник рассказывает о приключившемся с ним с целью вскипятить воду в котле без огня, и речь его должна звучать весомо, чтобы «загипнотизировать» слушателя и произвести желаемый эффект) друг с другом, но при всем этом они не сливаются: сказочник проводит между ними известную грань, пользуясь в основном конечной интонацией. «Рефрен» произносится как бы вне налагаемого текста, почти всегда выделяясь интонационно; за счет особой интонации между ним и собственно текстом создается некоторая грань. Очень часто эта грань едва уловима, но ее присутствие бесспорно.

б) Интонационно-повествовательная память во времени

Наблюдая за интонацией и паузами в структуре одного повтора в однократных записях сказки, мы видели, что существуют некие принципы, которым произвольно или непроизвольно следует сказочник, излагая свой сказочный материал. В результате повтор предстает не только как нечто словесно устойчивое, но и в качестве интонационного блока, внутри которого части его интонационно повторяют друг друга.

Для того, чтобы убедиться в существовании определенной системы интонаций в отношении типизированных повторов, нами был произведен их интонационный анализ на материале разновременных записей сказок. Результаты такого анализа подтвердили действительную сохраняемость в повторах системы интонаций во времени. То есть, принципы, которым следует сказочник, излагая части повтора интонационно одинаково или сходно, действуют и во времени, являясь постоянным критерием одинакового повествования. Основываются эти принципы прежде всего на памяти исполнителя сказки. Существует память интонационно-повествовательная, обеспечивающая сохраняемость во времени принципов пользования арсеналом интонационных средств.

Возьмем простой повтор из двукратной записи сказки «Железный волк» (первая запись сделана *24.08.77*, вторая — *14.08.78* от исполнителя Колбая Х. М.)[19]. Мы видим, что в повторах обеих записей большая близость и равнозначность между двумя первыми частями сохраняется, а третья часть в повторной записи остается такой же осложненной и более протяженной интонационно. Голосовая оценка — безрезультатность попыток двух старших братьев — так же сохранена.

В паузах разница почти незаметна, а если и есть (преимущественно в одну секунду), то она несущественна.

Посмотрим другой повтор из пятикратной записи сказки «Мра-дпа Ахмат...»[20] (все записи сделаны от сказителя Колбая Х. М. *20.08.77* — первая запись, *14.08.78* — вторая запись,

[19] См. приложение II, повтор 1.

[20] См. приложение II, повтор 2.

14.08.78 — в тот же день, спустя час — третья запись, *19.08.78* — четвертая запись и пятая запись — *30.11.80 г.*).

Части повтора во всех записях отделены друг от друга паузами. Доминируют паузы в одну секунду и малые паузы (меньше секунды). Встречающаяся иногда инверсия в лексическом построении частей не влечет за собой ощутимой разницы в интонации: в основном везде в начале каждой части голос повышается и в конце ее понижается. Так же не меняет общего интонационного впечатления и лексическое (а следовательно, и интонационное) усложнение в повторах одной из частей (обычно — третьей, реже — второй), так как если часть и усложняется, это не выводит ее из подчинения общему принципу интонационного построения повтора. Сама усложняющаяся часть делится на интонационные отрезки, равные или приближающиеся по длине к тем отрезкам, на которые разбиваются две другие неусложненные части повтора. Так происходит в повторах из всех записей, и общее интонационное сходство между частями (а значит и повторами) не нарушается. Разница состоит лишь в частоте интонационных отрезков внутри усложненной части. В общем во всех рассматриваемых повторах из разновременных записей текста сказки доминирует перечислительно-утвердительная интонация. Во всех записях повтора полная интонационная завершенность ощущается лишь в конце третьей части. В этом смысле она (интонационная завершенность) зависит от завершенности полного комплекса действий всех трех героев; каждый из героев производит одно конкретное действие, приобретающее значимость и ценность лишь в совокупности с действиями двух остальных. Только совместными усилиями все три героя могут достать со дна моря меч для оживления своего друга. Именно этим объясняется ощущаемая в голосе сказочника незавершенность каждой отдельной части повтора, углубляемая интонационной незавершенностью.

Возьмем другой пример из разновременных записей той же сказки от того же сказителя[21]. И здесь действуют аналогичные принципы исполнения, что и в предыдущем примере: в повторах из всех записей доминирует общая перечислительно-утвердительная интонация (при утвердительно-повествовательной в каждой из частей повтора); все части в повторах из всех записей отделяются друг от друга одинаковыми или близкими паузами; первые две части более короткие, однородные по лексическому содержанию, а следовательно, и равновелики интонационно, третья же часть всегда усложняется ввиду развернутости ее содержания. Примечательно, что даже заминка, которая приостанавливает темп изложения в повторе из первой записи (сказочник не хочет «смешивать» действия героев и поправляет себя — первая часть повтора), повторяется везде в повторах из следующих записей, кроме повтора из второй и последней записей (хотя и там появля-

[21] См. приложение II, повтор 3.

ется подобие заминки: сказитель использует междометие *«аа»*, убеждаясь за это время в правильности излагаемого). Единственная и незначительная разница в изложении повтора кроется в самом темпе и эмоциональной окрашенности: сказитель повествует иногда несколько приподнято и быстро, а иногда более спокойно, медленно. В общем для этого повтора во всех записях интонационная завершенность зависит от завершенности целостного сообщения.

Посмотрим еще один повтор из разновременных записей сказки «Словом вскипятивший котел (воды)», сделанных от одного и того же исполнителя — Колбая Х. М. (*20.08.77* — первая запись, *14.08.78* — вторая запись, *19.08.78* — третья запись, *19.08.78* — в тот же день, спустя час, — четвертая запись и пятая запись — *30.11.80 г.*)[22].

Повтор сложен и по количеству своих частей (4—5), и по их объему: они представляют собой целые эпизоды. Однако, общие принципы, которым следует сказочник излагая свой материал эпизод за эпизодом, объединяя их в повтор, неизменно действуют и внутри таких сложных повторов.

Первые и последние части-эпизоды повтора во всех записях обнаруживают большее сходство между собой, чем с другими (внутренними). В них доминирует интонация повествовательно-утвердительная. Близость их объясняется тем, что они обрамляют собственно сказочную часть повтора. Отличие состоит в разной степени их интонационной близости к серединной части повтора. В тех записях, где степень этой близости выше, речь сказителя более четкая, размеренная и ритмичная. Этому способствует и употребление в конце каждой фразы или словосочетания, на которые части повтора интонационно разбиваются, «рефрена» *иҳәеит — говорит*. Таковы первые и последние части-эпизоды повтора из первой записи и — в несколько меньшей мере — из четвертой, а также последние части-эпизоды повтора из второй и четвертой записей, и меньше — из третьей.

Еще большую близость между собой обнаруживают серединные части повторов из всех записей. В них четче доминирующая однотипно-перечислительная интонация. Нередко эта общая однотипно-перечислительная интонация сменяется локальной сравнительно-сопоставительной, объединяющей несколько соразмерных строк, чаще — двух:

↗ → ↗ →
Арҭ аекуагьы ҽы еиҧшымхт 1
↗ → ↗ ↘
ачкунҷаагьы ҷкун уаҩы иеиҧшымхеит 1

[22] См. приложение II, повтор 4.

1 И эти кони на коней похожи не стали 1

и те молодцы на людей похожи не стали 1

(первая запись)

1 Аекуа ехыит ихәеит 1

ачкунцәа ихылтцызгьы ихәеит 1 уаахыит ихәеит 2

1 Жеребята выросли в коней говорит 1

молодцы им рожденные говорит 1

выросли в людей (людьми стали) говорит 2

(вторая запись)

1 аекуа х-еык ҟалеит /

иҧацәагьы х-оык ҟалит /

Иҧацәа уаахыит 1

аекуа кны ирбжьеит 1

1 коней трое стало /

и его сыновей трое стало /

Его сыновья выросли в людей (людьми стали) /

коней поймав объездили 1

(третья запись):

В четвертой записи (сделанной спустя один час после третьей) этот «кусочек» речи звучит особо ритмично, почти как стихи (в них обнаруживается и рифмованность строк):

1 Ани ачкунцәа ихылтцызгьы уаахыит 1

аекуа ихылтцызгьы ехыит 1

иркын ирбжьеит /

ачкунцәа рыкутәоуп ихәеит 1

I Те молодцы ею рожденные тоже выросли в людей (людьми стали) /

кони ею рожденные тоже выросли в коней /

поймав их объездили /

сыновья его на них сидят (ездят) говорит !

(четвертая запись)

Таких строк в серединной части повторов из всех записей немало. Характеристика персонажей усиливается особым выделением голосом, более сильными ритмическими ударениями. Серединной части присуща также приподнятость, стройность, ритмичность строк, создаваемая стечением логических ударений, одинаковой интонацией, «рефренами» и паузами одинаковой или близкой длительности. Все это усиливает и подчеркивает интонационно-ритмический сказочный колорит.

Во многих эпизодах сказитель начинает свою речь словами: *ашьтахь, уи ашьтахь, уи ашьтахь ɜнак, ус ишьɨказ, ус ишьɨкахьɨз, ашьтахь ишаашуаз, ɜнак — потом, после этого, как-то однажды, потом как-то, как-то раз, после этого как-то,* которые произносит более протяжно, медленно, или же более приподнято, — в любом случае подобное выделение служит как бы внешней временной характеристикой. Такой же своеобразной временной характеристикой является и особое выделение во всех записях потомства героя сильными логическими ударениями:

Аɜқуа х-ɜык ɬалеит / Коней трое стало

ԥацɜагьы х-ɜык ɬалеит. И сыновей его трое стало.

Вместе с тем подобное выделение подчеркивает необычность как потомства героя, так и самой сказочной ситуации, т. е. с помощью голоса и интонации сказочник как бы «снимает» необходимость подробных описаний. В последних эпизодах повтора во всех записях голос плавно, а иногда и резко (в зависимости от лексической протяженности эпизода: чем меньше лексический запас, тем резче) понижается, и это есть голосовой (интонационный) сигнал, знаменующий собой завершение повтора.

Эквиритмичность повтора создается за счет сохранения во всех эпизодах повтора (из всех записей) одинаковых *опорных точек, опорных действий — опорных описаний — опорного интонационного оформления,* что обеспечивает большую близость между эпизодами, сохраняющуюся и во времени. Все это дает основание говорить об *интонационно-повествовательной памяти* как основном ключе для разгадки механизма интонационной повторяемости.

ГЛАВА IV

МИМИКА И ЖЕСТ В ИСКУССТВЕ УСТНОЙ СКАЗКИ

§ 1. Жесты и их типы

Исполнение сказки — процесс сложный и многогранный. Сказка не просто исполняется, но она и сама оказывает определенное влияние на самого исполнителя. В этом отношении интересны наблюдения за сказочниками. Эта сторона сказки, к сожалению, еще не изучена[1].

Для того, чтобы проследить за «поведением» сказочника во время исполнения им сказки, нами специально были проведены повторные записи сказок с использованием фото- и киносъемок. Записи были проведены в августе-сентябре 1977, в августе 1978, в ноябре 1980 и в январе 1981 гг. в разных селах Гудаутского и Очамчирского районов Абхазии.

Использование целенаправленных съемок привело к определенным интересным результатам[2]. Целью такого сравнительного изучения «поведения» сказочников при исполнении ими сказок было: 1) выяснить, какова роль жестикуляции и мимики исполнителя сказки; 2) выявить характер жестов; 3) пронаблюдать, существуют ли какие-нибудь закономерности в пользовании жестами; 4) есть ли связь между жестами и интонированием текста и, если есть, то какова она.

Оказалось, что жесты и — в несколько меньшей мере — мимика сказочника — неотъемлемая часть процесса исполнения сказки. Сами же жесты при этом оказались различными. Выяснилось, что они бывают *текстуально обусловленными* и *текстуально не обусловленными. Текстуально обусловленные,* в свою очередь, делятся на *жесты, связанные с динамикой сказки, и жесты, относящиеся к предметам сказки. Текстуально не обусловленные жесты* могут быть *случайными и техническими* или же это — *машинальные жесты,* не связанные с текстом исполняемой сказки, несмотря на возможную внешнюю их схожесть с текстуально обусловленными жестами. Отдельно можно говорить об игре с вещью, т. е. сказоч-

[1] Существуют, однако, отдельные работы, в которых поднимается эта проблема, к примеру: Карнаухова И. В. Об изучении сказочника как артиста (публикация Гацака В. М.). — В кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977; Савушкина Н. И. О собирании фольклора. М., 1974 и т. д.

[2] Параллельно с фото- и киносъемками на бумаге делалась контрольная фиксация всех жестов и движений мимики сказочника вместе со словами, которым они сопутствуют.

ник «оперирует» тем или иным предметом, случайно оказавшимся в его руках в момент исполнения им сказки.

В пользовании текстуально обусловленными жестами (казалось бы столь зависимыми от индивидуальности того или иного исполнителя) были замечены определенные закономерности. Оказалась очевидной более или менее конкретная связь между жестами и характером интонирования исполняемого текста сказки, а именно: 1) определенная сказочная ситуация, «диктующая» ту или иную интонацию при ее передаче, влияет также на характер и частоту жестов; 2) ритмическому членению сказочной речи, которому свойственна в основном однотипно-перечислительная интонация, сопутствует определенный тип повторяющихся жестов (внешне они могут быть разными); это явление почти стабильно во времени; 3) стереотипическим повторам, которым присуща своя сложная интонация, также свойствен определенный комплекс своеобразно переплетающихся жестов; сказанное справедливо в отношении повторов в пределах однократных записей, а также для повторов в разновременных записях сказочного текста.

а) Текстуально обусловленные жесты и мимика

Текстуально обусловленные жесты — это жесты, имеющие непосредственное отношение к излагаемому сказочному тексту. Они могут быть связаны: а) с динамикой сказки или б) относиться к предметам сказки. Особо выделяются жесты, «закрепленные» за определенной сказочной ситуацией. Например, формуле-вопросу почти у всех сказочников сопутствует один и тот же жест, характеризующий создавшуюся сказочную ситуацию: произнеся формулу-вопрос *Иҟаиҵуои? — Что он будет делать?* сказочник делает жест, зафиксированный на фотоснимке 1 (сказка «Про молодого вора и новорожденную», сказительница Анкваб Бабила, Атара, *28.08.77*)[3]. Жест был бы понятен и без текстуальных комментариев: сказительница развела руками, как бы вопрошая слушателей, что должен делать герой, которому напророчили в жены только что родившуюся девочку. На лице ее отразились удивление и недоумение самого героя и легкая улыбка, вызванная странностью создавшейся сказочной ситуации.

На глазах у царского конюха табун таинственно исчезает. Конюх от страха не знает, что делать, и этот момент сказочник сопровождает таким же жестом (снимок 2, «Сказка о царе и его конюхе», сказитель Агрба Григорий, Атара, *17.08.78*).

Герой-охотник, искупавшись в реке, превращается в девушку. Формулу-вопрос *Иҟаиҵуои? — Что он будет делать?* сказочник сопровождает тем же жестом (снимок 3, сказка «Словом вскипятивший котел (воды)», сказочник Колбая Халит Мсуратович, Абгархук, *19.08.78*).

[3] См. приложение III.

Герой вынужден прогнать адау, и он знает, что добром для него это не кончится. Что делать? И здесь аналогичный «вопрошающий» жест (снимок 4, «Сказка о женщине, приносящей удачу», сказочник Квачахия Шамил, Атара, *17.08.78*).

Текстуально обусловленные жесты, относящиеся к предметам сказки, различны. Среди них — *указательные*, сказочник как бы «указывает» на предмет речи.

Приведем примеры.

Падчерица устанавливает на дереве качели, на которые сказительница указывает пальцем, направленным вверх (снимок 5, «Сказка о мачехе и падчерице», сказительница Анкваб Бабила, Атара, *28.08.77*). Такой же жест, указывающий на мнимый чердак, та же сказительница использует в сказке «Про молодого вора и новорожденную» (снимок 6, Атара, *28.08.77*). Жест «указывает» на путь (отправление): говоря о том, как герой отправился в путь, сказочник протягивает вперед ладень, как бы указывая на дорогу, по которой он отправился (снимок 7, «Сказка о семи братьях», сказочник Конджария Нестор Зафасович, Бзыбь, *10.08.77*). Указательный жест может относиться и ко времени: сказочник повествует о том, что девушка (она приносит удачу), на которой герой желает жениться, сосватана за другого, и остается один день до ее свадьбы. Слова, указывающие на время свадьбы, *«Уаҵәы ашьыжь» — «Завтра утром»* сказочник сопровождает указательным жестом (снимок 8[4], «Сказка о женщине, приносящей удачу», сказочник Квачахия Шамил, Атара, *17.08.78*). Герой предлагает отдать ему сосватанную за другого девушку, если сухая палка, врытая в горящий очаг, вырастет в зеленое ореховое дерево. Сказитель как бы указывает на очаг: снимок 10 (в той же сказке от того же сказителя, запись сделана *18.01.81 г.*).

Жест и мимика очень часто представляют собой неразрывное целое, дополняя друг друга.

Объявив себя «посланником с того света», герой хитростью уводит у царицы коня, берет одежду, золото, пообещав «доставить» все это ее покойным близким: отцу, брату и другим. Раскрывший обман царь пускается вдогонку за ним на своем коне. Увидя погоню, герой сворачивает с пути и заходит в оказавшуюся поблизости мельницу и объявляет мельнику (слепому и русому), что к нему скачет человек, убивающий всех слепых и русых. Перепуганный насмерть мельник переодевается по совету героя в его [героя] одежду, уступив ему свою. Герой советует мельнику взобраться на дерево и переждать там. Говоря об этом, сказочник «указывает» на мнимое дерево (снимок 11). При этом на лице сказочника — лукавая улыбка. Мельник взбирается на дерево, — выражение лица у сказочника более спокойное (снимок 12). Пре-

[4] См. также снимок 9: те же слова сказитель сопровождает тем же жестом (в записи, сделанной 18.01.81 г.).

следователь-царь спрашивает у героя, выдающего себя за мельника, не видел ли он проезжавшего на коне человека. Ответив утвердительно, герой разными жестами указывает на дерево, на котором сидит мельник (снимки 13, 14). Царь привязывает своего коня рядом с конем героя (снимок 15) и взбирается на дерево. Именно этого и добивается герой: он тут же садится на свободного царского коня и, взяв другого, навьюченного всяким добром коня за поводья, громко произносит *«Итабуп!»* — *«Спасибо!»* и скачет дальше. На лице сказочника появляется улыбка, переходящая затем в смех (снимки 16, 17, сказка «О бедняке и его глупой жене», сказочник Колбая Халит Мсуратович, Абгархук, *24.08.77*).

На вопрос царицы, как живут и как выглядят ее покойные родные, герой отвечает, что они похожи на него самого, намекая на крайнюю бедность и нищету, которую якобы испытывают родственники царицы на том свете. При этом сказитель широко разводит руками, указывая на себя, а на лице у него нескрываемая лукавая улыбка (снимок 18, из записи той же сказки от того же сказителя, *30.11.1980 г.*).

Текстуально обусловленные жесты могут не только «указывать» на предметы сказки, но и *«изображать»* их: герой идет следом за незнакомцем и видит, как тот остановился для отдыха. Изображая смотрящего вперед героя, сказочник прикладывает ладонь ребром ко лбу (снимок 19, «Сказка о семи братьях», сказочник Конджария Н. З., Бзыбь, 10.08.77). Герой видит бездонный колодец, из которого вьется дым. Сказитель «изображает» вьющийся дым (снимок 20). Злая мачеха приказывает падчерице соткать в течение дня двенадцать полотенец. Сочувствующая девушке корова соткала для нее полотенца. Описывая этот момент, сказительница «изображает» сложенные друг на друга полотенца (снимок 21, «Сказка о мачехе и падчерице», сказительница Анкваб Бабила, Атара, 28.08.77). Герою предсказывают, что он женится на только что родившейся девочке, когда она станет взрослой. Разозленный нелепостью такого предсказания и желая предотвратить его, герой разрезает ребенку животик и закидывает его на чердак. Ребенка ищут и находят. Сказительница «изображает» разрез на теле ребенка (снимок 22, сказка «Про молодого вора и новорожденную», сказительница Анкваб Б., Атара, *28.08.77*). Сказитель «изображает», как встречаются друзья (снимок 23, сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», сказитель Колбая Х. М., Абгархук, *30.11.80 г.*). В той же записи: герой отдает по кольцу своим друзьям, и, если в глазке каждого из колец появится кровь, значит он мертв и надо идти к нему на помощь. Говоря об этом, сказитель «указывает» на глазок кольца и сам как бы смотрит на него (снимок 24).

Текстуально обусловленные жесты могут быть *связаны с динамикой сказки*. Герой «оживляет» младенца, ударив его своей

плеткой. Как бы изображая удар, сказочник сжимает пальцы в кулак и взмахивает мнимой плеткой (снимок 25, «Сказка о женщине, приносящей удачу», сказочник Квачахия Шамил, Атара, 17.08.78). Конюх пасет табун на берегу моря и случайно находит два красивых камешка, которые постоянно подпрыгивают сами. Сказочник «изображает» руками, как камешки подпрыгивают (снимок 26, «Сказка о царе и его конюхе», сказочник Аргба Григорий, Атара, 17.08.78). Удивившись необычным камням, герой берет их в руки и стукает ими друг о друга — табун весь исчезает, стукает другой раз — табун появляется вновь. Говоря об этом, сказочник стукает мнимыми камнями друг о друга (снимок 27, сказка в той же записи). Герой идет узнавать свою судьбу. Переправившая его через реку рыба, узнав, куда он направляется, просит его разузнать и о причине ее головной боли. Герой выполняет просьбу рыбы: ей в глаз попала заноза, у нее же нет руки, чтобы вытащить ее. Сказочник «изображает», как рукой можно было бы вытащить эту занозу (снимок 28, сказка «О неудачнике», сказочник Колбая Х. М., Абгархук, *19.08.78*). Герой делает вид, будто ударяет девушку мечом. Сказитель демонстрирует этот жест (снимок 29). Герой окунается в реку. Говоря об этом, сказочник движением руки «демонстрирует» действие героя (снимок 30, сказка «Словом вскипятивший котел (воды)», сказочник Колбая Х. М., Абгархук, *19.08.78*). Сказитель завершает сказку кратким сообщением о том, что герой навсегда прикончил адау (снимок 31). Злая мачеха отдает царевичу не падчерицу, которую он сосватал, а свою дочь. Не видя выхода, падчерица садится на качели и, качаясь, напевает:

Шьап-цэы,	С ногой обструганной,
Нап-цэы,	С рукой обструганной,
Ахьы уардын иакутэоу;	На золотой арбе сидящая;
Шьап еибга,	С ногой целой,
Нап еибга,	С рукой целой,
Азахуаргьала иакутэоу.	На качелях из лозы сидящая.

Произнеся эти слова, сказительница в такт перечисляющимся фразам делает рукой движения, как бы изображая, как падчерица раскачивается на качелях (снимок 32, «Сказка о мачехе и падчерице», сказительница Анквааб Б., Атара, *16.08.78*).

б) Текстуально не обусловленные жесты

Текстуально не обусловленные жесты не «закреплены» за определенным сказочным моментом. Несмотря на возможное их

сходство с текстуально обусловленными, они не несут какой-либо «внутренней нагрузки». Использование их сказочниками носит механический характер ,они не характеризуют какое-нибудь сказочное явление, не «изображают» какой-нибудь сказочный предмет и не описывают его. В зависимости от основной позы сказочника они бывают разные: сказитель сидит, наклонясь вперед и опершись локтями об колена. Время от времени он взмахивает коротко то кулаком, то ладонью (снимки 33, 34, сказка «Словом вскипятивший котел (воды)», сказочник Колбая Х. М., Абгархук, *19.08.78*). Аналогичное явление зафиксировано на снимке 35 (сказка «Как царь привел своему сыну жену», сказочник Бечвая Р., Атара, 28.08.77), под влиянием повествуемого сказочник время от времени делает подобные характерные жесты.

Жест может быть вызван *реакцией аудитории*. Вызвав взрыв смеха у своих слушателей, сам сказитель, как ни в чем ни бывало, проводит пальцами по затылку (снимок 36, сказка «Как царь привел своему сыну жену», сказочник Бечвая Р., Атара, *28.08.77*).

Движения сказочника могут носить случайный или технический характер. В середине повествования сказитель вдруг начинает гладить ладонью другую руку, не переставая рассказывать (снимок 37, сказка «Словом вскипятивший котел (воды)», сказочник Колбая Х. М., Абгархук, *19.08.78*); проводит пальцами по лицу (снимок 38, сказка «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахия Ш., Атара, *17.08.78*); сминает сигарету (снимок 39, сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», сказочник Колбая Х. М., *19.08.78*) и т. д.

Сказочник *«оперирует»* вещью, случайно оказавшейся в его руках в момент исполнения им сказки. Такими предметами могут оказаться посох, нож, спичечный коробок (снимок 40 и др., сказочник Колбая Х. М., снимки 41, 42, 43, 44, сказочник Квициния К.; снимки 45, 46, сказитель Квициния Г. и т. д.) и пр.

§ 2. Жесты и ритмическое членение речи

а) Жесты и ритмическое членение речи в пределах однократных записей сказки

Мы посмотрели, какие бывают жесты, видели, как сказочный текст вызывает их появление. Естественно поставить вопрос: а как ведут себя жесты при ритмическом членении речи? Можно предположить, что и в использовании жестов также действуют какие-то закономерности, как и в интонировании текста. Вот что удалось выявить на материале фотографий и фильмирования.

Ритмически организованная речь, за редким исключением, сопровождается *повторяющимися* жестами. Так происходит в формулах пути, например:

Ус ицо/ ус ицо/ ус ицо/ ишнеиуаз акумкуа...

Так шли / так шли / так шли / как шли вдруг...

Каждую повторяющуюся часть формулы (*ус ицо — так шли*) **сказочник** сопровождает жестом, ладонью руки водит ритмически **вверх-вниз** (снимок 47[5], «Сказка о семи братьях, сказочник **Кондж**ария Н. З., Бзыбь, *10.08.77*);

в формулах существования героев:

Мра-лҧа Ахмат / ҳа дыҟан / Мра-лпа Ахмат / был /

Мза-лҧа Ахмат / ҳа дыҟан / Мза-лпа Ахмат / был /

Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахмат ҳа дыҟан / Апсха Гуашьа-лпа Ахмат / был /

Аҧсуа Ахмат / ҳа дыҟан /. Апсуа Ахмат / был /.

Каждая перечисляющаяся часть формулы сопровождается ритмически повторяющимся и в других частях жестом: сказитель поднимает и опускает ладонь ребром (снимок 48, — зафиксирован момент опускания ладони, — сказка «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», Абгархук, сказочник **Колбая** Х. М., *19.08.78*).

Перечисляющиеся части ритмического отрезка могут сопровождаться кивком головы:

Мра-лҧа Ахматгьы / И Мра-лпа Ахмат /

Мза-лҧа Ахматгьы И Мза-лпа Ахмат /

Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахматгьы / И Апсха Гуашьа-лпа Ахмат /

(в сказке из той же записи). Перечисляющиеся части этого отрезка речи сопровождаются ритмическими кивками головы (снимок 49).

Герою предлагается все, что он пожелает:

аҳаху уҭахыума / скот ли хочешь /

ашәаху уҭахыума / ашәаху[6] ли хочешь /

аҧи уҭахыума / то ли хочешь /

---

[5] Демонстрируется по одному снимку в качестве образца.

[6] «Ашәаху» — то же, что и «скот» (с фонетическим изменением части слова).

ари утахыума /	это ли хочешь /
ус амал утахыума !	просто богатство ли хочешь !
иарбанзаалак иутахыу !	любое что хочешь !
акы /	одно /
акы ҳәа !	что-нибудь назови !

Почти каждая перечисляющаяся часть сопровождается взмахом ладони вверх-вниз (снимок 50, «Сказка о женщине, приносящей удачу», сказочник Квачахия Ш., Атара, *17.08.78*).

Герой уходит из дому от сварливой жены. По пути он видит дым, который, как оказалось, вился из какого-то колодца. Сказочник описывает этот колодец:

ана дтаҧшит /	вниз [в колодец] посмотрел /
ахаҳә дәыкуитцеит егьит /	бросил камень и прочее /
анс иҳәеит /	так сказал /
арс иҳәеит /	этак сказал /
уаҳа акгьы имаҳаит /	больше ничего не услышал /
ахаҳә абжьгьы имаҳаит.	и камня звук не услышал.

Описание состоит из нескольких перечисляющихся фраз. Каждая фраза сопровождается взмахом руки (снимок 51, «Сказка о женщине, и великана выжившей из пропасти», сказочник Квачахия Ш., Атара, *17.08.78*).

Герой круто меняется после женитьбы на злой женщине:

ишәарыцарагь ызит /	и охота[7] его пропала /
иуаҩрагь ызит /	и человечность его пропала /
иҵьаранеирагь ызит /	и общение его пропало /
иҵьарааирагь ызит /	и общение[8] его пропало /

И здесь перечисляющиеся фразы сопровождаются сказочником равномерными кивками головы. Обе руки сказочника при этом покоятся на его коленях (снимок 52, в той же сказке из другой записи).

[7] Герой — охотник.

[8] В оригинале слово содержит и указание на направление (туда и сюда).

Царю сообщают, что его дочь, зять и жена окаменели:

узҕабгьы дхаҳәхеит /	и дочь твоя окаменела /
умаҳәгьы дхаҳәхеит /	и зять твой окаменел /
уԥҳәысгьы аатцраҿ дахьыцагылаз дхаҳәхеит /	и жена твоя под навесом стоявшая окаменела /

Повторяющиеся части-сообщения сопровождаются сказителем одним и тем же повторяющимся жестом (снимок 53, «Сказка о царе и его конюхе», сказочник Агрба Г., Атара, *17.08.78*).

Царевич приносит дары своей невесте:

ашьана ааигеит /	кольцо принес /
аматәа ааигеит /	одежду принес /
аԥыҵәа ааигеит /	одежду принес /
ахьыматәа ааигеит /	золотые вещи принес /
аматәа ҕзианы иаагеит /	одежды много принес /.

В такт перечисляющимся фразам сказительница повторяет один и тот же жест (снимок 54, «Сказка о мачехе и падчерице», сказительница Анквааб Б., Атара, *16.08.78*).

Сказочник описывает внешность изнуренного долгим путем героя:

аматәа ха /	одежда его обветшала /
аԥыҵәа ха /	одежда его обветшала /
адрыцҳаха иҳәеит /	жалкий[9] весь говорит /.

При этом сказитель повторяет один и тот же жест: он водит вверх-вниз обеими ладонями параллельно[9] (сказка «О бедняке и его глупой жене», сказочник Колбая Х. М., Абгархук, *19.08.78*).

Объявившему себя «посланником с того света» герою царица дает одежду, деньги, коня для передачи ее покойным отцу, брату и другим родственникам:

даалаган /	Взяла /
ицәа-цәԥыча шабакуз иҟалцеит иҳәеит /	одежду ему всю сделала говорит /

[9] Жесты зафиксированы на бумаге.

убри адагь аматәагь	кроме того одежду [ему] дала говорит /
илтт иҳәеит /	его /
иара /	одела /
деилалҳәт / дкуабаны иҳәеит /	искупав [его] говорит /
деикуршәаны иҳәеит /	снабдив [его] всем говорит /
лхатца иеи-икуадыри	своего мужа коня - седло
еикуршәаны иҳәеит /	приготовив говорит /
аҧара мацымкуа илитаны	денег немало ему отдав гово-
иҳәеит 2 ...	рит /
апҟаҩҳәа длаулыжьын ...	отпустила она [его] ...

При каждой перечисляющейся фразе сказочник ударяет ребром одной ладони об ладонь другой руки (сказка в той же записи)[10]. Просто повторяющиеся выражения, вызванные эмоциями сказителя, тоже могут сопровождаться ритмически повторяющимися жестами: герой ведет сварливую жену к колодцу и показывает ей «клад» на его дне. Повторяя несколько раз выражение *«Ани ббоу?» — «Видишь это?»*, сказитель как бы указывает на мнимый клад (снимок 55, сказка «О женщине, и великана выжившей из пропасти», сказитель Квачахия Ш., Атара, *18.01.81 г.*). В этой же записи сказочник сопровождает крик героя, повторяющийся многократно, повторяющимся столько же раз жестом (снимок 56).

Таким образом, мы видим, что ритмическому членению речи сопутствуют ритмически повторяющиеся жесты. При этом жесты, сопутствующие одному ритмическому «кусочку», одинаковы, в то время, как жесты, сопутствующие разным ритмическим «кускам», могут быть и одинаковыми, и однородными.

б) Жесты и ритмическое членение речи во времени

Для того, чтобы понять, присуща ли жестикуляции сохраняемость, посмотрим прежде всего те же примеры, которые уже приводились в разновременных записях. Цель такого анализа — выяснить степень сохраняемости принципов пользования жестами во времени.

Начнем с начальной формулы из сказки «Мра-лпа Ахмат...» (сказитель Колбая Х. М., Абгархук), записанной пять раз в разное время. В трех записях формула повторяется дословно:

[10] Фиксация жестов на бумаге.

Мра-лҧа Аҳмат / ҳа дыҟан /	Мра-лпа Ахмат / был /
Мза-лҧа Аҳмат / ҳа дыҟан /	Мза-лпа Ахмат / был /
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Аҳмат / ҳа дыҟан /	Апсха Гуашьа-лпа Ахмат / был /
Аҧсуа Аҳмат / ҳа дыҟан /	Апсуа Ахмат / был /

Так звучит формула в записях от *20.08.77* (1), *14.08.78* (2), *19.08.78* (3) и *30.11.80* (4). При повторной записи сказки *14.08.78* (спустя один час после первой ее записи в тот же день) сказочник предпочел сообщить сначала о существовании главного героя, опустив других. В первой записи сказочник сопровождает формулу повторяющимися с каждой ее частью взмахами руки вверх-вниз (фиксация на бумаге). Вторая запись: сказочник сидит за столом, а потому ограничен в своих движениях. Этим, видно, объясняется то, что перечисляющиеся части формулы сопровождаются равномерными кивками головой (фиксация жестов на бумаге). О жестах при произнесении формулы в записи, сделанной *19.08.78*, уже говорилось (снимок 48). Ритмическими кивками головой сопровождаются перечисляющиеся части формулы и в записи, сделанной *30.11.80 г.* (снимок 57).

Из записи этой же сказки, сделанной *19.08.78*, мы рассматривали другой ритмический отрезок, в котором перечисляющиеся имена героев сопровождались сказочником равномерными кивками головой (снимок 49). В записях от *20.08.77* и *14.08.78* (первой из двух записей, сделанных за этот день) фразы сопровождаются равномерными взмахами вверх-вниз рукой с расправленной ладонью (первая запись) и такими же взмахами, но уже с согнутыми пальцами (запись вторая). Во второй записи от *14.08.78* жесты вовсе отсутствуют: одна рука сказителя покоится на колене, в другой он держит сигарету.

Следующий ритмический отрезок из «Сказки о женщине, приносящей удачу» (сказитель Квачахия Ш., Атара) в первой записи (27.08.77) отсутствует. Во второй записи[11] он звучит так:

иарбан иутахыу /	что хочешь /
ани оума /	то ли /
ари оума /	это ли /
араху роума /	скот ли /
ашэаху роума /	скот / ли
ишабакуу / ...	все / ...

[11] Вторая и третья записи сделаны в один и тот же день — 17.08.78.

Фразы и здесь произносятся с однотипно-перечислительной интонацией, они сопровождаются такими же равномерными одинаковыми жестами, что и в той записи, из которой подобный ритмический «кусок» мы уже рассматривали, т. е. движениями рукой вверх-вниз (снимок 50).

Из записи «Сказки о женщине, и великана выжившей из пропасти» мы смотрели жесты, сопутствующие ритмическому отрезку (запись *17.08.78*, сказитель Квачахия Ш., Атара, снимок 51). В повторной записи той же сказки от того же сказителя, сделанной в тот же день, этот ритмический отрезок более короткий и звучит так:

ахаҳэ дэыкуитцан ашьтыбжь имаҳаит /

камень бросил звука его не услышал /

еак дэыкуитцан ашьтыбжь имаҳаит /

другое бросил звука его не услышал /

Эти фразы сопровождаются взмахами руки вверх-вниз (снимок 58).

Ритмическое описание той же сказочной ситуации в записи *30.08.77*:

Дтаҧшит /
Посмотрел [вниз, в колодец] /

Деитатаҧшит /
опять посмотрел /

алоатцэ феиуеит /
дым вьется [снизу, со дна] /

аҳаҳэ иршэын /
камень кинул /

абжьы имаҳаит /
звука его не услышал /

анс иҳэан / егьыҟам /
так сказал / — ничего [нет] /

ас иҳэан / егьыҟам /
этак сказал / — ничего [нет] /

Фразы сопровождаются равномерными взмахами левой рукой вверх-вниз (фиксация жестов на бумаге).

Та же ситуация в записи сказки, сделанной *18.01.81 г.* от того же сказителя, описывается сходно, и описание сопровождается ритмическими жестами (снимок 59).

В той же сказке в записи от *17.08.78* мы видели, как ритмически членящаяся «характеристика», данная охотнику, сопровождается равномерными кивками головой (снимок 52). В записи, предшествующей ей, сделанной в тот же день от того же сказителя, герою дается аналогичная «характеристика»:

ишәарыцарагьы акум / ни его тебе охота /

иара ихзыргарагь акум / ни его тебе гордость /

ичеицьыкагь акум / ни его тебе хлеб-соль /

и фразы сопровождаются равномерными взмахами левой рукой (снимок 60). В записи же от *30.08.77* та же ритмическая характеристика:

ишәарыцарагь бжьацәеит / и охота его пропала[12] /

иуафрагьы бжьацәеит / и человечность его пропала /

сопровождается неяркими равномерными взмахами обеих рук вверх-вниз (фиксация жестов на бумаге). Та же ритмическая «характеристика» в повторных записях, сделанных от того же сказителя *18.01.81 г.* с интервалом в один час, сопровождаются такими жестами (в первой записи — снимок 61, во второй записи — снимок 62).

Ритмический отрезок из «Сказки о царе и конюхе» (запись *17.08.78*, сказочник Агрба Г., Атара) в других записях отсутствует.

Ритмическое описание сказочной ситуации из «Сказки о мачехе и падчерице» (запись от *16.08.78*)[13]:

ахьыматәа ааигеит / золотые вещи принес /

агьи ааигеит / другое принес /

дара аматәа бубуа ааигеит / очень много одежды принес /

сказительница сопровождает взмахами ладони, опираясь при этом локтем на другую руку, согнутую в горизонтальном положении (снимок 63). В более ранних записях:

ахьыматәа рыман иааит / с золотыми вещами пришли /

аматәа рыман ааит / с одеждой пришли /

при этом сказительница слегка покачивает в такт ритму повествования (запись от *27.08,78*);

в записи того же дня:

ахьыматәа ааигеит / золотые вещи принес /

[12] Букв. «заснула».

[13] См. жесты на снимке 54, сопровождавшие тот же кусочек из записи предшествующей этой.

егьи ааигеит /	другое принесли /
аматәа бзиа лзааргеит /	одежду хорошую ей принесли /

сказительница сидит за столом, правая рука ее на столе, пальцы двигаются в такт ритму повествования (снимок 64).

Посмотрим описание внешности изнуренного долгим путем героя в более ранних записях сказки «О бедняке и его глупой жене» (сказочник Колбая Х. М.).

В записи от *20.08.77:*

Иы-матәа хеит /	О-дежда его обветшала /
Иҩытәа хеит /	Иҩытәа его обветшала /
дааҙабха дҟалеит /	несчастным[14] стал /
дшәынкыдтцаха иҳәеит /	обнищавшим[15] говорит /

и в записи от *19.08.78* (сделанной за час до ранее рассмотренной записи):

Иматәа хеит /	Одежда его обветшала /
иҩытәа хеит /	иҩытәа его обветшала /
дрыцҳаха дҟалан иҳәеит /	жалким став говорит /

жесты такие же, как и в рассмотренной ранее записи: сказитель равномерно водит вверх-вниз обеими ладонями параллельно[16].

И, наконец, в той же сказке в записи от *20.08.77* при описании момента, когда царица снабжает героя «дарами» для своих покойных родственников:

Акриҷалтцт /	Накормила [его]
деилалҳәт /	одела [его]
аҳ иеиԥш деибылтт иҳәеит /	как царя одела говорит /
куым-жәуп /	чер-кеска /
кабоуп иҳәеит /	бешмет говорит /

---

[14] В значении «горемычный».
[15] Букв. «закрыл двери своего дома», фраз.
[16] Фиксация жестов на бумаге.

анцәа илҧыхьаиршааз /	чем бог послал говорит /
аматәа /	одежду /
лыҧсцәа рыматәа /	одежду (для) се покойных /
шабакуыз илҭт иҳәеит /	полностью ему дала говорит /
аеы иҩакуҵан /	взвалив это на коня /
деилаҳәаны дыҩеыжәылҵан иҳәеит ...	одев [его] посадив на коня говорит ...

большинство фраз сопровождается взмахами рукой (фиксация жестов на бумаге).

В записи от *19.08.78:*

Даалаган /	Взяла /
азы иҵылхын егьин иҳәеит /	искупала [его] и прочее говорит /
дылкуабеит - дылшьшьит иҳәеит 1	искупала говорит 1
иматәа - иҩытәа иҳәеит 1	одеждой говорит 1
деикуршәаны дҿыцны /	его снабдив заново /
деилаҳәаны дныкалҵт иҳәеит 4	одела [его] говорит 4
Ани лхаца иеи - икуадыри	Те своего мужа коня и седло
ааикулыршәан иҳәеит 1	приготовив говорит 1
иазышьтых'уаз /	сколько он [конь] мог поднять /
аматәа /	одежду /
аҧара /	деньги /
наитан иҳәеит ...	отдав [ему] говорит ...

Первые три-четыре фразы сопровождаются, как и в записи того же дня, ударами ребром ладони правой руки об ладонь другой, остальные фразы — равномерными взмахами правой руки (фиксация жестов на бумаге).

Формулы времени, «закрепленные» за одним и тем же моментом в сказке и повторяющиеся в разновременных записях, также почти всегда сопровождаются равномерными однородными жестами.

Возьмем формулу *времени* из разновременных записей «Сказки о женщине, и великана выжившей из пропасти» (сказочник Квачахия Ш., Атара).

Из записи, сделанной *30.08.77* (герой несколько дней подряд кричит, чтобы запугать великана):

Ари мышкы цит /	Так день прошел /
ари ҩымш цит /	так два дня прошло /
ари хымш цит /	так три дня прошло /
ари ԥшьымш цит /	так четыре дня прошло /
ари мчыбжьык цит /	так неделя прошла /

фразы сопровождаются неяркими взмахами ладонями обеих рук параллельно (фиксация жестов на бумаге);

из записи, сделанной *17.08.78:*

ари иахьа дыҳэхэоит /	этот сегодня [днем] кричит /
ари уаха дыҳэхэоит /	этот сегодня [ночью] кричит /
ари мышкы акумхеит /	так не один день /
ари ҩымш ракумхеит /	так не два дня /
ари хымш ракумхеит /	так не три дня /

фразы сопровождаются равномерными взмахами левой руки (снимок 65).

Подобных примеров, когда ритмические отрезки в тех записях, в которых они повторяются, в подавляющем большинстве случаев сопровождаются одинаковыми, равномерно повторяющимися жестами, можно привести много. Там, где жесты не одинаковы, они однородны.

Таким образом, мы видим, что ритмическое членение речи в сказке, достигающееся однотипно-перечислительной интонацией, сопровождается повторяющимися одинаковыми или однородными жестами. И это явление стабильно во времени.

а) Жесты и повтор в пределах однократных записей сказки

Анализ интонирования стереотипических повторов показал сохраняемость определенной системы интонаций в пределах одного текста и во времени. Мы видели, что части (эпизоды) повтора одинаковы или сходны не только в своей словесной ткани, но и в интонационном «оформлении», и этот принцип, основанный прежде всего на памяти сказителя, действует и во времени. Соответствие и связь между интонированием ритмических отрезков и жестикуляцией, сопутствующей им, позволяет поставить вопрос: существует ли аналогичная связь между интонированием повтора и жестикуляцией? Посмотрим для этого повторы в пределах одного текста.

Возьмем повтор из сказки «Мра-лпа Ахмат...» в записи от *19.08.78* (сказитель Колбая Х. М., Абгархук):

Мра-лԥа Аҳмат /
ус иҳәеит иҳәеит /
— Амшын са исырԥхоит /
ҳа иҳәеит иҳәеит /

Мра-лпа Ахмат /
так говорит говорит /
— Море я обогрею /
так говорит говорит /

Мза-лԥа Аҳмат /
ус иҳәеит иҳәеит /
— Сара исырлашоит /
ҳа иҳәеит иҳәеит /
итоу зегь убуа ҳа /
иҳәеит иҳәеит /

Мза-лпа Ахмат /
так говорит говорит /
— Я [море] освещу /
так говорит говорит /
чтоб все находящееся в нем
было видно /
так говорит говорит /

Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Ахмат /
ус иҳәеит /
— Ус шәа ианыҟашәԥа /
сара амшын сылҭалан /
итоу шабакуу зегь /

Апсха Гуашьа-лпа Ахмат /
так говорит /
— Если так вы сделаете /
я спущусь в море /
все находящееся в нем живое

ҧсы зхоу зегь кны исырҟьоит	все поймав разрублю
иаҳәа зыҕроу иаҕрысхуеит /	меч его [в ком есть] вытащу /
ҳа иҳәеит иҳәеит.	так говорит говорит /

В начале повтора при словах *«Мра-лпа Ахмат / так говорит говорит»* сказочник принимает позу, изображенную на снимке 67 (до этого он сидел, опершись ладонями рук об стул: снимок 66), далее слова героя он сопровождает жестом, изображенным на снимке 68 — первая часть повтора. Вторая часть повтора: сказитель садится, наклонясь вперед, опершись локтем правой руки об колено, и, называя имя второго героя, делает жест, изображенный на снимке 69, при передаче прямой речи он выпрямляется и сопровождает эту речь другим жестом (снимок 70). Началу третьей части повтора сопутствует жест, зафиксированный на снимке 71, первой фразе прямой речи — движение другой руки (снимок 72). Слово *«разрублю»* сопровождается ярким характерным жестом (снимок 73).

Общее впечатление: снимок 66 — отправная (начальная) поза; первая часть повтора — снимок 67 — своего рода «прислушивание» к тексту, 58 — характерный жест, указывающий одновременно на море и на действие (о котором герой пока только говорит); вторая часть — снимок 59, характерный жест, «указывающий» на называемого героя, снимок 70 — «указывающий» на действие, изменение позы — своеобразный «внешний» переход от части к части (от первой ко второй); третья часть — снимок 71 — сказитель глядит вперед, жест — более «перечислительный», чем указательный (речь идет о третьем герое и о третьем действии), снимок 72 — сказитель как бы указывает на уже обогретое и освещенное море, снимок 73 — характерный жест, указывающий на действие героя (как он разрубает рыбу, проглотившую меч героя). Таким образом, указательные, характерные (в данном случае они однородны) в каждом единичном случае жесты, сопутствуя в целом всему повтору, принимают оттенок перечислительности в такт однотипно-перечислительной интонации, расчленяющей повтор на три последовательные и взаимосвязанные части.

Другой повтор из сказки той же записи:

Мра-лҧа / ирлашеит... / ирҧхеит	Мра-лпа / осветил... / обогрел /
Мза-лҧа / ирлашеит /	Мза-лпа / осветил /
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа /	Апсха Гуашьа-лпа /
иаҳәа лтыхны амшын дылталан...	свою саблю обнажив и войдя в море...

Каждая повторяющаяся часть повтора сопровождается взмахом руки вверх-вниз, ладонь выпрямлена, при одном взмахе сжата в кулак, четвертой части сопутствует большее число взмахов (снимки 74, 75, 76, 77).

Повтор из сказки «Услуживший покойнику» (запись от *24.08.77*, сказитель Колбая Х. М.):

отец отправляет своих трех сыновей, отдав им денег поровну, «мир увидеть», друзей приобрести. Отправляя их, он поочередно обращается к ним с такими словами:

Реиҳабы ус еиҳәеит иҳәеит /	Старшему из них [сыновей] так
— Уца / ҳа иҳәеит иҳәеит !	сказал говорит /
	— Иди - так говорит говорит !
Унықуа / ҳа иҳәеит иҳәеит !	Походи - так говорит говорит !
Унықуа /	Походи !
Ауаа бы !	Людей посмотри !
ауацәа ҟаҵы !	друзей обрети !
акулацәа рҳа !	сверстников найди !
уныкуа 3	походи 3
егьи /	и прочее /
акрыф !	поешь !
акрыжә !	попей !
акы уамеигзан /	ничего не жалей /
уеырбубуа !	будь твердым !
уанаауа абри аҧара нумхкуан	Когда будешь возвращаться
иҧхастамтәкуан исзаага /	эти деньги целыми, неиспорчен-
ҳа иҳәеит иҳәеит !	ными, возврати мне — /
	так говорит говорит !
Лгьы агубжьаныгәгьы ус ддәы-	Другого среднего брата тоже
куитцеит иҳәеит /	так отправил говорит /
— Уара !	— Ты !

уст /

уаргьы усиқушәоуп 1

хушә маат аҧара ума уцоит 1

уныкуа /

ауаа 1

ауацәа рҳа /

акулацәа рҳа /

ауаа акрыҷеаца /

ауаа акырдыржә /

аа /

ууафха /

угьежьны уанаауа /

абри аҧара иустаз нумхкуан

исзаага иҧхастаумтәын ҳа

исиҳәеит.

Аитбагьы ус еиҳәеит иҳәеит

— Уаргьы дад ауаа рҳа 1

ауацәа ҟаца /

акулацәа ҟаца 1

угьежьны уанаауа /

абри аҧара нумхкуан

иҧхастамтәкуан

исзаага — /

ҳа ус еиҳәеит иҳәеит.

возьми /

и ты готов I

пятьсот маат возьмешь и пой-

дешь /

походи /

людей I

друзей обрети /

сверстников обрети /

людей накорми /

людей напои /

аа /

стань человеком /

когда будешь обратно возвра-

щаться /

эти деньги целыми, неиспорчен-

ными, возврати мне, так ему

сказал.

И младшему так сказал го-

ворит /

— И ты, дад, людей обрети I

друзей обрети /

сверстников обрети I

когда обратно будешь возвра-

щаться

эти деньги целыми, неиспор-

ченными, возврати мне — /

так ему сказал говорит.

Начальная поза: сказитель сидит, сплетя воедино пальцы рук (снимок 78). Первая часть повтора сопровождается одинаковыми движениями обеих рук (снимок 79). При словах *«ты будешь возвращаться»* сказитель делает взмах левой рукой, указательный жест (снимок 80). Вторая часть также сопровождается подобными движениями левой руки (снимок 81). Слова *«когда будешь возвращаться»* сопровождаются таким же характерным жестом, означающим возврат денег (снимок 82). Третьей части сопутствуют разные жесты: левой рукой (снимок 83), словам *«будешь возвращаться»* сопутствует движение обеими руками, указательный жест пальцем вверх (снимок 84). Лексический состав этого же повтора в записи, сделанной *30.11.80 г.* от того же сказителя, очень прост:

Уаргьы уца уныкуа /	И ты иди походи /
Уаргьы уца уныкуа /	И ты иди походи /
Уаргьы уца уныкуа /	И ты иди походи /

так обращается царь к своим сыновьям, и каждую часть сказитель сопровождает жестом (снимок 85).

Повтор, части которого имеют сложный состав, сопровождается не всегда одинаковыми жестами, т. е. одинаковые равномерные жесты (в такт однотипно-перечислительной интонации) совмещаются с характерными жестами. Характерные и указательные жесты обычно сопровождают часть повтора, «оформленную» обычной интонацией.

Посмотрим другой повтор из той же записи:

— Абри амрағыларахь ицуа /	— По этой ведущей на восток /
амҩа ианылаз дзыгьежьуам	дороге отправившийся не смо-
дтахоит /	жет вернуться, погибнет / —
ҳа иҳәеит иҳәеит 1	так говорит говорит 1
— Абри амраташәарахь ицуогьы /	— По этой на запад ведущей тоже /
дзыгьежьуам	отправившийся не сможет вер-
дтах'уоит / —	нуться, погибнет / —
ҳа иҳәеит	
иҳәеит 1	так говорит говорит 1

— Абри агуҭатəи инашан ицуа I	— По этой средней прямо ведущей I
абри уаныланы	по этой отправляйся и нди 2
уца 2	туда отправившемуся ничего
убра ицаз	не будет вернется /
егьихьуам дааyеит /	
угьежьыр ҟалап уааyеит / — ҳа ус	вернешься и ты наверно возвратишься / —
еиҳəеит иҳəеит.	так он ему сказал говорит.

Части же такого повтора, имеющего более простое и ясное строение, «оформляющиеся» четкой однотипно-перечислительной интонацией, сопровождаются одинаковыми равномерными жестами с ярко выраженной перечислительностью. При этом жесты, сопровождающие ту или иную часть, могут по «форме» (внешне) различаться, а каждая часть повтора сопровождается одинаковыми жестами. То есть данный повтор сопровождается такими жестами:

1-я часть: взмахи правой рукой вверх-вниз (снимок 86);
2-я часть: взмахи правой рукой вверх-вниз (снимок 87);
3-я часть: взмахи левой рукой чуть горизонтальнее (снимок 88).

Повтор из сказки «Словом вскипятивший котел (воды)» (запись *19.08.78,* сказитель Колбая Х. М., с. Абгархук).

1-й эпизод:

снимки

Дышҧшуаз /		Как глядел /
иаҧхьа /	(89)	впереди него /
азы ыҟан /	(90)	река была /
азы / зык ыҟан /		река / одна река была /
азаҷы иҳəеит /		в реке говорит /
ҧсаатə шкуакуак /	(91)	птица одна белая /
шкуакуаза иааит иҳəеит /		вся белая прилетела говорит I

аҩни аҳы аҽылтнашьын (92)
аҽанаатнашь ихәеит 1
(ишкуакуаза оума еикуацәаза иаануан) 1
азы аҽанаатнашь ихәеит 1 (93)
ишкуакуаза иҩатцны ицеит
ихәеит 2

в ту реку кинувшись и в ней окунувшись говорит I
(не белой, а черной она была) I
в воду окунувшись говорит I
белой-белой вылетела и улетела говорит 2

2-й эпизод:

снимки

Иабихуа ари 1
амни аа ишкуакуаза ицеит
ианаауаз
еикуатәан 1
ищьаҟалеи" ха ихәан 1 (94)
длеин ихәеит 1
иара азы иҽылтишьзар
ихәеит 1
дызбабха даақалт ихәеит 1
Дыңхәызбаха данаақала (95)
Ицаитцуои ихәеит 3
иҽылеихан дышцуаз ихәеит 1
аҳак ихәеит 2
иашта дтанагалт ихәеит 1
Дынлыхуаңшын азбаб (96)
ссиры лоуп
ихәеит 1

"Иабихуа она I
она аа вся белой [став]
улетела когда сюда летела
была черной I
как это случалось" так подумав I пришел говорит I
когда он в реку окунулся
говорит I
девушкой стал говорит I
Девушкой став что он будет
делать говорит 3
отправившись шел говорит I
к одному царю говорит 2
во двор попал говорит I
Глянул он на нее говорит
девушка очаровательна говорит I

уа иҳәеит

аматцуцәа рыман

азбабцәа иҳәеит 1

дырбан "абас збабк дааит"

рҳәан "арахь даажәг" ҳа

рҳәан днарган иҳәеит 2

илызцаан /

(изызцаауада

дахьыҟоу лыздыруам дзбабуп

днеин иҳәеит) 1

ашьтахь 1 ани азбаб 1

аҳ иҧа диртт 1

Аҳ иҧа дышимаз убра (97)

хыҧацәа лоут 3

лыҵкунцәа уаахеит 1 (98)

илаазеит 1

там говорит слуг имели девушек говорит 1

увидели "вот так одна девушка пришла" сказали

"сюда ее приведите" так

сказал и привели ее говорит 2

спросили ее /

(но что спрашивать она не знает куда пришла она девушка

пришла говорит) 1

Потом 1

ту девушку 1

царевичу отдали [в жены]

Находясь у царевича там троих

сыновей родила 3

сыновья ее стали людьми [выросли] 1

она их вырастила 1

3-й эпизод:
снимки

Ус ишыҟаз 1 (39)

адырҧагь ани /

(ажәытә / дшыҟаз атәы (33)

имхуцгушьози) 1

игуалашәт 1

Афаҟьаҳәа иҿааиҳан 2

ани азы аҿы дааихт 2

Азы аҿы дааин (99)

Как-то 1

опять ту /

(про то как раньше был он

ведь думал бедный) 1

вспомнил 1

Мигом отправился 2

к той реке опять пришел 2

К реке придя опять в реку

окунулся /

адырҩагь азы дҭалт /	**В воду окунувшись I**
Азы данҭала 1 (100)	стал кобылицей 2
дыҽанхт 2 (35)	Когда стал кобылицей та ко-
Дҽанха данықала ани аҽан	былица говорит I
иҳәеит 1	по полю пошла бродить I
адәы иқухо иныкулт /	Бродила говорит I
Ишықуз иҳәеит /	к царским коням попала гово-
аҳ иҽқуа ирыланагалт иҳә-	рит I
еит 1	Там [находясь] родила гово-
Уа иахылҵт иҳәеит 1	рит I
хх-х-лашак 1 (101)	трех жеребят I
аҽқуа ахылҵт иҳәеит 1 (102)	коней родила говорит I
Ани аҵкунҵәа илхылҵызгьы (103)	**Те молодцы ею рожденные то-**
уаахыит 1	**же людьми стали [выросли] I**
аҽқуа илхылҵызгьы ехыит 1 (104)	**кони рожденные ею тоже вы-**
	росли в коней I
иркын ирбжьеит /	**их поймав объездили /**
аҵкунҵәа	**сыновья**
рыкутәоуп	**на них ездят**
иҳәеит 1	**говорит I**

4-й эпизод:

снимки

Ишықаз иҳәеит 1 (105)	Как-то говорит I
ишааиуаз иҳәеит 1 (106)	раз говорит I
адырҩагь иҳәеит 1	опять говорит I
ани аҽан иагуалашәахт (107)	та кобылица опять вспомнила

иҳәеит /	говорит /
ани азы дахьҭалоз иҳәеит 1	ту реку в которой купалась
апҟаҳҳәа	говорит I
аҿаанахан иҳәеит 1 аҿы ааин	Мигом отправилась говорит I
азы ианылҭала иҳәеит 1 (30)	кобылица придя в реку, когда
ианыҳтыҵуаз	окунулась говорит I
иҳәеит 1 (108)	когда выходила говорит I
анкьа данышәарыцоз (109)	как и раньше, когда охотился
дышуаҳыз (110)	человеком стал говорит 3
еиҧш даақалт иҳәеит 3	

1-й эпизод: *характерные жесты* — жесты, указывающие на предметы сказки (воду, птицу), жесты, связанные с динамикой сказки, — переплетаются таким образом, что они принимают оттенок перечислительности;

2-й эпизод: сказочник применяет *жесты, связанные с предметами сказки* (указывающие на воду, на путь, на царский двор), носящие перечислительный характер (в двух последних фразах эпизода);

3-й эпизод: характерные жесты сменяются обычной позой; перечисляющиеся фразы сопровождаются одинаковыми равномерными жестами;

4-й эпизод: фразы «диктуют» равномерное повторение жестов, делаются указательные и другие жесты, в конце повтора сказитель принимает обычную позу.

Таким образом, перечисляющиеся фразы сопровождаются повторяющимися равномерными жестами, вместе с тем те или иные места в повторах сопровождаются соответствующими жестами.

Описания ситуаций до и после собственно повтора, замыкающие его в некую художественную систему, переданы сказочником ритмически и сопровождаются одинаковыми жестами:

до повтора:

икуацгьы ныкуитеит 1 (111)	и мясо свое положил [на бревно] I
ишәажь нкыдиргылт / (112)	ружье свое приставил [к бревну] /
илабашьа (34)	посох свой воткнул [в землю] I
лытцарсны 1 (113)	

иҭтынжәга ааитцеитцан аа /	трубку свою зарядил аа /
аихамца ааихьшьны ацәмса	кремнем зажег трут и заложил
амца аркны инахеитцт 2	его в трубку 2

после повтора:

Икуац 1 ԥырхага амазам	Мясо его 1 нетронуто на брев-
ауахуа икууп иҳәеит 1	не лежит говорит 1
ишәаҟь уа икыдгылоуп 1	ружье его там [к бревну] при-
илабышьа уа	ставлено 1
итцагылоуп иҳәеит /	посох его там воткнут [в землю]
иҭтынжәга 1	говорит /
ацәмса шаҧоу амца акны	трубка его 1
иахоуп иҳәеит 1...	горящим трутом заложена го-
иҭтынжәга ааҟуихын иҳәеит 1	ворит 1...
абырԥҳәа иааиҧакны аҭтын	трубку свою взяв говорит 1
дахо иҳәеит 1	дымя покуривая ее говорит 1
икуацгьы дфатцалт /	и мясо свое взвалив (взяв) на плечи /
ишәаҟьгьы ихуда ихшьны	и ружье свое перевесив через
иҳәеит 1	плечо говорит 1
илабышьа ааитцшьуа ифныка	на посох свой опираясь отпра-
даақулан дааит иҳәеит 1	вился и пришел домой гово-
	рит 1[17].

Тот же повтор, переданный сказителем уже от лица самого героя, ввиду, во-первых, его повторения, во-вторых, для придачи речи героя нужной экспрессивности, звучит более ритмически, более организованно, интонация *однотипно-перечислительная* (не

[17] См. жесты, сопутствующие описанию ситуации до повтора (с. 181). Они сопутствуют перечисляющимся фразам и этого кусочка повествования почти в таком же чередовании.

исключающая, однако, и отклонений, вызванных важностью того или иного момента, который необходимо так или иначе выделить голосом). Сообразно с быстрыми сменами передаваемых ситуаций и в такт интонации *жесты* и сами более равномерны, *одинаковы, экспрессивно - «перечислительны»;* иногда они и разные, характерные, но это не меняет общего впечатления, так как в таких случаях они однородны. В записи от *30.11.80 г.* они большей частью сопровождаются ритмическими жестами (снимок 114).

Продемонстрированный материал показывает, что в пределах одной записи повторам сопутствуют жесты в соответствии с интонацией, с которой повторы передаются сказителем: там, где имеет место перечислительная интонация, речи сопутствуют последовательно и равномерно одинаковые жесты. Повторяющиеся жесты могут быть и просто однородными, суть — в их повторении, в том, что текст «диктует» их. Встречаются и текстуально не обусловленные жесты, т. е. механические, но произвольны ли они полностью, и не «диктует» ли их сам текст сказки в какой-то мере — это покажет анализ жестов *во времени.*

б) Жесты и повтор во времени

Посмотрим те же повторы уже в разновременных записях тех же сказок и выясним, сохраняются ли во времени принципы использования жестов.

Проследим за жестами, сопутствующими первому повтору из сказки «Мра-лпа Ахмат...» последовательно во всех имеющихся ее записях.

В записи, сделанной *21.08.77*[18]: почти каждая фраза сопровождается взмахом руки вверх-вниз (фиксация жестов на бумаге);

в записи *14.08.78:* жесты почти полностью отсутствуют, сказитель сидит, своеобразно сплетя пальцы обеих рук;

в другой записи, сделанной в тот же день *14.08.78:* повтор сопровождается кивками головы и, несколько раз, то одной рукой, то другой, водит вертикально вверх-вниз;

в записи *19.08.78* жесты мы уже смотрели (снимки 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73).

Общее впечатление: жесты однородны, а часто и одинаковы; чем ярче перечислительная интонация, тем жесты ближе «по форме» друг к другу, т. е. одинаковы.

Второй повтор из той же сказки.

В записи от *20.08.77*[19]: взмахи рукой сопутствуют каждой части повтора;

в первой записи от *14.08.78*: жесты отсутствуют почти полностью, сказитель сидит, сплетя пальцы воедино;

---

[18] Записи повторов не приводятся ввиду почти дословного их повторения, а одна из них нами уже приводилась (см. с. 172—173).

[19] Один из повторов см. на с. 173.

во второй записи от *14.08.78*: кивки головой в такт перечисляющимся фразам (и частям);

в записи от *19.08.78* мы уже видели (снимки 74, 75, 76, 77), — взмахи рукой вертикально вверх-вниз.

В рассматриваемом повторе жесты во всех записях однородны, большей частью — с перечислительным значением, т. е. они ритмически повторяются в такт перечислительной интонации.

Сказка, из которой взяты третий и четвертый повторы, повторно не записывалась.

Пятый повтор из сказки «Словом вскипятивший котел (воды)» почти во всех записях также ритмичен. Жесты соответственно «перечислительные», больше одинаковые, чем однородные[20].

Мы видим, что общие принципы пользования жестами при стереотипических повторах сохраняются и во времени. То есть, сходному интонационному «оформлению» сопутствуют сходные жесты, с одной стороны, с другой же — своеобразие и специфика переплетения различных жестов, сопутствующих эпизодам одного повтора, повторяют себя и в разновременных записях текста сказки. Интересно, что и текстуально не обусловленные жесты нельзя назвать полностью свободными: их в какой-то мере может «диктовать» сам текст, но они также зависимы от эмоционального настроя и индивидуальности исполнителя сказки.

Проведенный анализ подтверждает сказанное в начале о том, что определенная сказочная ситуация «диктует» определенную интонацию и соответствующую мимику и жестикуляцию; однотипно-перечислительной интонации, придающей ритмичность сказочной речи, сопутствует определенный тип ритмически повторяющихся жестов, и это сохраняется во времени; сложной, смешанной интонации, оформляющей стереотипические повторы, соответствует определенный комплекс своеобразно переплетающихся жестов, что справедливо и для повторов из разновременных записей сказки.

---

[20] Мы рассматривали жесты и мимику в исполнении сказки опытными сказочниками, в момент «нормального» повествования. Конечно, не все сказочники одинаковы в своем умении исполнять сказку, и это рождает другие, полярно противоположные результаты при наблюдении жестов. Укажем несколько моментов из них:

1. Скованность (вызванная и непривычностью обстановки, и малым исполнительским опытом) вызывает относительную бедность текста, однообразие, монотонность (противоположную ритмичности, «отработанности» текста исполняемой сказки) в интонации и почти полное отсутствие характерных жестов (в качестве примера возьмем исполнение сказки «О мачехе и падчерице» сказительницей Квициния Лиму, снимок 115).

2. Жесты могут отсутствовать полностью в зависимости от внутреннего настроя исполнителя (например: «Сказка о попе, которому не следует доверять», сказитель Квициния Гудж, снимок 116).

Но, так как предметом наших наблюдений были сказки в их исполнении мастерами устной сказки, мы «отвлекаемся» от указанных и им подобных примеров.

Таким образом, можно проследить такую цепочку закономерностей: 1) одно и то же действие, повторяющееся несколько раз (т. е. событийная повторяемость), получает одинаковое, или сходное, словесное оформление; 2) стабильность лексического запаса (словесного оформления), основанная на памяти исполнителя, сопровождается одинаковым или сходным его интонированием; 3) определенному типу интонирования сопутствует соответствующая определенная жестикуляция; 4) все вышесказанное справедливо не только для одного, «разового» текста сказки, но и в отношении разновременных, повторных записей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение устных основ сказочного стиля показывает, что традиционность поэтической речи проявляется на разных уровнях сказочного повествования, реализуется в совокупности выразительных средств, к которым прибегает исполнитель: *словесных, композиционных, интонационных* и др. Соответственно с этим воплощение традиционности является *многоплановым.*

Устные особенности сказочного стиля проявляются прежде всего в формульной стереотипии. Традиционные формулы абхазской волшебной сказки делятся на *три* большие группы: *начальные (вступительные), серединные и конечные (заключительные).* Каждая из этих групп подразделяется на различные *типы и подгруппы* в соответствии с конкретно-содержательной и художественно-поэтической функциями формул. Особенно интересны и многообразны серединные формулы.

Анализ традиционных формул во времени, т. е. с привлечением разновременных записей сказки вместе с имеющимися ее вариантами, от разных дореволюционных исполнителей и от одного и того же современного исполнителя, показал, что формулы абхазской волшебной сказки, несмотря на их относительную подвижность и вариативность, в основном устойчивы по своему составу и сохраняют свою однотипность.

Интересными оказались и результаты интонирования формул. Почти каждому типу формул свойствен свой тип интонации. Выявлены следующие типы интонации: *утвердительно-повествовательная, вопросительно-риторическая, смешанная повествовательно-вопросительная, «отрицательная», динамическая (варьирующая)* и, наконец *однотипно-перечислительная интонация,* придающая формулам *ритмическое звучание.* Причем, типам интонации могут сопутствовать различные оттенки.

Устные особенности стиля проявляются в неменьшей степени *в неформульной стереотипии.* Такая стереотипия обусловливается: 1) сохраняемостью действия при варьировании персонажей; 2) сохраняемостью и действий, и персонажей; 3) варьированием однородных действий. Выяснилось, что сказочник, передавая повторы, руководствуется определенными «правилами», т. е.: 1) он придерживается смыслового принципа повествования; 2) ведет изложение от старших братьев к младшему; 3) единообразно нанизывает три варианта как символ множественности, или различия.

Повествование в повторах ведется на разных *стилевых уровнях (1/ на разговорном, обычном* и 2/ *сказочном, фольклорно-художественном),* не изолированных друг от друга. То, что эти два

уровня повествования не могут существовать каждый в чистом виде, в сказке проявляется двояко: 1) с одной стороны, существует место «стыка» там, где один из них переходит в другой и 2) с другой стороны — разговорно-нефольклорный стилевой уровень может содержать элемент фольклорный, так же как и второй уровень (фольклорно-художественный) всегда существует лишь на фоне первого, опираясь на него, но всегда над ним возвышаясь и из него выделяясь.

Устойчивый характер стиля повествования прослеживается не только в повторах, в пределах одного текста, но и в разновременных записях, т. е. во времени. При сравнительном анализе повторов из разновременных записей обнаруживается близость и на таком уровне, который ненаблюдаем при анализе повтора в пределах лишь одного текста, т. е. и в таких отрезках речи, которые мы назвали тождественными разговорной. Это означает, что в рамках сказочного повествования и самая простая речь уже не свободна, а подчинена в той или иной мере общей сказочной повествовательной традиции. Анализ повторов во времени позволяет сделать такой вывод: *типизированные повторы представляют собой целую систему в сказке и являются ее повествовательной основой.*

Устность сказки не ограничивается словесной стереотипией. Прослушивание специальных звуковых записей позволило выяснить некоторые существенные моменты и закономерности в использовании сказочником *интонационных средств:* а) *интонация в сказке делится на три основных типа:* 1) *интонация, выражающая соотношение сказки с действительностью;* 2) *варьирующая, динамическая* и 3) *однотипно-перечислительная.* Но особенности сказочной интонации не ограничиваются одним таким делением. *Изобразительно-голосовая экспрессия* — одна из важнейших особенностей интонированного стиля сказки. Ей присуща оттеночность, тончайшая и очень завуалированная, делающая ее как бы особым подтечением сказочного повествования. Третий тип сказочной интонации придает повествованию *ритмический* характер. Вспомогательными же средствами при этом служат *паузы, логические ударения, «рефрены». Ритмические «отрезки»* оживляют сказочное повествование, придают ему эмоциональную окрашенность. *Ритмичность* обладает свойством подвижности, т. к. ею могут обладать самые различные «куски» речи (помимо тех, которым свойственна постоянная ритмичность, например, некоторые типы формул и т. д.). Однако ритмичность — не случайное явление, не подчиненное какому-нибудь принципу. Сравнительно-интонационный анализ повторных записей от одного и того же исполнителя показал, что *ритмическое членение сказочной речи подчиняется принципам сохраняемости во времени.* Словесно сходно переданный «кусок» повествования сохраняет свою ритмичность во всех сравниваемых записях одного и того же текста. Корни такой ритмической совпадаемости следует искать в мастерстве сказочника.

Основным же ключом к разгадке такой стабильности ритмичности можно назвать *память исполнителя. Понятие интонационно-ритмической памяти помогает разгадать механизм ритмичности во времени.*

Интонационный анализ сказочного текста показал также, что выделение стереотипического повтора в качестве единицы повествования имеет под собой не только *лексическую* основу, но и *интонационную*. Части повтора оказываются одинаковыми, или сходными, и по интонационному оформлению. Следуя определенным принципам, сказочник использует интонационный арсенал, отталкиваясь от лексического набора, в известной мере всегда постоянного. Таким образом, получается, что сходство частей типизированного повтора не ограничивается сходством одного лексического состава, а дополняется и подкрепляется интонационной совпадаемостью или схожестью. *Повтор* предстает в качестве *интонационного блока, внутри которого части интонационно повторяют друг друга.*

Интонационный анализ повторов на материале *повторных* записей показал *сохраняемость в них определенной системы интонаций во времени.* Сказитель пользуется определенным комплексом интонаций во всех повторных записях одинаково, или сходно. Это дает основание говорить об *интонационно-повествовательной памяти,* обеспечивающей такую стабильность в пользовании интонационными средствами.

В процессе исполнения сказки не менее важна и другая грань повествования — *мимика и жестикуляция сказочника.* Сказочному тексту сопутствуют *текстуально обусловленные и текстуально не обусловленные жесты.* Особо интересны текстуально обусловленные жесты, которые могут быть связаны *с динамикой сказки или с предметами сказки.* Сказочный текст «вызывает» появление и тех, и других. С другой стороны, *ритмической речи сопутствуют ритмически повторяющиеся жесты,* которые в таком случае либо *похожи* (т. е. повторяется один и тот же жест), либо *однородны* (что не меняет общего впечатления, так как суть — *в их повторении*). Наблюдения за «поведением» сказочника в процесс исполнения им сказки при повторных ее воспроизведениях с помощью кино- и фотосъемок позволили выяснить характер *сохраняемости жестов во времени.* Оказалось, что принципы пользования жестами в известной мере *стабильны* и действуют *во времени.* То есть, *ритмическое членение речи в сказке, достигающееся однотипно-перечислительной интонацией, сопровождается одинаковыми или однородными жестами не только в процессе единичного (разового) исполнения сказки, но и при повторном ее воспроизведении.*

Аналогичная связь между интонированием текста и жестикуляцией прослеживается и в повторах. *Повторам сопутствуют жесты в соответствии с интонацией.* Там, где интонация перечислительная, повторам сопутствуют повторяющиеся одинаковые или однородные жесты. Общие принципы пользования жестами при

стереотипических повторах сохраняются и во времени. *Сходному интонационному оформлению* сопутствуют *сходные жесты*, с другой стороны, своеобразие и специфика переплетения различных жестов, сопутствующих эпизодам одного повтора, сохраняются и в разновременных записях текста сказки. Таким образом, *определенная сказочная ситуация «диктует» определенную интонацию и соответствующую последней мимику и жестикуляцию.*

Таким образом, действительно прослеживается такая цепочка взаимообусловленных закономерностей: 1) *одно и то же действие, повторяющееся несколько раз (событийная повторяемость), получает одинаковое, или сходное, словесное оформление (стереотипия повествовательная);* 2) *стабильность лексического запаса, основанная на памяти сказителя, сопровождается одинаковым или сходным его интонированием (интонационно-ритмическая и интонационно-повествовательная память);* 3) *определенному типу интонирования соответствует определенная жестикуляция;* 4) *все сказанное справедливо и в отношении повторных записей волшебных сказок.*

Проделанный анализ многообразных материалов и документов *(словесных, фоно- и видеозаписей)* показывает *взаимное переплетение и единство* этих разнородных факторов и особенности их функционирования.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОБРАЗЦЫ СТЕРЕОТИПИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ В РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ АБХАЗСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

ТАБЛИЦА 1 ПОВТОРЫ[1] ИЗ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЕЙ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ СКАЗКИ[2] («СЛОВОМ (РЕЧЬЮ) ВСКИПЯТИВШИЙ КОТЕЛ (ВОДЫ)»), ЧАСТЬ ИЗ КОТОРЫХ СДЕЛАНА ОТ РАЗНЫХ СКАЗИТЕЛЕЙ, А ЧАСТЬ — ОТ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ СКАЗИТЕЛЯ.

Повтор 1 (из записи, сделанной в 1914 г. Еленой (Надей) Мачаговной Лакоба; Марр, 46)

Эпизод 1 «Дтәаны дыз′ԥшӯаз акәмкәа, **уарбажәқ** аайҳалан, **аз′ы аеылтанажьын ихьщьхд инҭыԥраайт»**

Эпизод 2 **«Ашәарыцеѡ** даара иԥьейшьан ийбаз, йаргьы **иеылтйшьын дыеӯраха дыѡтытцын** дыѡѡӯа аҳ иӯахьад дынрылалт. Урт аекуа дыз′рылаз акәмкәан, ахәмехан аѡныҟа дкарц′т. Ԥытрак аҳ иеқәа дрылан аха ӯмашәа ибӯан абас сыеха сз′ыҟалазей ҳәа».

Эпизод 3 **«Енак иеылейхан, азы иеҭишьын дыԥҳәыз′баха дыѡтытцт.** Дызлаҟаз аӯмашәа ибахын, амѡа дыкәланы дыс′нейӯаз аҳак иԥа даалԥылт. Аҳ иԥа «Бабацо?» ҳәа длазцаайт: «Сара ныҟәара сцойт!» лҳәыт.

«Ди, бхатцкы сцейт, иҟалӯазар ѡызара сбыццӯойт» ҳа длыхәейт. «Ибзиоуп». лҳәан ейцны ицейт, ейцны акыр аамта иныҟәӯан, ашьтахь аҳ иԥа аԥҳәыз′ба дигәаԥхан ԥхәыс′с дигыт. Дыхнейгаз ачара бзйаны ирӯйт».

Эпизод 1 «Сидел и глядел, как вдруг над его головой появился **орел, он бросился в реку и вылетел** оттуда, **превратившись в орла»**.

---

[1] При анализе повторов из разновременных записей соблюдена хронологичность фиксации текстов. По техническим причинам таблицы печатаются не в развернутом виде.

[2] В разных записях сказка названа по-разному, но здесь мы указываем название в соответствии с последней ее фиксацией.

Эпизод 2 «**Охотник** очень удивился увиденному, и сам **окунувшись в воду, вышел, превратившись** в необъезженного **коня**, и заржав слился с царским табуном. Находился среди тех лошадей, вечером его угнали домой. Некоторое время он был среди царских коней, но диву давался, как он мог стать таким».

Эпизод 3 «Однажды **он** отправился и, **окунувшись в реке, вышел, превратившись в девушку.** Опять удивившись тому, кем он стал, шла по дороге, как встретила одного царя. Царевич спросил: «Куда ты идешь?». «Я иду путешествовать», — сказала она. «Ди[3], да буду я жертвой вместо тебя, если можно, и я отправлюсь с тобой как друг», — так попросил он ее. «Хорошо» — сказала она, и они отправились вместе, вместе долгое время ходили, потом девушка понравилась царевичу, и он взял ее в жены. Привел, и сыграли хорошую свадьбу».

Повтор 2 (из записи, сделанной 15 июля 1915 г. Тарнава Михаилом Ивановичем; Марр, 48-51)

Эпизод 1 «Атаҳмада данаба, **алаҳə лыбаан, азы аҿзаашьны ишкəакəаза ихəнаны** аҧь акəцə **иқəтəейт**».

Эпизод 2 «Ани аниба, **атаҳмадагьы днейн азырҩаш иҿзаайшьт**, сыҷкəынхозар здырўада ҳəа. **Иҿынзаайшь атаҳмада дмацўар бзиаха** дкалыйт. Дынмацўарўа дыхраа-з'раауа адəы дыкəн. Аҳ иҧа дибан дс'ышəарыцўаз, **аҩныка дыйгыйт. Ихнейгаз амацўар х-лас'бак** арит».

Эпизод 3 «Аҧацəа **анааза, амацўар** ааны адырҩагь, **азырҩаш аҿзаанашьт. Аҿынзаанашь, иҿан** бзиаха **икалыйт.** Акрыфўа адəы ис'ыкəыз **аҿан** ах **иҧа ибан, аҩныка игейт. Ихнейгаз, х-ҿабак** арит».

Эпизод 4 «**Аҿцыскуа анааза, аҿан азырҩаш аҿзаанашьыхт. Аҿынзаанашь иҧҳəыз'баха икалыйт. Аҧҳəыз'ба** дыхцара лəымдырўа адəы дс'ыкəз, ах **иҧа** дс'ышəарыцўаз **дибан аҩныка дыйгыхт. Дыхнейгаз хыҩҧацəа лоўит».**

Эпизод 5 «Лҧацəа аазаны даан аҧҳəыз'ба аҧь аҿы азы **лыҿзаалшьыхт, лҿынзаалшь** аҧас'а дс'ыкəз ейҧш **дытаҳмадаха дкылыйт;** ус' даныҷала, аҩныка даакəлəн дайт атаҳмада рацха».

---

[3] Уважительное обращение к женщине.

Эпизод 1 «Когда заметил старика, **ворон спустился, окунулся в воду, и, белым став, поднялся и сел** на верхушку дуба».

Эпизод 2 «Когда то увидел, **старик** тоже **пошел и окунулся в реку** в надежде, что, может быть помолодеет. **Окунувшись старик превратился** в хорошую **собаку**. Став собакой, **он** бродил туда-сюда **по полю. Царевич**, охотясь, **увидел ее и привел домой.** Дома **(находясь) собака родила трех щенят».**

Эпизод 3 «**Вырастив щенят, собака** пришла, опять окунулась **в реку. Окунувшись, она** превратилась в хорошую **кобылицу. Кобылица** бродила по полю, кормясь; **царевич увидел ее и привел домой. Дома (находясь) она родила трех жеребят».**

Эпизод 4 «**Вырастив жеребят, кобылица** опять окунулась **в реку. Окунувшись, она превратилась в девушку.** Не зная, куда идти, **девушка** бродила **по полю; царевич**, охотясь, **увидел ее и привел домой. Дома (находясь) она родила трех сыновей».**

Эпизод 5 «**Вырастив сыновей, девушка пришла**, опять **окунулась в воду** у дуба, **окунувшись, она превратилась в старика**, кем и была раньше.

Когда стал таким, бедный старик отправился и пришел домой».

Повтор 3 (из записи, сделанной в 1916 г. в с. Лыхны Гудаутского участка Шакрыл Платоном Семеновичем (Тенгизом Мсоустовичем); Марр 46-48)

Эпизод 1 «**Ҽнак** илаба айцарс'ўа ддәыкәлт. **Дыз'нейўаз з'ҽҩак дынхыкәнгылт.** Акыр аамта дгылан аз'ҽҩа ахыкәан, ашьтахь аз'ҽҩа аҽылтшьра гәаҧхарас йоўт. Инайгз'ейт анцәа иҟнытә агәаҧхара йоўз.

Аз'ҽҩа иҽанылтишь, дтыҧха ҧшз'аха дыҩтытцт. Аҳак шәарыц'ара **дыҟан дз'аауаз**, даалыкәшәан **аҩныҟа дыйгыт.** Аҩны даннейга, дйгәаҧхан ҧхәыс'ыс даааиҳәт, **х-ҩыкгьыаҧацәа лыхшаан** ила[а]зеит изаманаха».

Эпизод 2 «Ҽнак акы дааргәааи **дцаны лыҽзаалшьт аҳ'ҽфа. Дҽеан** бзиа-**ха дыфтытцт.**

Убри аамта йакәшәан, дызмаз **ах [цьара] дыкаи дз'аайуаз** даадгылан, икны **афныка иманы дцеит. Аҽеан** ах иман акыр аамта, **х-еык ахшайт».**

Эпизод 3 «Ҽнак **илейн аз'ефа аҽылзаанашьын, илацх'сха** ицҳәршәшәуа **ифтытцт.** Ах «сҽан ргыт» ҳа **дсыцшаауаз** алацьс аниба, дацхьан **афныка игыт. Х-лабак арит** ах иахынзаймаз».

Эпизод 4 «З'ны ах ицны шәарыцара из'нейуаз, **аз ефа** иа[н]ҳыкәтылан **аҽылтнашьын тахмадаха ифтытцт.**

Дынтаҳмадаха иныкәиршәын, ацьас'атэи итаацәа рҿны днейт».

Эпизод 1 **«Однажды он** отправился (в путь), **опираясь на палку.** Как шел, **пришел** к одному **озеру.** Долгое время он стоял на берегу озера, потом ощутил желание окунуться в озере. Выполнил богом внушенное желание.

Окунувшись, он вышел красивой **девушкой.**

Один царь, возвращаясь с охоты, **встретился с нею и забрал ее домой.** Когда привел домой, она ему понравилась и он взял ее в жены, и **родила она трех сыновей** и превосходно их **воспитала».**

Эпизод 2 **«Однажды,** рассердившись на что-то, **она пошла и окунулась в озеро. Вышла она** хорошей **кобылицей.**

В это время **царь,** который был ее **мужем, возвращаясь** [откуда-то], **набрел на нее,** поймав, **забрал ее домой.**

Кобылица была у царя долго, **она родила трех жеребят».**

Эпизод 3 **«Однажды она пришла и, окунувшись в озеро, вышла собакой,** виляя хвостом. **Царь,** ища свою пропавшую кобылицу, **увидел собаку,** кликнул **ее и забрал домой.** Пока она была у царя, **она родила трех щенят».**

Эпизод 4 «**Однажды** идя с царем на охоту, **она пришла** на берег **озера, окунувшись, вышла стариком.**

Когда стал стариком, он отправился к своей прежней семье».

Повтор 4 (из записи, сделанной автором 20 августа 1977 г. в с. Абгархук Гудаутского района от сказителя Колбая Халита Мсуратовича)

Эпизод 1 «Дышъшуаз еиқуатцәаза иҳәеит (лаҳәоуп ҳәоуп ишидыр) **ъсаатэк ааиуан**, еиқуатцәан иҳәеит, **абни азыхь** аҿылтанажьын иҳәеит панаатабылгьа **ианылтытц ишхуакуаза иааҟалан иҩтытцны** ицеит иҳәеит».

Эпизод 2 «Израби, абри шъаҟалси, абри иҟанатцэ саргьы избапи» иҳәан днеин икуацгьы абас қдык ахаҿы инықуитцеит, ишәақьгьы нкыдиргылт, иттынжәга иҿакын атрубка, аттынжәга азна ататын катцаны ацәмса амца аркны инахатцаны иаанҿакны днаханы икын иҳәеит. Икуацгьы нықуитцеит, ишәақьгьы нкыдиргылан, иттынжәгагьы акды ахаҿы инықуцаны иҳәеит, дҩагылан **абни азаҿы днеин** иҿааилыхны **азы дылтала иҳәеит**, азы иҿанаатишь иҳәеит **уаха** зтахымыз **зъаб** бзиахан **даатытцт иҳәеит. Данзъабха дабацоз... ахак ихьча** диқушәт ... аҧхәыс матәа ааиган илышәцаны дабацоз, ана днаргт. Днарган ианлыхуаҧш, мрада-мзада дыҧхот азъаб, уа даарыдыркылт. Ус даарыдыркыланы дышрымаз акумкуан, абри аҳ иҧа дыҟан. Аҳ иҧа изы дныркылт, дяргт. **Хҩык аҧацәа лхылтцын илааҳеит, иуаахеит**, иеыжәлараташа егьираташа иҟалеит».

Эпизод 3 «Ишаайуаз енак ани **азъаб** ус илгуалашәеит (иааиусит умбо лхы) анкьа аамтала дышхатцаз, дшышәарыцоз **азы** иҿахьтиццыз игуалашәт, илгуалашәт азъаб. Апҟаҩхәа илықулыршәын **азаҿы дцеит**. Азаҿы **днеин** лҿааилыхны **азы данылтала** дҿеанха **даақухт**. (Лызъабра цеит, деанхт). Ас ах **иуахьад** ангуарцт ари **аҿеан уа ирықушәт. Уа ишрылаз х-еабаҿцыск ахылтцын, урт рбжьеит**. Ани илхылтцыз аекуа ирықутәаны ирбжьо иҟалеит».

Эпизод 4 «Ашьтахь иҳәеит, ишаайуаз иҳәеит, **ани аҿеан** иагуалашәахт иҳәеит, еитеигуалашәан иҳәеит, ани **азаҿы еитацеит. Аҿеан неины азаҿы азы аҿанылтнашь илаҧсха илыҟалеит. Ианлаҧсха** иабацахуаз аҿынанахан ишнеиуаз дырҩегьх **аҳ ихьшьцәа ирықушәан уа ирыман. Убрагьы х-лабак ахылтцт.**

...Алақуагьы анлаха егьи...»

Эпизод 5 «...ашьтахь ишаайуаз ари дырҩагь **ани ала** иагуалашәт **азы**. Азы анааигуалашәа иҿынеихан,

аҧынанахан а л а неин аҳаҷы аҳы аҿтанажьхт иҳәеит дырҩагьых. **Аҳы аҷылтанажьын** анкьа **д а н ы ш ә а р ы ц а ҩ ы з е и ҧ ш**, анкьа **д ы ш у а ҩ ы з е и ҧ ш дҟалыит.** Даныҟала (ани ихы аҭыҧ аҷы имаан, шьта дуҩымҳеи) иааигуалашәеит, икуаҵ, иҭтынжәга, **ишәаҟь** ахьыҟаз. Днеины аҳды ахы данлыкуҧш, иҭтынжәга амҵа з'ынахарҵаз еиҧш ишаҧ-шаҧуа наҟын, икуаҵ шыкуитцаз еиҧш иҟан, ишәаҟь шеиҵаз еиҧш икыдгылан. Ишәакьгьы аакыдхны, икуаҵ дҩатцалан, иҭтынжәга ааиҷакны дахо апҟаҩҳәа (ани ихы цызи идынази дрышьта цьушьо) даанит аҩныка».

Эпизод 1 «Как глядел, вся говорит черная (он решил, что это ворон), **п т и ц а** одна **летела,** она была черная, говорит, **кинулась говорит в ту речку, окунулась и,** когда вышла, **стала б е л о й - б е л о й** и **улетела, говорит».**

Эпизод 2 «Йараби, как это произошло, и я посмотрю что это (птица) делает», сказал (подумал) он, и мясо свое так на одно бревно положил, и ружье свое приставил (к бревну), и трубка была у него во рту, наполненная табаком, прикурил и держал ее, говорит. И мясо свое положил, и ружье свое приставил, и трубку свою на бревно положил, говорит, встал, **пришел** к т о й **реке,** р а з д е л с я и **вошел в воду, говорит. Окунувшись в воду,** говорит, **вышел** превосходной, хорошей **д е в у ш к о й.**

Куда бы он пошел, став (будучи) д е в у ш к о й ... О н а встретилась с царским п а с т у х о м.. Он ей принес женскую одежду... Одевшись, куда бы она пошла, туда (к царю) привели ее. Привели ее и, когда посмотрели на нее, увидели, что она светит без солнца — без месяца (луны), и оставили ее там. Оставили ее так и была там, был сын у того царя. Ее оставили у себя для царевича и отдали ему в жены. **О н а роди**ла тех с ы н о в е й и **воспитала их; о н и стали л ю д ь м и** (выросли), уже могли садиться на коней».

Эпизод 3 «К а к - т о о д н а ж д ы та **д е в у ш к а** так в с п о м н и л а (видишь, начинает вспоминать (понимать), как когда-то в одно время была мужчиной, вспомнил, где окунулась в воду, охотясь, вспомнила девушка.

Тут же **отправилась** и пришла к реке. Пришла к реке, р а з д е л а с ь и вошла в воду. Осталась (стала) к о б ы л и ц е й (перестала быть девушкой, стала кобылицей). Такой эта к о б ы л и ц а набрела на царский

табун. Находясь среди них там, она родила трех жеребят, их объездили. Ее сыновья уже могли садиться на этих коней и объезжать их».

Эпизод 4 «Потом, говорит, как-то, говорит, **та кобылица** вспомнила говорит, опять вспомнила, и к той реке опять пошла. **Кобылица пришла к реке и, окунувшись в воду стала собакой. Когда стала собакой, куда бы она пошла,** отправилась и шла она, и опять **набрела на царских пастухов и была у них.** И там **трех собак (щенят) родила** она... Когда и **собаки стали собаками (выросли)**...»

Эпизод 5 «...потом, говорит, это опять **та собака** вспомнила реку. Реку вспомнив, (он) отправил(ся), **отправилась собака, пришла к реке** и опять **окунулась в воду,** говорит, еще. **Окунувшись в воду, он стал** таким, как когда-то, **человеком,** как тогда, когда был охотником.

Став им (ведь голова (разум) его уже приходит на место, ведь человеком стал), вспомнил, где оставил свое мясо, свою трубку, свое ружье. Подошел к бревну и смотрит: трубка его, как ее зажгли, ярко горит, мясо его лежит, как он положил, ружье его приставлено, как он его зарядил. И ружье свое подняв, взвалив и мясо свое на себя, взяв трубку и куря ее, мигом (думаешь, он заботится о том, кого он родил и прочее) пришел домой к себе».

Повтор 5 (из записи, сделанной 14 августа 1978 года в с. Абгархук Гудаутского района от сказителя Колбая Халита Мсуратовича)[4]

Эпизод 4 «Уыс ишыҟаз акумкуан иҳәеит еиҭеигуалашәагушьахт ани азаҽы иҳәеит. Изаҽы днеин иҳәеит, ана иҳәеит аҽан дырҩагь азаҽы инеихын азы аҽанылҭанашь иҳәеит, анкьа даныуаҩыз еиԥш иҳәеит дуаҩны дааҟалт иҳәеит.

«Арыи ариаҟара са исыхҭаст, ари аҟара ԥс схылҭт ас саныҟала, абри сшәакьи скуаци ахьыҟасҭаз снеипи» ҳәа даннеи иҳәеит, акды ахаҽы иҳәеит, ишәакь уа икыдгылан иҳәеит, илабышьа уа иыҭцагылоуп иҳәеит, иттынжәга иара амца шынахеиҭаз еиԥш амца акыуп иҳәеит, икуац иҳәеит ишыҟаз иҟоуп иҳәеит, зегь еикушәшәа ишыкуз дакушәт иҳәеит. Иттынжәга аакуихын, абырҟь ҳәа дахо, икуац дҩаҭалан иҳәеит, илабышьа аанкылан иҩныҟа даакулан даэит иҳәеит».

[4] Первые три эпизода повтора стерлись с магнитофонной ленты во время записи.

Эпизод 4 «Как-то так опять он вспомнил еще, бедный, ту воду (реку) говорит. Придя к своей реке, говорит... кобылица опять к реке пришла опять, говорит, окунувшись в воду, говорит, человеком говорит, как раньше, стал человеком, говорит.

«Со мной столько этого приключилось, столько душ я родил, когда я таким стал, а пойду и посмотрю на свои ружье и мясо, где я их оставил», подумал он и пришел говорит и видит: к бревну, говорит, приставлено там его ружье, говорит, его посох там воткнут (в землю), говорит, и трубка его, говорит, зажжена так, как он ее зажигал, мясо его, говорит, такое же, как было, говорит, все застал, говорит, как было. Взяв свою трубку, говорит, дымя ею, взвалил на себя мясо, говорит, взяв посох свой, говорит, отправился и пришел к себе домой, говорит».

Повтор 6 (из записи, сделанной автором 20 августа 1978 г. в с. Абгархук от сказителя Колбая Х. М.)

Эпизод 1 «... дшааиуаз ҵлакы ытцыфрны иахькажьыз ауахуаҷы, ани ииадара дызҵазгьы уа ... инықуитцит, илабышьа нытцаргылан, ишәақьгьы нкыдиргылт, иҵтынжәга аҵтын лҵеиҧсан, ацәмса амца фацраҵаны аихамца ааихьишьын ацәмса амца лацраҵаны, иҵтынжәга инахаҵаны дышҧшуаз **ҧсаатәк** абас иааиуан итцыхуан азы, азыжь ыкан **амни азаҷы иааин** (аҧсаатә еикуаҵәаза икан) **азы аҷанылҵнашь, ишкуакуаза ифҵытцын ицеит»**.

Эпизод 2 «Иабихуа ҵьоушьҭ, абри ишкуакуаза итытцны ицаз абри закузеи, ишҧакалеи иҳәан, **длеин, ани азы**, ани шкуакуахан иахьҭытцыз **аҷы длеин иара азы дҭалт.**

Длеин азы дҭалт. **Азы данҵала дыҧхәызбаха даакалт.** Икаиҵуази? Ари азҕаб лҷыналхан (нас дабацагушьоз анахь ани ... ишәарыцара атәы **агьи уи** зегьы ихаштт, шьҭа дызҕабхт), **дышфеиуаз акумкуаи аҳак иашҭа дакушәт.** Ани аҳ иашҭаҷы ... данакушәа, аа, аусуцәа (нас азҕабцәа иман) ахҭыҳәсахуҵкуа **шнеиуаз**, аннеи иҳәеит, ани дырбеит.

— Унан! Бабаказ агьиз анырҳәа, — сабаказ, абас сааит агьит лҳәеит. Аҳ иҷы инеин изҵааит: — Абасоуп зҕабк абра дааин дгылоп, — рҳәеит.

— **Арахь даажәеи, — ҳа иҳәан иҳәеит, днарган** иҳәеит, уа дааныркылт (уаҳа дабацоз) иҳәеит. Ах ичкунак дыҟан. Ани аҧаб ҧаб бзиан иҳәеит. Ах иҧа диитт иҳәеит, **х-ԥык аҧацәа лхылҵт, илааҧеит»**.

Эпизод 3 «Уи ашьтахь ишааиуаз **илгуалашәеит** аамҵала, ани дахьышәарыцозгьы, егьи азы иеахьтищьыз агьи игуалашәеит. Иабҧьар ахьыҟеиҵаз егьи ззегь игуалашәан аҳаҳаиҳәа... **лҷаалхан, ани азаҷы дааихт. Азаҷы дааин данылҵала, дҷеиҳа даақалт.** Иаакугьежьны **аҷеан**, иҟанаҵагушьози, игугуаза адәы иныкулт.

Игугуаза адәы ишыкуз иҳәеит, ус **ишнеиуаз** иҳәеит **...ахәиуахьад ахьгуарҵоз ирыкушәт иҳәеит.** Уа аекуа инрылалт иҳәеит. Уа ишааиуаз иҳәеит, **аҷеан**... ихьеит иҳәеит, **х-ҷабаҷҧыск, х-ҷабак арит иҳәеит.** Иара абни ауаа ихылҵыз, аекуа х-еык ҟалит, иҧацәагьы х-ԥык ҟалит. Иҧацәа уаахыит, аекуа кны ирбжьеит...»

Эпизод 4 «Иара **еиҵеигуалашәахт,** ани **аҷеан аҷынанахан,** адырԥаагь ицан **иҳәеит ани азаҷы италт. Азы иаҵала иҳәеит,** анкьа **дуаԥны данышәарыцоз дшыҟаз еиҧш даақалт.**

«Коҳ! Ари акара сыхтасны, ас саныҟала, сыматәакуа ахьышьтастцаз снеипи» — иҳан, даннеи иҳәеит, зыены ишьыз еиҧш иџьма уа икууп иҳәеит, ишәакь уа икыдгылоп иҳәеит, иттынжәга амца... амца шахеитцаз иахоуп иҳәеит, илабышьа ацагылоуп иҳәеит. Илабышьа аашьтихт, ишәакь дԥацалан иҳәеит... иттынжәга аайҷакны абырқьҳәа иттын дахо длыкулан аԥныҟа дцеит».

Эпизод 1 «...он шел и присел на бревно (пень) там, где валялось свалившееся дерево, и ту свою ношу, которую он нес, там... положил и посох воткнул в землю, и ружье прислонил (приставил (к бревну), в трубку свою насыпал табаку, зажег трубку кремнем, зажег трут, заложил его в трубку и видит: **летела** одна **птица** вот так, неподалеку от него (внизу) была река озеро было, **прилетела к той реке** (птица была черная), **окунувшись в воду, вышла вся белая и улетела»**.

Эпизод 2 «Иабихуа, джоущьт[5], что это такое было, она улетела белая вся, что это, как случилось», подумал он, пошел к той реке, пришел туда, откуда та вышла белая вся, **сам вошел (окунулся в воду** (...). Пошел и окунулся

[5] **Восклицание**, здесь: со значением удивления и любопытства.

в воду. **Окунувшись в воду, стал девушкой. Что он будет делать? Эта девушка отправилась** (ведь куда бы он пошел, сюда он забыл об охоте и прочем, теперь он стал девушкой), **шел** и вдруг **попал к царскому двору.**

Когда он попал в царский двор, а слуги (ведь у него (царя) были девушки (служанки), **служанки,** проходя, пришли, говорит и увидели ту.

— Уна![6]? Откуда и прочее, — сказали они, и она сказала: — Откуда, вот так пришла (и прочее). **Пришли к царю и спросили:** — Вот так и так, какая-то девушка пришла и стоит здесь, — сказали они. — Приведите ее сюда, — сказал говорит, **привели** говорит и оставили там (куда пошла бы больше) говорит. У царя был один сын, сын говорит. Та девушка хорошая девушка была, говорит. Он отдал ее царевичу (в жены). Отдал ее царевичу (в жены), **и она родила трех сыновей. Воспитала их».**

Эпизод 3 «После того как-то (**она**) **вспомнила в одно время,** и где охотился, еще в воду окунулся, и прочее вспомнил. Вспомнил, где оружие оставил и все прочее и мигом(?)... **отправившись, пришла опять к той реке.** Пришла к реке, и,**окунувшись, стала кобылицей.** Повернувшись, что бы сделала бедная кобылица, бесцельно **пошла** бродить по полю. Бесцельно по полю бродила, говорит, так шла говорит... **попала говорит в царский табун,** выходивший пастись. Там осталась среди коней говорит. Потом говорит, **кобылица... родила** говорит, **трех жеребят,** трех жеребцов родила, говорит. Рожденных коней стало трое. Жеребят и сыновей стало трое. **Сыновья стали людьми (выросли), (а) коней поймали и объездили...»**

Эпизод 4 «...**он опять еще вспомнил та кобылица опять отправилась, опять пошла, говорит, окунулась в ту реку. Окунувшись в воду, говорит, (он) стал таким человеком,** как когда-то, когда охотился.

«Кох! Если со мной столько приключилось, и я стал таким, пойду-ка я туда, где оставил вещи», — подумал (сказал) и когда пришел говорит, его козел (мясо) там лежит, как в тот день, когда он его убил, говорит, его ружье там прислонено говорит, его трубка с огнем... зажжена, как он ее зажег, говорит, его посох воткнут (в землю) говорит.

---

[6] Восклицание со значением удивления.

Посох свой поднял (взял), взвалив на себя ружье свое, говорит, ... взял трубку свою, и, дымя, табаком, отправился и пошел домой».

Повтор 7 (из записи, сделанной автором 20 августа 1978 г. в с. Абгархук от сказителя Колбая Х. М., спустя около часа после предыдущей)

Эпизод 1 «...дшааиуаз, цлакы ытцыфрны нахькажьыз уахуак. **длықутәеит,** икуацгьы нықуитцеит, ишәақь **нкыдиргылт,** илабышьа нытцарсны, итцынжәга ааитцеитцан, ааихамца ааихьшьны ацәымса амца аркны инахаитцт, **дышҧшуаз** иаҧхьа азы ыкан, азы азы ыкан азаҷы **иҳәеит ҧсаатәк** шкуакуаза **иааин иҳәеит** абни азы **аҷылтанажьын аҷанаатцнашь иҳәеит** ишкуакуаза оума еикуатцәаза иааиуан, азы аҷанаатцнашь иҳәеит **ишкуакуаза ифтытцны ицеит иҳәеит».**

Эпизод 2 «Иабахуа ари амни аа ишкуакуаза ицеит **ианааиуаз** еикуатцәан ишҧакалеи» ҳа иҳәан **днеин иҳәеит азы... иҷылтишьзар иҳәеит, дызҕабха даакалт иҳәеит.** Дыҧҳәызбаха данааҟала икаитцуои иҳәеит иҷынеихан дышнеиуаз иҳәеит, **аҳак ашта дтанагалт иҳәеит...** Ашьтахь ани азҕаб аҳ иҧа диртт. Аҳ иҧа **дышимаз убра хыф-ҧацәа лоут. Лычкунцәа уаахыит, илаазеит».**

Эпизод 3 «Ус ишыҟаз, адырфагь (ани ажәытә **дшыҟаз** атәы имхуцгушьози) игуалашәт. Афақьаха иҷааихан ани азы аҷы даахт. **Азы аҷы дааин адырфагь азы дталт. Азы дантала, дыҷеанхт.** Деанха данықала ани аегьы иҳәеит адәы икухо **иныкулт.** Ишықуз иҳәеит, **аҳ иҷкуа ирыланагалт иҳәеит. Уа иахылтцт иҳәеит хх-халашак, аҷкуа ахылтцт иҳәеит. Ани** аҷкунцәа **илхылтцызгьы уаахыит, аҷкуа илхылтцызгьы ехыит,** иркын ирбжьеит, иҷкунцәа рықутәоуп иҳәеит...»

Эпизод 4 «Ишыҟаз иҳәеит, ишааиуаз иҳәеит адырфагь иҳәеит ани **аҷеан иагуалашәахт** иҳәеит ани азы аҷы **дахьталаз** иҳәеит. Апҟафҳәа аҷаанахан иҳәеит, **аҷеы ааин азы ианылтала** иҳәеит ианыфтытцуаз иҳәеит **анкьа данышәарыцоз дышуафыз еиҧш даакалт иҳәеит.** Ус данааҟала иҳәеит, «иабихуац, ари ароуп иахьсыхь, ара салгеит, сыматәакуа ахьыкоу снеипи» ҳа иҳәан иҳәеит, ани ауахуаҷы даннеи иҳәеит, икуац ҧырхага амазам, ауахуа икууп иҳәеит, ишәақь

уа икыдгылоуп, илабышьа уа иытцагылоуп иҟәеит, иҭтынжәга ацәымса шаҿоу амца акны иахоуп иҳәеит. Иҭтынжәга аақуихын иҳәеит, абырқьҳәа иааиҿакны аҭтын дахо иҳәеит, икуацгьы дҩатцалт, ишәақьгьы ихуда иаахшьны иҳәеит, илабышьа ааитцшьуа иҩныҟа даақулан дааит иҳәеит».

Эпизод 1 «... он шел и присел на одно бревно там, где валялось сваленное дерево, и свое мясо положил [на бревно], и ружье свое приставил к бревну, и посох свой воткнул [в землю], и, заложив в свою трубку трут, который он зажег огнем, и он глядел, перед ним была река, река, река была, к реке, говорит какая-то белая **птица**, вся белая **прилетела, говорит, в ту реку кинулась, окунувшись, говорит,** не белая, черная пришла, в воду окунувшись, говорит, **(став) белой вышла и улетела, говорит**».

Эпизод 2 «Иабихуа, эта, та, аа (став) белой улетела, когда сюда летела, была черная, как это произошло», подумал **он** и **пришел, говорит, окунувшись, говорит стал девушкой говорит.**

Когда стал девушкой, что будет делать он, говорит, отправился и шел, говорит, и **попал в царский дворец**... Потом ту девушку отдали в жены царевичу. Будучи женой царевича, **там она трех сыновей родила.** Ее **сыновья стали людьми (выросли),** она их воспитала».

Эпизод 3 «Как-то опять (ведь он, бедный думал о том, каким был раньше) вспомнил. Мигом отправившись, **он пришел** опять к той **реке.** Придя к реке, опять **окунулся (вошел) в воду. окунувшись в воду, стал колыбицей.** Когда стал кобылицей, та **кобылица** тоже, говорит, бродила, кормясь, по полю. Бродя, говорит, **попала, говорит, в царский табун. Там родила, говорит, трех жеребят,** жеребят родила ,говорит. Те **сыновья,** которых она родила, тоже **стали людьми; жеребята,** которых она родила, тоже **выросли в коней,** их поймали, объездили, его сыновья на них ездят говорит».

Эпизод 4 «Как-то однажды, говорит, опять та **кобылица** опять **вспомнила,** говорит, ту реку, где (он) искупал(ся), говорит. Мигом отправившись, говорит, **кобылица пришла, и окунувшись в воду,** говорит, когда выходила, говорит, **стал говорит,** таким

же **человеком**, как когда охотился когда-то, говорит. Став таким говорит «иабихуа, это со мной приключилось здесь, здесь и кончилось, пойду к вещам» говорит он говорит, пришел, говорит, к тому бревну, его мясо, нетронуто, на бревне лежит, говорит, его ружье там стоит, говорит, его посох там воткнут, говорит, его трубка, говорит, дымится. Взял свою трубку, говорит, куря, говорит, взвалив свое мясо на себя, свесив ружье через плечо, говорит, опираясь на посох, отправился и пришел к себе домой, говорит».

Повтор 8 (из записи, сделанной автором 30 ноября 1980 г. в с. Абгархук от сказителя Колбая Х. М.)

Эпизод 1 «...дшааиуаз уахуак даақушәан (дааҧсаны дмааиуазн), ауахуаҽы ишәақыгьы нкыдиргылт, илабышьагьы лытцарсны, ани иҧьмагьы уа иныкутцаны, длатәеит.

Иттынжәга аатыхны, аттын лтаҧсаны, ацәмса амца ааиркын ацәмса нахатцаны, иаасҽаскʻуот хәа дшаҽыз, иаҧхьаҟа зыхьк леиуан, иаҧхьа дахьынаҧшуаз, ҧ **саатәк** иеикуатцәаза **иаакылсын**, абни аҳыхь **инталт. Ианыльтала, интҧрааит, икуашза ишкуакуахт»**.

Эпизод 2 "Анс ианца, «абри змаанузишь, игуастапи» иҳәаш, иҽынеихан **днеин, иаргьы азы дталт. Азы дантала, данынтытц, дызббабха дкалеит.** Данзббабха икаитцуеи дабацауаз ихы ахьынахоз **иҽынеихан** амҩа дналт. **Дышнеиуаз ахьшьцәа дрыкушәт.**

Ахьшьцәа данрыкушәа «Бабатәуи, бабаҟаз?»

«Сахьатәиу егьиу, са сахьыҟазгьы сыздыруам, абас саауеит» лҳәеит.

«Абас, зббаб бзиак абра даҳзааит, дҳаднагалт» ха ант рхазен аҳ иарҳәт.

Иҧҳәыси иареи ианрарҳәа, «ара даажәгеи» иҳәан, азббаб даашьтыхны аҳ иҽы днаргт. Дахьнаргаз, ах иҧҳәысгьы иаргьы азббаб дыргуаҧхеит. Дара ачкун бзиа дрыман, рычкун диртт. **Убра** убри **азббаб илхылтт х-ҩык ахацәарҧарцәа. Х-ҩык ачкунцәа лхылтцын илаазеит"**.

Эпизод 3 "Ах-ҩык анылааза, ашьтахь, дшааиуаз, илгуалашәт аамтала дышхатцаз, амни азаҽы ишлыхьыз.

Апҟаҩҳәа иаакулыршәын **азаҽы дааин, азы деитатцалт. Азы дантала, данытытцуаз** ус дтытцхт, **дыҽанхт.** Деанхан, иҽынеихан, аҽынанахан ани

аҽеан шнеиуаз, ани аҳ **иуаҳьад ирылалахт, ирыкушәт. Уа** ишрылаз, **убра** иахылцит, **х-еабаҽцысқ. Урт аҽкуагьы** иахылцаз **ааҽеит аҽеан".**

Эпизод 4 "...Уртгьы анеха агьи, адарагь аамтала дышуаҩыз, дырҩеть ани **аҽеан** иагуалашәахт, ани азаҿы ишахьыз.

Апҟаҩхәа аҽеан аҿаанахын, **иааит азы италт. Азы италан ианыҩтыц, анкьа дануаҩыз еиҧш даақалт.**

Даақалан, иҿынеихан, днеин ани ишәакь, илабышьа, икуац ахьыкуз аҿы днеины даннадгыла, иттынжәга амца анахеицаз еиҧш, амца уа иакын. Икуац иарбанзаалакь зыены ишьыз аҽнеиҧш икуын, ишәакь уа икыдгылан, илабышьа уа иытцагылан. Иттынжәга ааиҿакны, икуац иқуақуа иаакуитцан, ишәакь лакутцаны, илабышьа аанкылан иҿааихан аҩны дааит".

Эпизод II «...он шел и увидел одно бревно (уставший ведь шел), и ружье свое к бревну приставил, и посох свой воткнул [в землю], и того козла своего (мясо) там положив, присел.

Достав свою трубку, набив ее табаком, зажег трут, заложил трут в трубку и собирался закурить, а впереди него одна река текла, впереди, куда он глядел. Одна птица, **прилетев** вся черной, **в ту реку окунулась. Окунувшись, она вылетела вся белой,** белой стала».

Эпизод 2 "Когда такой (став) улетела, «посмотрю-ка, что это значит» подумал он, направившись, пришел (к реке), **он** и сам **в воду окунулся. Окунувшись в воду, он вышел** из нее, **превратившись в девушку. Девушкой став,** что он будет делать, **отправился** куда глаза глядят по дороге. Как шла, **попала к пастухам.**

Когда попала к пастухам (те спросили) «Откуда ты, откуда идешь?» «Не знаю, откуда я, просто иду»,— сказала. «Вот так, какая-то хорошая девушка к нам пришла, к нам попала», — так те своему хозяину, царю сказали. Когда так сказали царю и его жене, «Сюда приведите ее», сказал он (царь) и девушку взяли и к царю привели.

Когда туда привели, и царю и его жене девушка понравилась. Они имели хорошего сына, сыну своему ее отдали (в жены).

Там та **девушка родила трех сыновей.** Трех сыновей родив, **она их воспитала".**

Эпизод 3 "Когда всех троих воспитала, потом, как-то **она вспомнила, что** когда-то она была мужчиной, **что** с нею случилось там в той реке.

Мигом отправившись, она пришла к реке, и опять в воду окунулась.

Окунувшись ов воду, она вышла опять **другой, она превратилась в кобылицу.**

Став кобылицей, отправился, отправилась та кобылица и **шла,** и опять **в табун** того царя **попала.** Там среди них (находясь), там **она родила трех жеребят.**

И тех **коней,** ею рожденных, **воспитала кобылица...**"

Эпизод 4 "Когда и те (жеребята) выросли, опять та **кобылица** опять вспомнила, что когда-то была человеком, что так с нею случилось в той реке.

Мигом кобылица отправилась, **придя, окунулась в воду. Окунувшись в воду, вышла** из **нее, став человеком,** как и раньше.

Став (таким), он отправился и, когда пришел туда, где лежали те его ружье, его посох, трубка его горела как тогда, когда он зажег ее, мясо его лежало как в тот день, когда он убил его (козла), ружье его там было приставлено (в бревну), посох его быя воткнут (в землю).

Прикурив трубку, взвалив мясо свое на плечи, положив сверху ружье свое, подобрав посох свой, отправился и домой пришел".

ТАБЛИЦА 1*

Повтор 3[1] (Марр, 48)

Эпизод 1 «Ҽнак лаба дыӳк аашьтыхны сыз'нейӳаз з'ҽҩак сынхыԛэгылт. Анцәа ис'гәирԛхан сҽылзаасшьын, санаҩтытц стыԛха ԛшзахаслагылт.

«Ҳай, сажәымтыеха сеыз'бас'ыԛс'ах» ҳа с'ыз'нейӳаз аҳак шәарацара дыԛан дз'аайуаз даас'ԛылан, иҩныԛа сигыт, ԛҳәыс'сҭьы сааихәт. Х-ҩык аԛацәа сыхшаайт».

Эпизод 2 «З'ны сгәааны с'нейн аз'ҽҩ сҽылҭысшьын сҽан бзиаха сыҩтытц. Аҳ санԛҳәыз'баз сызгаз, «с'ыԛҳәыс дабаца» ҳа дс'ыԛшааӳаз, адәы сыԛәны с'аниба сыкны аҩныԛа сигыт. Сыԛан аҳ иԥны акыр аамта, х-ҽабак срййт, ис'аазейт».

Эпизод 3 «Ҽнак азә дсыԛәтәан скәаԛә цәиԛьейт, даарагьы сйрааԛсейт. «Ныҳ ас' сз'ыԛоу раҳәм» схәан сцан аз'ҽҩа сыҽылҭысшьын слаԛс'ха стцыхә ршәшәӳа саатытцит. Аҳ «с'ҽан згазышь» ҳа дз'ыԛшааӳаз даасыдгылт. «Ла заманак збыйт» иҳәан иаҳтырԛарцәа срыйтан аҩныԛа сыргит. Аҳ иҩны х-лабак срйит исаазейт».

Эпизод 4 «...аха аԛаса с'ызоҩԛсыз здыруа сланы сс'ыԛаз сгәы йалан.Зны сцан аз'ҽҩа сыҽҭысшьит, санаатытц, аброӳжәы сс'ыжәбоу ейԛш стаҳмадаханы скалыит, иҳәыйт атаҳмада.

Аҳ иԥны аԛацәа ис'ыхшааз абарҭ роуп, — иҳәан идирбит. Аҽԛуа ӳбарҭ зыԛутәоӳгьы, сара санҽаныз исрйиз роуп, — аниҳәа, ахш ашәах хаччыла ашра йалагт».

Эпизод 1 «Однажды, взяв один большой посох, шел я и пришел к берегу одного озера. Бог внушил мне желание, и я окунулся, когда вышел, я стал красивой девушкой.

«Хай, как я на старости лет преобразился», — думал я и шел, как встретил меня один царь, возвращаясь с охоты. Он забрал меня к себе домой и взял меня в жены. Трех сыновей я родил».

---

* Данный повтор представляет собою вторую часть двойного повтора (первая часть передана сказочником в 3-м лице — см. Таблицу 1).

[1] Повтор I не имеет рассматриваемой второй части (т. е. не использован сказителем вторично в тексте сказки) ввиду незавершенности самого текста сказки (см. Марр, 46).

Повтор 2 тоже не имеет второй части; вместо развернутого повествования героем его приключений сказитель ограничивается короткой фразой: «Старик стал говорить свое слово» (см. Марр, 48-51).

Эпизод 2 «**Однажды**, рассердившись, **я пришел и, окунувшись в озеро, вышел** хорошей **кобылицей. Царь**, который взял меня в жены, когда я был девушкой, ища, куда ушла его жена, увидел **меня**; бредущую по полю, поймал меня **и забрал к себе домой.** Я была у царя долгое время, **трех жеребят родила** и воспитала их».

Эпизод 3 «**Однажды,** кто-то сидел на мне, ранил мне спину и сильно загнал меня.

«Ных[2], не стоит быть (оставаться таким: какой я есть», — подумал **я и пошел и, окунувшись** в свое **озеро, вышел собакой,** виляя хвостом.

Царь, ища, кто забрал его кобылицу, **набрел на меня.** «Я нашел превосходную собаку», — сказал он и отдал меня своим дворовым парням, **они забрали меня домой.** В доме у царя **я родила трех щенят** и воспитала их...»

Эпизод 4 «...но я знала, что раньше была человеком и переживала, что теперь я собака.

Однажды я пошла и окунулась в свое **озеро, когда вышла, я стала стариком,** каким вы видите сейчас меня», — сказал старик.

— Вот сыновья, которых я родил от (у) царя, — сказал он и показал их.

— И кони, на которых они сидят, — те, которых я родил, когда был кобылицей, — когда он это сказал, молоко ,пенясь, стало кипеть».

Повтор 4 (см. Повтор 4 в Таблице 1)

Эпизод 1 «...дшаайуаз данынаҧшы аҧсаатә ааин еиқуаҵәаза азы аеыҩтнашьын, аетнашьит, — ҳа иҳәеит иҳәеит.

— Аеантнашьы еиқуаҵәаз шкуакуаза ицеит, — ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 2 «Абри закуу збапи» ҳа скуацгьы ақды ахы иныкусцт, сттынжәгагь еицаҵаны, аттын сахон, уигьы уа иныкуҵан, сшәақьгьы нкыдыргыланы **снеины** сеаайлыхны **азы сеанаатысшь, сызбабхт, ҳа иҳәеит иҳәеит.**

— Ах ихьча сиқушәт. Аматәа сзаайгит, ах иҧы саайгит, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — Ах иҧа сигуаҧхан

[2] Восклицание.

ҧхәысс саанхут, — ҳа иҳәеит иҳәеит. **Убра хыф-ҧ а-ҧ ә а схылҵт, — ҳа иҳәеит иҳәеит.** Ахыф-ҧацәа исхылҵыз ҳа иҳәеит иҳәеит, **иуаахеит ҳа иҳәеит иҳәеит».**

Эпизод 3 **«Убри ашьҭахь еиҭасгуалашәахт** абни азы, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — Уа **саан** сыеҭысшьт, — ҳа **иҳәеит** иҳәеит. — **Нас** сеанхт, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — **Ах иуаахьад** срыланагалт, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — **Убра х-еык** схылҵт, — **ҳа иҳәеит иҳәеит.** Ах-еык исхылҵыз — ҳа иҳәеит иҳәеит, — сҧацәа ибжьаны **ирыкутәан** иуаахеит, — **ҳа иҳәеит иҳәеит».**

Эпизод 4 **«Убри ашьҭахь еиҭасгуалашәан** сцеит, **снеит** абри азаҿы, дафрагь сеыскуабеит, сеанылҭасыжь, слаҧсхт, — **ҳа иҳәеит иҳәеит.**

— Дафрагь **ах ихьшьцәа** срыкушәт, — ҳа **иҳәеит иҳәеит.**

— **Убра х-лак** схылҵт, — **ҳа иҳәеит иҳәеит».**

Эпизод 5 **«Убри ашьҭахь** сышлаз оуп **иансгуалашәа саанны сеантысшь, абыржә сшыкоу еиҧшгьы скалыит, — ҳа иҳәеит иҳәеит.** — Сттынжәга ехьыкуз саннеи аттынжәга ишаҧшаҧуа амца акын, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — Сшәакьи скуаци аашьтысхын, — аниҳәа, ахуара-хуара-хуара-хуараҳәа иҳәеит, акуаб шуа иҳәеит, ишуа иҳәеит акуац ажәт иҳәеит».

Эпизод 1 «... идя, он (глянул и) увидел: **птица прилетела** черная, как она **окунулась в воду, — окунулась,** — так говорит, — **окунувшись,** — из черной **стала вся** белой и **улетела, — так говорит говорит».**

Эпизод 2 «Погляжу-ка, что это такое», подумав, я положил на бревно и свое мясо, и в трубку свою заложив трут, я курил, и ее туда положив, и ружье свое приставил там (к бревну), пошел я, **разделся** и, когда **окунулся в воду, стал девушкой, — так говорит говорит.**

— **Я набрел на царского пастуха.** Одежду он мне принес, к царю привел, — так говорит говорит.

— Царевичу я понравилась, он взял меня в жены, — так говорит говорит.

— **Там я трех сыновей родила, — так говорит говорит.** — Все **три сына,** мною рожденные, — так говорит говорит, — **стали людьми** (выросли), — так говорит говорит».

Эпизод 3 «— **После того я** опять **вспомнил** ту реку, — так говорит говорит. — Туда **пришел и окунулся,** — так говорит говорит.

— Тогда **стал я кобылицей, — так говорит говорит.**

— **Попал в царский табун, — так говорит говорит.**

— **Там я трех жеребят родил, — так говорит говорит.**

— Тех трех жеребят, которых я родил, — так говорит говорит, — мои сыновья объездили, стали людьми (выросли), — так говорит, говорит».

Эпизод 4 «**После того я** опять **вспомнил** и пошел, пришел к этой реке, опять искупался, **окунувшись, я стал собакой, — так говорит говорит. — Набрел** опять я **(попал) к царским пастухам, — так говорит говорит. — Там трех щенят родил я, — так говорит говорит».**

Эпизод 5 «— **После того,** будучи собакой, **я вспомнил, пришел, окунувшись, я стал такой, какой и есть сейчас, — так говорит говорит.** — Когда пришел туда, где лежала моя трубка, моя трубка ярко горела огнем, — так говорит говорит. — Взяв (подняв) ружье свое и свое мясо и котел (ахуара-хуара-хуара-хуара)[3] с шумом стал говорит, шипя говорит, кипеть, кипя говорит все мясо сварило(сь) говорит».

Повтор 5 (см. Повтор 5 в Таблице 1)

Эпизод 1 «...сшааиуаз ауахуаҽы снықутәаны, ақды... ҳцла **ытцыҩрны** иахьказьыз сшәақьгьы лкыдсыргылт, слабышьагьы лытцаргыланы сыҭҭынжәга ааитцасцан аихамца ааихьшьны ацәмса амца наркны, сыҭҭынжәга ианынахастца, **акы** еиқуатцәаза **ҧсаатәк ҧырны ииааиуан,** саҧхьаҟа зыхьк ыҟан, азы ыҟан, **азаҽы иааин** агузҳәа **аҽанылҭанажь, ишкуакуаза иҩтытцт, — ҳа иҳәеит иҳәеит».**

Эпизод 2 «Иабахуа абри шкуакуаза ицеит, ишбаҟалеи» ҳа сҳәан, **снеин саргьы азы санылҭала, сыҧхәызбаха сҟалыит, — ҳа иҳәеит** иҳәеит. — Сыҧхәызбаха санықала, ҳа иҳәеит иҳәеит, — иҟасҵуеи, сыгугуаза

[3] Звукоподражание, воспроизводящее бурное кипение.

сҽынасхан еышнеиуаз, аҳаи сиқушәт, иҩкы сиартт, санырба, «ари леиҧш азбаб иҟоу лоуп иахтахыу» рхәаи ах иҧа сиртт, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — Ах иҧа сызимаз х-ҩык аҧацәа схылцит, — ҳа иҳәеит иҳәеит, уырт уаахеит, — ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 3 «Дыргаҩ абни ажәытә иснхыз сгуалашәап, сгьежьны сааит уаҳәха, абни азаҧш сааии адыргаҩ аз сыелалассыжьын сиетысшыт, — ҳа иҳәеит иҳәеит, сеха сааҟалт сеанха,—ҳа иҳәеит, иҳәеит.— Сыгугуаза сҽынасхан сшшнеиуаз, ах иеанқуа ахьыҟаз иуахьадкуа срыкушәап, уа срылап, — ҳа иҳәеит иҳәеит.

— Убра х-алашак схылцт,—ҳа иҳәеит иҳәеит. Ахҧагь реиҧш еы ҟамло иҟалеит, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — Имцызар, — ҳа иҳәеит иҳәеит, — абарт ахҩык ачкунцәа иснылцыз рыкутәаиы абра иааиуеит уажә шәыҧшла, — ҳа иҳәап иҳәеит, урҭгьы еикуеыжә иаакылсит уа иҳәеит.

— Абарткуагьы са иснылцыз роуп, — ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 4 «Убри ашьтахь, дыргеиь еитасгуалашәап, абни азаҧы сааит,—ҳа иҳәеит иҳәеит. Азаҧы сааин дыргаҩ азы сеанаатысшь, санаатабылгьа,— иҳәеит, аикьа сышуаҩыз еиҧш сҟалеит,—ҳа иҳәеит иҳәеит. «Аан, иабихуа, ожәшьта ари ароп иахьсыхь, ари сыматәакуа ахьыҟасцаз иҟоу збап»—ҳа ани акды сызкутәаз аҽ санпеи, — ҳа иҳәеит иҳәеит, — сшәакь уа икыдгылоп, слабышьа уа ныцагылоп, скуац шыҟац иҟоп иара зыены снахытыз еиҧш. — ҳа иҳәеит иҳәеит. Сттынжәга амца шынахасцаз еиҧш ацәмса амца ак'уп, иакын ҳа иҳәеит иҳәеит. — Сттынжәга аакусхын, абырқьхәа сахо, сҽаасхт.—ҳа аниҳәа иҳәеит, агуараҳәа иҳәеит, акуаб ашра иҩалагт иҳәеит. — Ари еиҧш сакушәт, абасгьы сыхьт, абант ахҩыкгьы изкутәоу аекуагьы са соуп изхылц, абри еиҧш сакушәт, — ҳа иҳәеит иҳәеит.

Акуаб агуараҳәа ишит иҳәеит».

Эпизод II «...идя я присел на бревно, пень, там, где валялось свалившееся дерево, и ружье свое приставил [к бревну], и посох свой воткнув
[в землю] и когда в трубку
свою, зажегши кремнем, трут заложил в свою трубку, что-то черное, какая-то птица летела, впереди меня была одна река, была река, прилетела к реке, окунувшись вышла вся белая и улетела, — так говорит говорит».

Эпизод 2. «Ааи иабахуа, эта удетела [став] белой, как это случилось, — подумал я, пришел я и, окунувшись, стал девушкой, — так говорит говорит. — Когда я стал девушкой, — так говорит говорит, — что я буду делать, бесцельно отправился и шел, встретил одного царя, меня привели к нему домой, когда меня увидели, сказав: «Именно такую девушку мы хотим», сделали меня в жены царевичу, — так говорит говорит. — Пока было у царевича трех сыновей я родила, — так говорит говорит, — они стали людьми (выросли), — так говорит говорит».

Эпизод 3. «— Опять вспомнил то, что со мной приключилось когда-то и возвратился пришел обратно, к той реке пришел, окунувшись в воду, окунулся, — так говорит говорит, — стал я конем, кобылицей, — так говорит говорит. — Бесцельно направился и пошел, попал туда, где был царский табун (где были царские кони), был там среди них, — так говорит говорит.

— Там трех жеребят (меринов) я родил, — так говорит говорит. Подобного всем трем коням не было, такими они стали, — так говорит говорит. — Если то ложь (что я говорю), так говорит говорит, сидя на этих трех конях, парни, рожденные мною, придут сюда сейчас глядите, — так сказал говорит, и те верхом на конях явились туда, — так говорит говорит.

— Это те, которых я родил, так говорит говорит».

Эпизод 4. «После того опять я вспомнил еще и пришел к той реке, — так говорит говорит. Пришел к реке и, опять в воду окунувшись, перекувыркнувшись, — говорит, — стал таким, как и раньше человеком,—так говорит говорит. «Ааи иабихуа, теперь это здесь со мной приключилось, посмотрю-ка, что есть там, где свои вещи оставил,»—подумав, пришел к тому бревну, на котором я сидел—так говорит говорит, — ружье мое там приставлено [к бревну], посох мой там воткнут [в землю], мясо мое такое же, как и было в тот день, когда я его оставил, — так говорит говорит. В трубке, грут горит так, как я ее зажег, — так говорит говорит.

— Подобрав свою трубку, дымя ее, покуривая, направился сюда, — когда сказал так говорит, шипя говорит, котел стал кипеть, говорит.

С подобным я столкнулся, и такое со мной приключилось и тех трех [парней] и коней на которых

они сидят, родил я, вот с подобным я столкнулся, — так говорит говорит.

Котел, шипя, вскипел говорит».

Повтор 6 (см. Повтор 6 в Таблице 1)

Эпизод 1 «...даанны акпы ауахуаҩы икуацгьы ныкуцаны, ишәаҳ-кыдыргыланы, ылабыҷашьа лыцаргыланы, иттынжәгә леиԥацаны амца шахеиԥоз, иааиҷеиҳ'уан еиԥш аиҳа ԥҵаатә даанн еикуацәаза иҟаз аҳы аеылтнашьын,— дад, — ҳа иҳәеит иҳәеит. имшкуакуаза ицеит».

Эпизод 2 «Уи анызба, саргьы снеин, сеааилыхны аҳы санылтала, сыԥхәызбаха саакалт,—ҳа иҳәеит иҳәеит.— Сыԥхәызбаха саныкала, сҷынасхан сышнеиуаз ах ашта сакушәт,—ҳа иҳәеит иҳәеит.—Уа амацуцәа азҟабцәа ааин, санырба, — Абас зҟабк абра дааин дгылоуп, — аныохәа, — Арахь даажәга, — ҳа иҳәан, снарган, сахьнарраз, ах иԥхәысгьы иарга сеилаҳаит, тацас сыртаххит, рычкун сиртт,—ҳа иҳәеит иҳәеит. — Убра хфык аԥацәа схылпт, — ҳа иҳәеит иҳәеит.

— Урт анысааза...»

Эпизод 3 «... ашьтахь исгуалашәеит ани аҳы, — ҳа иҳәеит иҳәеит. Сеаасхан аҳы аеы саани, адырфагь аҳы сеитаталт, — ҳа иҳәеит иҳәеит. Аҳы сантала ашьтахь, санытала, сеанха сыртытт,—ҳа иҳәеит иҳәеит.— Иҟасцаноз, сеын, сыгуруаза адәы сныкулан сышнеиуаз ах иекуа срыкушәт,—ҳа иҳәеит иҳәеит.—Иекуа санрыкушәа уа срылан, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — Убра исхылпт х-алашак,—ҳа иҳәеит иҳәеит.—Урҵ ехит, — ҳа иҳәеит иҳәеит. — Ирбжьеит сыцкунцаа исхылцыз,—ҳа иҳәеит иҳәеит,—нехеит,—ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 4 «Сара исгуалашәеит адырфагь ани аҳы сахьталаз,—ҳа иҳәеит иҳәеит. Саагьежьын саани, аз сеаатысшьын санылтала, анкьа сышуафыз еиԥш абыржәы сшыжәбо саакалыит, «иабихуац санышәарыцоз сыматәакуа ахьыҟаз, иахьынсыжьыз ныҟазар збап» ҳа саннеи, сттынжәга амца шакыз иакын,— ҳа иҳәеит иҳәеит. — Скуац уа икун, сшәакь уа икыдгылан, слабышьа ыҟан, сттынжәга аакусхын ианаасҷаск,—ҳа иҳәеит иҳәеит, аху—хуарахәа иҳәеит,—иаасҷаскт, сахон, аттынжәга анаакусх, иаакусхын сахон.

— сендарагы аашьтысхт, ешәакыгы слабышьагы аашьтысхын, нас аоныка саеит, ҳа иҳәеит иҳәеит.

— Аҳни атәынҳаа аиаакуск нахыс акуац, — иҳәеит, — шуат, — ҳа иҳәан иҳәеит азы аху-хуараҳа иҳәеит акуаб агуарахәа ишит иҳәеит».

Эпизод 1 «...подошел и положил на бревно, пень и свое мясо, и ружье свое прислонил (приставил) [к бревну] и посох свой воткнул [в землю], заложил в свою трубку табак и зажег огнем, только прикурил, как та п т и ц а, которая была черная, прилетела, и, окунувшись в воду, дад, говорит говорит, — улетела (став) в с я б е л о й».

Эпизод 2 «— Когда то увидел, я пошел, разделся и, окунувшись, стал д е в у ш к о й, — так говорит говорит.

— Когда я стал девушкой, я отправился и шел, как попал в царский д в о р, — так говорит говорит.

— Там пришли его служанки, девушки, когда меня увидели, сказали: — Вот так, какая-то девушка пришла и стоит здесь. — Приведите ее сюда, — сказал и привели меня, когда привели меня, я понравилась и царю, и его жене, пожелали иметь меня невесткой, отдали меня [в жены] своему сыну — так говорит говорит. — Там трех с ы н о в е й я родил, — так говорит говорит.

— Когда я их воспитал...»

Эпизод 3 «...потом я в с п о м н и л ту реку, — так говорит говорит.

— (Я) отправился и пришел к реке и о п я т ь окунулся в воду, — так говорит говорит.

— После того, как окунулся в воду, окунувшись, я в ы ш е л к о б ы л и ц е й, — так говорит говорит.

Что бы я сделал, бесцельно бродил и шел по полю, как попал к царским к о н я м, — так говорит говорит.

— Когда я попал к его коням, был среди них, — так говорит говорит. Там я родил трех ж е р е б я т (меринов), — так говорит говорит. — Они выросли коней, — так говорит говорит. — Их объезжали мои сыновья, которых я там родил, — так говорит говорит. — Выросли в коней, — так говорит говорит».

Эпизод 4 «Я в с п о м н и л о п я т ь ту реку, где я окунулся, — так говорит говорит. Повернулся и пришел, окунувшись в воду, когда вошел (окунулся) в воду, стал

человеком, как и раньше, каким вы видите сейчас меня. «Иабихуац, посмотрю-ка, есть ли мои вещи там, где я их оставил, когда охотился», подумал я, пришел (и вижу): трубка моя так же зажжена, — так говорит говорит.

Мясо мое там лежало, ружье мое там было прислонено (приставлено) [к бревну], посох мой был, подняв свою трубку, прикурил, — так говорит говорит, аху-хуарахэа, говорит прикурил, курил, когда трубку свою поднял, курил, и ношу свою поднял, и ружье свое, и посох свой поднял, потом пришел домой, — так говорит говорит.

— С тех пор, как я сказал «поднял трубку свою», мясо [в котле] кипит, — так сказал говорит, вода, шипя, говорит, котел вскипел говорит».

Повтор 7 (см. Повтор 7 Таблицы 1).

Эпизод 1 «Дуахуакаҿ сыҧсы сшьоҭ ҳа снықутәан, сыттынжэга ааицатцаны амца нахасцт, — ҳа иҳәеит иҳәеит, аихамца ааихьшьны ацәмса амца аркны инахатцаны, иаасҳаск уаны еиҧш ҧ с а а т ә к шкуакуаза **иааин** саҧхьаҟа иласкьаган азы ыҡан, а б н и **азы иаатәалан**, аетначшьаҭ, амни аҧсаатә, еиқуатцәан иапаайуаз, ианцуаз **ишкуакуаза иоҭыҧрааны ицеит,—**ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 2 «Ишкуакуаза иоҭҧрааны ианца «иабихуац абни закуэи избапи» ҳа слеин, **с а р ґ ь ы** ани **азы санынтала. с ы з ҕ а б ҳ е и т,—**ҳа иҳәеит иҳәеит.

— Икасцозеи, сеынасхан сшнеиуаз, **аҳык и а ш ґ ә** сцанагалт, сакушәт ах аа имацуцәа иреиуаз азҕабцәа сырбан «абасоуп зҕабк даанит» анырхәа, снаргт, аҳгьы аҳкуажәгьы сыґуаҧхеит, **рычкун** дыкан, **сиртт**, симан, **х-ыык а ҧ ә ц ә а** сҳылцт,—ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 3 «**У и а ш ь т а х ь и с ґ у а л а ш ә а н** дыҩ**р а г ь азаеы** саан сеантысшь, **с е а н х т. Д ы ҩ р а г ь** ах **и е қ у а** срыланагалт, убра **а е қ у а** сҳылцт **х-ы к**, иалашақуан,—ҳа иҳәеит иҳәеит. Сычкунцәа абант аекуа бжьаны ирықутәан, даргьы уаахыит аекуагьы ехыит, ҳа иҳәеит иҳәеит.

— Абнеи, иҳәо мцызар, аекуа исхылцыз ирықутәоуп сычкунцәа, абант сы истәоуп, исхылцыз роуп, — ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 4 «А-ашьтахь ентасгуалашәаи, сҽаасҳан, аи азаҽы саанхын сеанаатысшь абыржә сшыҟоу еиҧш анкьа сшышәарыцоз еиҧш сҟалыит, санаакала ани акуац егьи ахьышьтасҵаз саннен, скуацьы уа икун, сшәақьгьы уа икыдгылан. Нас ... сттынжәгагь аакусхит иаанаасҽаск, — ҳа иҳәеит иҳәеит. агугуараҳәа, — сах'уа сҽаасхт, — агуараҳа акуабгьы ааашит иҳәеит. Ахуара-хуараҳәа акуаб шуа иалагт иҳәеит. Итҭынжәга ааиҽакны, акуацгьы дсаҵаланы иҳәеит, ишәақьгьы ихуда иаахшьны, илабашьа аанкыланы иҳәеит, абас аҩныка саанит, — ҳа иҳәеит иҳәеит, Ажәала акуаб иршит».

Эпизод 1 «...решив отдохнуть, я присел на один пень (одно бревно), заложил огонь в трубку, — так говорит говорит... кремнем зажегши трут, заложил туда и только прикурил, одна птица, вся белая, прилетев, впереди меня ниже была река, войдя в ту реку окунулась, та птица, когда летела, она была черная, когда улетела, вылетела из воды и улетела, вся белая — так говорит говорит».

Эпизод 2 «Когда она улетела (став) белой, я подумал «Йабихуац, что это такое, посмотрю-ка», пошел, окунувшись, и я стал девушкой, — так говорит говорит.

— Что бы (с)делал, отправился, как шел, забрел в один царский двор, попал, к царю, а, девушки, служанки увидели и доложили, что пришла одна девушка, меня привели, и царю, и царице я понравился, сын их был, меня отдали ему (в жены), я родил трех сыновей, — так говорит говорит».

Эпизод 3 «— После того, вспомнив, я опять пришел к реке, окунувшись я стал кобылицей. Опять попал к царским коням, там я родил жеребят, трех коней, алаша, — так говорит говорит.

— Мои сыновья объездили и сидели на тех конях, и они стали людьми (выросли), и кони стали конями (выросли), — так говорит говорит. — Если то, что я говорю, — ложь, то вот на тех, рожденных мною, конях сидят мои сыновья, вот те — мои, это (они) — те, которых я родил (родились от меня), — так говорит говорит».

Эпизод 4 «Пото-ом, опять вспомнив, я отправился, опять пришел к той реке, окунувшись, я стал таким, какой есть сейчас, каким охотился когда-

то, когда стал, пришел туда, куда я положил то свое мясо и прочее; и мясо мое там лежало, и ружье мое было приставлено (прислонено) [к бревну]. Тогда... подобрал и свою трубку, прикурил, —так говорит говорит, — бурля, покуривая направился сюда, — бурля, вскипел котел говорит. Шипя (ахуарахуараха), котел стал кипеть (вода в котле стала кипеть) говорит... Покуривая свою трубку, взвалив на себя свое мясо, говорит, перевесив свое ружье через плечо, взяв свой посох, говорит, так я пришел домой,—так говорит говорит. Словом заставил котел вскипеть».

Повтор 8 (см. Повтор 8 в Таблице 1)

Эпизод 1 «...«...сс'ааиуаз, уахуак аҷы сааин сыҧсы сшьуан.

Ауахуаҷы ани сыцьма исшьызгьы уа иныкустцт сиадара. Агьи, сшәакьгьы илкыдыргыланы, слабы шьагь уа иларсны, сытатыныжәга, азна ататын лыкастцан, ацәымса амца аркны инахатцаны, иааныскыло, иаасҷаск'уан еиҧш, санҧшы, саҧхьака зыхьк ыкан, азыхь аҷ **ҧсаатәк ааин**, иеикуатцәан, иааиз аҧсаатә, **азы аеынылтнашьы, ишкуакуаза** иныкалан **ицеит».**

Эпизод 2 «Иабахуа абри закузи, абри (и)ашкуакуахан ииуа зеиҧшрахо збапи» хәа слеин, **азы** сеылтысшьт **саргьы** ха иҳәеит иҳәеит. «**Азы** санылтала, **саргьы** убас скалыит, **сызбаб** бзиаха саакалт.

Нас, ант сыматәакуа, сшәакь егьи, аа, слабышьа скуац, абаказ, уртгьы аасхаштт, сыгугуаза сызбабы амса снықулт. Ана-ара, ана-ара, ана-ара **сыс'неиуаз, хьшьцәакуак** срыкушәт. Ахьшьцәа санрыкушәаҳы бзиак дыкан, иҧа бзиакгьы дыкан, ант санрыкушәа нас, исыцхраан, енак «абас збабк дхамоуп» аныҳәа, «ара даажәа» иҳәеит ах. Срыма реынархан, ах иеы снарт. Саннарга, ах.., акыр сыкан. Кранаат егьи, ах иҧхәысгьы иаргьы сыргуаҧхеит, тацас, рычкун сирт. Рычкун сахьиртаз, хоык аҧацәа схылцит. **Убырт саазеит**, рхы иахууа имҧсратәы икалыит».

Эпизод 3 «**Иаасгуалашәан, амни сызкушәаз аҷы сҷаасхаа амни азаҷы сааин азы**

Азы санеитаталах, **сеаиҳа. слыкалт, сеанхг.** Нас, икасцах'уан **дырагь** сыгугуаза сҷынасхан сышнеих'уаз ани ах иуаҟьад ахыказ срыкушәхт.

Убра халашак схылцт. **Хеык** схылцт алашаны. **Убыртгьы саазеит».**

Эпизод 4 «Уҩра аиьтахь, убартгьы анысааза аишьтахь, ентагуалашоахт абни азы.

Сзаҷы снеит, сантацахт. Снеин азы сеаҧлалысшь, азы сашьятала, анкьа сакуаҷыз санышэарыцоз еиҧш сҟалыит.

Нас ани сыматэакуа ахьынсыжьыз, сшэакь, скуац, слабышьа, ахьынсыжьыз, саннен, рызынтэык еиқушашэа ауахуа иқуын иҳэеит.

Ауахуаҷы иахьыкуз, сыттынжэга амца шынахастцаз еиҧш нахан, иаакухны иаасҷаскт, абырқьҳэа аттын сажо сынасхеит. Скуацгьы аашьтысхт, слабышьагь аанкыланы, сеиханы сфагылт» ҳэа аниҳэоз аамтазытцэкьа, аху-хуараҳа акуаб, ашра иалагт.

«Абас сакушэт, игуашэт имцызар» иҳэеит. Ахуарахуара-хуара-хуараҳа, акуаб шуан».

Эпизод 1 «...я шел и на одном бревне отдыхал.

На бревно я своего того ноитого козла там положил, ношу свою. Далее, и ружье свое там приставил [к бревну], и посох свой там воткнул [в землю], трубку свою доверху набил табаком, заполнив ее, зажег трут и заложив в нее, держал, только закурил, как вдруг, когда вперед глянул, впереди меня была река к реке прилетела одна птица, она была черная, прилетевшая птица, окунувшись в воду, стала вся белой и улетела».

Эпизод 2 «Иабахуа, что это такое, как она улетела белой (став), посмотрю-ка» подумал я и придя туда, и сам окунулся в воду» так говорит говорит. «Когда окунулся в воду, и я стал таким, в хорошую девушку превратился.

Потом, про мои вещи, ружье мое, прочее, аа, посох мой, мясо мое кто вспомнил бы, и их забыл, был девушкой, бесцельно пошел по дороге. Туда-сюда туда-сюда, туда-сюда и, таким образом, попал к эдним пастухам.

Когда к пастухам попал, один хороший царь был и у него хороший сын был, когда к тем [пастухам] попал, потом они мне помогли, и однажды «Вот так, у нас есть одна девушка» — сказали царю. — «Приведите ее сюда», — сказал царь. Они отправились со мной и привели меня к царю. Когда привели, царь... долго была. Когда прошло много времени, я и царице, и царю понравилась как невестка, они меня своему сыну отдали [в жены]. Когда сыну меня отдали [в

жены], я трех сыновей родила. Их воспитала, они уже и сами могли себе помочь, не умерли бы (подросли)».

Эпизод 3 «Вспомнила я то, где со мной такое приключилось, отправилась и придя к той реке, опять в воду окунулась.

Окунувшись опять в реку еще раз, я превратилась в кобылицу. Потом, что бы я стала делать опять бесцельно отправилась и шла, опять попала в табун того царя.

Там трех меринов я родила.
Трех коней родила, меринов.
И их я воспитала».

Эпизод 4 «После этого, когда и их (жеребят) воспитала, опять я вспомнила про ту реку.

К реке своей пришла, опять я к ней пошла. Пришла я и, окунувшись в воду, окунулась в воду, я стала таким же человеком, как и раньше, когда охотился. Потом, когда пришел туда, где оставил те свои вещи, ружье, свое, мясо свое, посох свой, все они, нетронутые, на бревне лежали говорит.

На бревне лежали, трубка моя горела как тогда, когда я заложил в нее огонь, поднял ее и закурил, с дымком покуривая табак, я пошел. И мясо свое поднял, и посох свой подобрав, поднялся», когда он произнес это, котел с шумом в то самое время вскипел.

«Вот так со мной приключилось, проверьте если это — ложь» сказал. Ахуара-хуара-хуара-хуара, — так котел кипел».

ТАБЛИЦА 2. ПОВТОРЫ ИЗ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЕЙ СКАЗКИ «МРА-ЛҨА АХМАТ, МЗА-ЛҨА АХМАТ, АПСУА ГУАШЬА-ЛҨА АХМАТ, АПСУА АХМАТ», ОТ СКАЗИТЕЛЯ КОЛБАЯ Х. М. (с. АБГАРХУК).

Повтор 1 (из записи, сделанной 17 июня 1972 г. Зухба С. Л.; Зухба, 46-53)

Эпизод 1 «Еиманы рҽаархеит аҧшьҩыкгьы — Аҧсуа Аҳмаҭгьы, Мра-лҧа Аҳматгьы, Мза-лҧа Аҳматгьы, Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Аҳматгьы.

Арҭ еицны ишнеиуаз аҳак иашҭа иакушәт. Абри зыҟны инанагаз аҳ наштаҷы ажәлар еизаны игылоуп.

— Иҟоузеи, ара шәеизаны шәзыҟоузеи? — ҳәа ицааит арҭ. Ианытцаа,изызцааз ус рарҳәеит:—Абри аҳ иҧҳа амацәаз кыдуп, еихысуеит, еихысны икыдыршәаны ишлеиуа асаара инамышьҭкуа изкыз, аҳ иҧҳа диитоит. Убри азы еизеит ажәлар, ахысра иаҷуп арҧарцәа бзиакуа, аха макьана азгьы ахысымта амацәаз иакумшәацт.

— Ус акузар, азин сышәт, схысуеит, — иҳәеит Аҧсуа Аҳмат. Ахыора азин иртеит. Длатәан атцыкьҳәа иаатирҟьаз, амацәаз ахьknаҳаз нааирхан излакнаҳаз арахуц аапҵәаны илашьҭны амацәаз асаара икашәааншза днатцаххын иааникылт.— Уаа, ҳҧы бзиа, разҟы бзиа анцәа иуитаait, Мра-лҧа Аҳмат! Мра-лҧа Аҳмат, ҧҳәыс дуоуит,— иҳәан амацәаз Мра-лҧа Аҳмат иитеит, нас «маҳә дуоуит» рҳәаан, ачара иуит ах, исасцәа ирыкунагаз ала инықуигеит. Арҭ атаца даашьҭыхны еиманы уа икутцны идәықулеит».

Эпизод 2 «Уа икутцны ишнеиуаз акумкуа, даҽаацьара аимтахара аҟаны ирбеит. — Ара иҟоузеи? — ҳәа Аҧсуа Аҳмат иҩызцәа ицны длеин дазцааит.—Абратәи аҳ иҧҳа хатца дишьҭыр итахыуп, ажәлар ирылеиҳәеит «амацәаз кыдыстцоит, еихысны икыдыршәаны цаҟа икашәааншза иаамтцасны иаанызкыло, сиҧҳа дистоит» иҳәеит. Арҧарцәа бзиакуа еизаны рынасыҧ ҧыршәоит, аха макьана азәгьы амацәаз изкыдмыршәац, — рҳәеит Аҧсуа Аҳмат дзызцааз.

— Азин сышәҭозар, саргьы схысуан, — иҳәеит Аҧсуа Аҳмат. Азин иртан, атцыкь ҳәа даахысын, цаҟа икашәааншза амацәаз дҩацаххны икны инаганы иитеит Мза-лҧа Аҳмат.

— Ахьызгьы угымзааит, аразкы бзиагьы умазааит,

ари уара дутәуп, **Мза-лԥа Аҳмат!** —иҳәан **уи аҳ иԥҳа диитеит.**

Уи аҳгьы «амаҳә дсоуп» иҳәан дгурҧьан **ачара** ду **иуит** егьит.

Ачара ашьтахь арҭ ртаацәагьы **аашьтыхны** енманы **рԥынархеит».**

Эпизод 3 **«Ишнеиуаз** акумкуа **даҽаԥьара** ажәлар езаны **иахьыҟаз иақушәт.**

— **Ара иҟоузеи,** шәзеизазеи? — иҳәан **Аԥсуа Аҳмат** дразтцаанит еизаны игылаз.

— **Аҳ амацәаз кыдитцеит, еихсны икыдԥааны, цаҟа икашәааныа иатцаххны изк'уа иԥҳа диитоит,** — рҳәеит **дзызтцааз.**

— Ус акузар азамана, ибзиоуп. Аҳ азин **ситозар, саргьы схысуеит,** — иҳәеит **Аԥсуа Аҳмат.**

— Азин зуимтозеи, уара акры узыҟацозар, — рҳәеит изаҳауаз. **Азин иоут.** Уаҟагьы **ацықь хәа амацәаз** ахьыкнаҳаз дааихсын излакнаҳаз арахуц **иаамиршәан цаҟа икашәааныа,** дыҩны днеин, **днатцаххны иааникылт.** — **Уа рызкы бзиа умазааит. Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Аҳмат!** Аԥҳәыс дуоут, ари уара дутәуп. Лареи уареи шәеигымзаайт! — иҳәан Аԥсуа Аҳмат **уи иԥҳагьы Аԥсҳа Гуашьа-лԥа Аҳмат диитеит.** Аҳгьы ачара **рзиуит,** крырфеит, иччеит, ихумарит, икуашеит. **Уи аҳ иԥҳагьы даашьтырхын** зегь **еиманы иныкуцит».**

«...стахар ҟалоит. **Стахозар, есышьжьымтан шәаныҩагылалакь, шәҿызәзәа-шәнапызәзәа шәмацәазкуа ишәыстаз рыла** ахьтоу **шәнарыхуаԥшла, доус иумоу амацәаз ала ашьа аныҩхыжжуа ас-ны сыҟам ауп иаанаго. Акыр шәылшозар, убри** аены **шәсышьтал, — ҳа Аԥсуа Аҳмат ус иҩызцәа иреиҳәеит».**

Эпизод 1 **«Отправились вместе все четверо:** и Апсуа Ахмат, и **Мра-лпа Ахмат, и Мза-лпа Ахмат, и Апсха Гуашьа-лпа Ахмат.**

Эти шли вместе и **попали к царскому** двору. Во дворе у царя, к которому они попали, **собралось** и **стояло много народу.**

— **В чем дело,** зачем вы здесь? — спросили эти. Когда спросили, те, **которых спросили, сказали так:**

— **Подвешено кольцо дочери** этого **царя,** в него стреляют, **кто выстрелом сумеет сбить** и **поймать** его, **прежде чем оно упадет наземь, царь отдаст свою дочь** [в жены]. Поэтому собрался народ. Продолжают стрелять добрые молодцы, но пока никто не попадал в кольцо.

— Если так, дайте разрешение, выстрелю, — сказал Апсуа Ахмат.

Дали разрешение выстрелить.

Пущенная им пуля со свистом попала туда, где висело кольцо, оборвало нитку, на которой оно висело; он побежал и поймал кольцо, прежде, чем оно упало наземь.

— Уаа, да дарует тебе бог доброе имя, доброе счастье, Мра-лпа Ахмат, Мра-лпа Ахмат ты получил жену, — сказал и отдал кольцо Мралпа Ахмату. Потом сказали (люди царю) «ты получил зятя», царь сыграл пир, (угостил) обошелся со своими гостями, как им подобалось.

Эти, вчетвером, забрав невесту, вместе двинулись туда и отправились в путь».

Эпизод 2 «Уйдя оттуда, они шли, как увидели сбор в другом месте.

— В чем здесь дело?—спросил Апсуа Ахмат, придя туда со своими друзьями.

— Здешний царь хочет отдать дочь в жены, он объявил народу: «Я подвешу кольцо, тому, кто сумеет выстрелом сбить и поймать его прежде, чем оно упадет наземь, отдам свою дочь [в жены], сказал. Добрые молодцы собрались и пытают свое счастье, но пока никто не сумел сбить кольцо, — сказали те, которых Апсуа Ахмат спросил.

— Если дадите разрешение, и я бы выстрелил, — сказал Апсуа Ахмат.

Дали разрешение.

Выстрелив со свистом, он подбежал и поймал кольцо, прежде чем оно упало наземь, и отдал его Мра-лпа Ахмату.

— Да не лишишься ты доброго имени, да не лишишься ты доброго счастья, эта — твоя, Мза-лпа Ахмат! — сказал и отдал дочь того царя Мза-лпа Ахмату.

— И тот царь, сказав «я получил зятя», обрадовавшись, сыграл большой пир и прочее.

После пира эти, забрав своих невест, вместе отправились в путь».

Эпизод 3 «Они шли и попали в другое место, где, собравшись, стоял народ.

— В чем здесь дело, зачем вы собрались? — спросил Апсуа Ахмат у собравшихся.

— Царь подвесил кольцо, тому, кто сумеет выстрелом сбить и поймать его прежде, чем оно упадет на-

земь, он отдаст свою дочь [в жены], — сказали те, которых он спросил.

— Если так, ладно, хорошо. Если царь даст разрешение, и я выстрелю, — сказал Апсуа Ахмат.

— Как не даст разрешение, если ты сможешь что-либо сделать, — сказали те, кто слышал.

Получил разрешение.

И там, выстрелив со свистом туда, где висело кольцо, оборвав нитку, на которой оно висело, подбежал, прежде чем оно упало наземь, подхватил его.

— Уа, да будет тебе доброе счастье, Апсха Гуашьа-лԥа Ахмат! Ты получил жену, эта — твоя, да не разлучитесь вы с нею, — сказал Апсуа Ахмат и отдал дочь итого (царя) Апсха Гуашьа-лԥа Ахмату.

И царь сыграл им пир, поели, попили, посмеялись, поиграли, потанцевали.

Забрав и ту царевну все вместе двинулись в путь».

«— ...могу погибнуть. Если я погибну, каждое утро, как встанете, помыв руки, лица, поглядывайте на кольца, которые я вам дал; если в глазке кольца каждого из вас появится кровь, это значит, что меня нет (в живых). Если вы что-нибудь можете, в тот день отправьтесь за мной, — так Апсуа Ахмат друзьям сказал»[1].

Повтор 2 (из записи, сделанной автором 20 августа 1977 г.)

Эпизод 1 «Аԥсуа Ахматғьы, Мра-лԥа Ахматғьы, Мза-лԥа Ахматғьы, Аԥсха Гуашьа-лԥа Ахматғьы — рыԥшьоыкгьы ныкуара ицеит.

Ишнеиуаз аҳак иԥҳа ауаа лышьтан лмацәаз кыдцан еихсуан «лмацәаз кыдызх'уа дистоит» ҳәа, дирҭаран икан, иакушат.

— Изакузеи икози? — анырҳәа.

— Абасоуп икоу, аҳ иԥҳа лмацәаз кыдцан еихсуеит, идыдзыршәо дирҭоит, — рҳәеит. Аԥсуа Ахмат акыԥҳәа днатәан ишәакь ааихкуыцәаа дааихсын амацәаз аакыдиршәеит.

— Оо, хьзы бзиа уоуаанит, аԥҳәыс дуоут, — иҳәан Мра-лԥа Ахмат икуиршәт. Уи азҭаб уи дынитаны — амҩа укуланы уца, ари амацәаз икыдухыз умырзын, иумбаз, ала уанылахуаԥшлакь сантах'уа ашьа аахыжжылоит, акыр улшозар убасҟан усышьтал, — ҳәа иаҳәан ддәыкуицеит иҳәеит».

---

[1] Эта часть является как бы общей для всех трех эпизодов и завершает повтор.

Эпизод 2 «Дшьнеиуаз иҳәеит ишнеиуаз егъырт рыхфык иҳәеит дағацьара иакушәт, убрагьы аҳак иҳәеит иҧҳа лмацәаз кыдцаны еихсуан, уигь икыдзыршәо диаҳтоит ҳәа иҳәеит.

— Изакузеи, икоузеи? — Абас-абас, —аныҳәа, днеин Аҧсуа Ахмат длатәан дааихсын амацәаз лкыдиршәеит. Амацәаз лкыдиршәан наанкылан афакьаҳәа инаганы Мза-лҧа Ахмат икуиршәт.

— Уара!

— Аа!

— Аҧҳәыс дуоуит, думан уца ушьтахька абри амацәаз иустаз умырзын, алакыца, есышьжьымтан ала улахуаҧшла, ашьа аахыжжылозар стахоит, акыр улшозар усышьтала, — ҳәа еиҳәт иҳәеит».

Эпизод 3 «...Аҧсха Гуашьа-лҧа Ахмати иареи рынархан амоа иныкулт иҳәеит. Ишнеиуаз дағацьара еа аҳак иҧҳа лмацәаз кыдцан еихсуан иҳәеит.

— Уара икоузеи?

— Икоузеи, абас ауп, абри амацәаз кыдзыршәо диаҳтоит.

Ибзиоуп. Аҧсуа Ахмат дааихсын амацәаз кыдиршәт. — Хьыз бзиа уоуааит, лыхир убаит. аҧҳәыс дуоут» — ҳа иҳәан иҳәеит имацәаз Аҧсха Гуашьа-лҧа Ахмат иныкуиршәт иҳәеит.

— Уара шьта угьежьуеит, уҧҳәыс думаны нак уца, абри амацәаз умҧумхын, иумҧазааит, ессышьжьымтан алакыца уцаҧшла, ашьа аахыжжылозар стахит, акыр улозар усышьтала, — ҳа иаҳәаны уигьы ддәыкуитцан дцеит иҳәеит».

Эпизод 4 «...Апсуа Ахмат, и Мра-лпа Ахмат, и Мза-лпа Ахмат, и Апсха Гуашьа-лпа Ахмат — все четверо отправились в путь.

Они шли, как вдруг попали туда, где стреляли в кольцо дочери одного царя, желая на ней жениться, а ее должны были отдать [в жены] тому, кто собьет ее кольцо.

Когда они спросили:

— Что здесь?

— Вот так, подвесили кольцо царевны и стреляют в него, ее отдадут в жены тому, кто собьет, — сказали.

Апсуа Ахмат, тут же присев, скинул с себя ружье, выстрелил в кольцо и сбил его.

— Оо, да будет тебе доброе имя, ты получил жену, — сказал и кинул его в Мра-лпа Ахмата. Ту девушку отдав тому:

— Отправляйтесь в путь, это кольцо, которое сбил. не теряй, носи, когда я погибну, в его глазке появится кровь, если ты посмотришь, если ты сможешь что-нибудь, тогда отправься за мной,—сказав, отправил его, говорит».

Эпизод 2 «Как шел говорит, как шли остальные трое говорит в другое место попали, и там говорит кольцо дочери одного царя подвесили и стреляли опять, и ту отдавали [в жены] тому, кто его собьет говорит.

— Что здесь?

— Вот так и так, — сказали, тогда Апсуа Ахмат, присев, выстрелил в кольцо и сбил его. Сбил кольцо и, поймав, сразу кинул его в Мза-лпа Ахмата.

— Ты!

— Аа?

— Ты получил жену, забери, если отправляйся назад, не теряй это кольцо, которое я тебе отдал, осматривай глазок, глазок его каждое утро, если там появится кровь, я погиб, если можешь ты что-нибудь, отправься за мной, — так сказал ему говорит».

Эпизод 3 «...Апсха Гуашьа-лпа Ахмат и он отправились в путь говорит. Как шли говорит в другом месте стреляли в подвешенное кольцо дочери другого царя говорит.

— Ты, что здесь?

— Что да вот так, отдадим ее [в жены] тому, кто собьет это кольцо.

Хорошо Апсуа Ахмат, выстрелив, сбил кольцо.

— Да будет тебе доброе имя, да увидишь ты ее благополучие, ты получил жену, — так сказав, говорит, кольцо свое в Апсха Гуашьа-лпа Ахмата кинул говорит.

— Ты теперь возвратишься, возьми свою жену и иди туда (обратно), не снимай это свое кольцо, носи, каждое утро смотри на глазок, если в нем появится кровь, я погиб, если ты что-нибудь можешь, отправься за мной, — так ему сказав, отправил и того, тот ушел говорит».

Повтор 3 (из записи, сделанной автором 14 августа 1978 г.)

Эпизод 1 «Аҧсуа Ахматгьы, Мра-лҧа Ахматгьы, Мза-лҧа Ахматгьы Аҧсха Гуашьа-лҧа Ахматгьы рыҧшьоыкгьы еиманы амоа иныкулт. Амоа икулан ишнеиуаз ахак иҧха аманс лмацааз кыдцан еихсуан. Ишнеиуаз акумкуа, иахьнеиз:

— Изакузеи?

— Абас ауп икоу, — анырхэа, Апсуа Ахмат длатэан даанхсын амацэаз лкыдиршэеит. Илкыдиршэан даацаххны иаанкыланы иршэны Мра-лҧа Ахмат иникуиршэт амацэаз. Ианикуиршэ, уи Мра-лҧа Ахмат диитан ддэыкуитцан дцейт ҧхэыс диманы».

Эпизод 2 «Арт рытэнк еиманы ишнеихʻуаз даеацьарэх. даеа ахак иҧха дкыдцаны, лмацэаз кыдцаны еихсуан, иныдзыршэуа диитуаит ха. Уа ишнеиуаз, уи деитахысхын уа ианнеи, амацэаз лкыдиршэеит. Амацэаз лкыдиршэан, Мза-лҧа Ахмат икуиршэт.

— Аригьы уара думан уца, — ихэан уи диитан. Мза-лҧа Ахмат дигеит».

Эпизод 3 «Еиташнеиуаз даеа ахакх икушэт даеа қытак аҷы. Ах иахьиқушэаз ах иҧха лмацэаз кыдцаны еихсуан.

— Ари закузеи? — аниҳэа

— Изакузеи, асоуп абри лмацэаз кыдызхʻуа диитоит, — рҳэеит. Уигьы дааихсын илкыдыршэаны, ани Апсҳа Гуашьа-лҧа Ахмат икуиршэын уигьы уи диитан диман дцеит».

«Ус реиҳэуан иара:

— Иныкузаалак абри амацэаз ала ахьтоу унлахуаҧшлакь. ашьа ахылоазар ианааныубалуа аамтазы стахоуп, убасҟан акыр шэылшоазар шэсышьтал, — ха реиҳэуан».

Эпизод 1 «И Мра-лпа Ахмат, и Мза-лпа Ахмат, и Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, и Апсуа Ахмат вчетвером вместе отправились в путь.

Они шли по дороге, один царь отдавал свою дочь [в жены] тому, кто собьет подвешенное кольцо, и в него стреляли. Как шли, пришли туда.

— Что такое?

— Вот так, — сказали, Апсуа Ахмат присел, выстрелив, сбил кольцо. Сбил, подбежав, поймал его и бросив, кинул его в Мра-лпа Ахмата, ее кольцо. Когда кинул в него, ту Мра-лпа Ахмату отдал и отправил его, он ушел со своей женой».

Эпизод 2 «Эти опять шли втроем, и опять в другом месте, подвесив дочь другого царя, подвесив ее кольцо,

стреляли в него, ее он отдавал [в жены] тому, кто собьет его. Пришли туда, опять он выстрелил в него, когда туда пришли, и сбил кольцо. Сбив кольцо, кинул его в Мза-лпа Ахмата.

— И эту возьми ты и иди, — сказав, отдал ту тому, Мза-лпа Ахмат ее взял».

Эпизод 3 «Опять они шли и попали к другому царю опять, в другой деревне. Там, у царя куда они попали, ... стреляли в подвешенное кольцо царевны.

— Что это такое? — спросил он.

— Что такое да вот так, ее он отдаст [в жены] тому, кто собьет вот это ее кольцо, — сказали.

Выстрелив и в него и сбив, в того... Апсха Гуашьа-лпа Ахмата кинув, отдал ему ее, и тот ушел, взяв ее».

«Так им говорил он:

— Когда-нибудь, когда посмотришь на глазок этого кольца, и если в нем появится кровь, тогда, когда ты увидишь ее, я погиб, тогда, если вы можете что-нибудь, отправьтесь за мной, — так им говорил».

Повтор 4 (из записи, сделанной автором 14 августа 1978 г.)

Эпизод 1 «...аҧшьҩыкгьы рҽынархан ишнеиуаз, аҳак иҧҳа лмацәаз кыдҭаны еихсуан, икыдзыршәо диитарц дыҟан, адунеи ажәлар еизан ани ишеихсуаз иакушәт.

— Иҟоузеи? — Абас-абас, аҳ иҧҳа лмацәаз кыдуп, икыдзыршәо диитуеит. Аҧсуа Атмаҭ длатәан дааихсны амацәаз аакыдыршәан датцаххны икын, Мра-лҧа Ахмаҭ иникуиршәт иҳәеит.

— Унасыҧ хиеит, — ҳа иҳәан иҳәеит, уи лмацәаз анкыдих Мра-лҧа Аҳмаҭ диитеит иҳәеит. Аҩныҟа игьежьны ицеит иҳәеит».

Эпизод 2 «Агьырҭ рыхҩык ишнеиуаз акумкуан иҳәеит, даҽацьара аҳак иҧҳах иҳәеит, лмацәаз кыдҭан еихсуан иҳәеит, уа иакушәт иҳәеит. Уа иахакушәаз, иахҩеиз:

— Иҟоузеи?

— Иҟоу абриоуп, амацәаз кыдызхыз диитоит, амацәаз кыдуп, — ҳа. — Дааихсын, амацәаз аакыдихын икыдыршәан иҳәеит днатцаххны иаанкылан иҳәеит, ани Мза-лҧа Ахмаҭ иитт иҳәеит, икуиршәт иҳәеит.

Уыигь уи дыниитан иҳәеит:

— Шәгьежьы шьта аҩныҟа, — иҳәан...».

Эпизод 3. «Апсха Гуашьа-лҧеи иареи рҽы нархан ишнеиуаз дағацьара аҳакх иҳәеит иҧха лмацәаз кыдцаны иеихсуан иҳәеит, уа иакушәт иҳәеит. Арагьы дааихсын амацәаз лкыдиршәан, уигь уи иниқуиршәны уигь уа дааиргьежьын...»

«— Уара шәмацәазқуа (ани аҩаҩбала напритоз иреиҳәуан), умацәаз есышьжьымҭан алакыц, алахь унахуаҧшла, ашьа аахыжжылозар, стахоуп, убасҟан усышьтал. — ҳа еиҳәон, рыхөыкгьы иреиҳәт,— акыр шәылшозар, убри аныжәбалак стахоуп, ҳа реиҳәт».

Эпизод 1 «...все вчетвером отправились, шли и попали туда, где стреляли в подвешенное кольцо дочери одного царя, он должен был отдать ее тому, кто его собьет, народ со всего света собрался и стрелял в то кольцо.

— В чем дело?

— Вот так и так, подвешено кольцо царевны, он отдаст ее [в жены] тому, кто собьет его.

Апсуа Ахмат, присев, выстрелил в кольцо и сбил его, подбежал и, поймав его, кинул его в Мра-лпа Ахмата говорит.

— Твое счастье решилось, — так сказав говорит, когда сорвал кольцо той, отдал ее Мра-лпа Ахмату говорит.

Они вернулись и ушли домой говорит».

Эпизод 2 «Остальные втроем опять шли, как вдруг говорит, попали говорит в другое место, где стреляли в подвешенное кольцо другой царевны говорит. Когда попали, пришли туда.

— В чем дело?

— Здесь так и так, он отдаст ее [в жены] тому, кто собьет кольцо, кольцо подвешено, — так (сказали).

Выстрелив в него, сбил кольцо, сбив говорит, подбежав и поймав говорит, тому Мза-лпа Ахмату отдал его говорит, кинув его в него говорит.

И ту тому отдав говорит:

— Возвращайтесь теперь домой, — сказав...»

Эпизод 3 «... Апсха Гуашьа-лпа Ахмат и он отправились и как шли говорит попали туда говорит в другое место, где стреляли в подвешенное кольцо дочери другого царя говорит. И здесь выстрелив и сбив кольцо, и то кинул в него и там его возвратив...»

«... Вы свем кольца (он говорил им тогда, когда каждому в отдельности давал их), ты каждое утро поглядывай на глазок своего кольца, если в нем появится кровь, я погиб, тогда отправься за мной, — так говорил ему, сказал всем троим, — если вы что-нибудь можете, когда это увидите, я погиб, — так им сказал».

Повтор 5 (из записи сделанной автором 19 августа 1978 г.)

Эпизод 1 «Аҧсуа Аҳматғьы, Мра-лҧа Аҳматғьы, Мза-лҧа Аҳматғьы, Аҧсха Гуашьа-лҧа Аҳматғьы — аҧшьҩыкгьы амҩа иҟулан ишиеиуаз иҳәеит, аҳак иҧха лмацәаз кыдҭан еихсуан иҳәеит, — «абри кыдзыршәо дистеит» ҳа иҳәан лаб иҳәеит. Ауаа еизаны амнн аихсра иаҷын, уаҩы изкыдыршәомызт иҳәеит, инеит иҳәеит.

— Изакузеи, иҟоузеи, ишәылоузеи? — ҳа иҭдаит иҳәеит.

— Абри еиҧш ауп иҟоу, аҳ иҧха лмацәаз кыдҭаны еихсуеит, икыдызх'уа диитоит, — рҳәеит. Аҧсуа Аҳмат ишәаҟь ааихыхны длатәан дааихсны иҳәеит, амацәаз аакыдыршәан датцахҳны икит иҳәеит.

Икын:

— Иахьанахыс ҧҳәыс дуоут, уара дутәуп, — ҳа иҳәан иҳәеит Мра-лҧа Аҳмат иҟуиршәт иҳәеит. Уи иҧҳәыс диҭаны иааиҟуршәаны иҳәеит диманы дноужьны имҩа дныкутцаны иҳәеит... Уи данцоз ус еиҳәт иҳәеит:

— Уара аамтала изакузаалак акыр сыхьуазар, стах'уазар, абри амацәаз алакыца утцаҧшла, ала ахьтоу ашьа аахыжжылозар, сыштахоу дыр, акыр улшөзар усышьтала,— ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 2 «Егьырт рыхҩык еиманы рҷынархеит иҳәеит. Рҷынархан амҩа иҟулак ишиеиуаз иҳәеит дырҩагь даҷа аҳак иҳәеит, иҧха лмацәаз кыдҭан еихсуан, уа иакушәт иҳәеит.

— Иҟоузеи? — ҳа анырҳәа:

— Ара иҟоузеи, аҳ иҧха лмацәаз кыдҭаны еихсуеит, икыдзыршәо диитоит, — ҳа ус рарҳәт иҳәеит.

Длатәахны Аҧсуа Аҳмат иҳәеит, дааихсны иҳәеит, амацәаз аакыдыршәан иҳәеит датцахҳны икны иҳәеит Мза-лҧа Аҳмат иҟуиршәт иҳәеит.

— Абригь уара дутәуп, амҩа алҧха уоут, уара дга, — ҳа иҳәан иҳәеит, уи дыниитт иҳәеит. Уи иҧҳәыс диитан деиҟуршәаны шьтахьла дандәыкуитоз ус еиҳәт:

— У а р а!

— А а!

— Сара **стах'уазар сантах'уазаалак абри умацәаз ала утаҧшла, ашьа ҩхажжылозар, стахыит, усҟан акыр улшозар усышьтал, — ҳа иҳәеит иҳәеит. У и г ь** д и ш ь т и т **иҳәеит».**

Эпизод 3 **«Аҧсҳа Гуашьа-лҧеи иареи рҿынархан** амҩа иқуланы ишнеиуаз, **иҳәеит,** д а ҽ е а **аҳакх иҳәеит, иҧҳа лмацәаз кыдтцаны еихсуан иҳәеит. Уа иақушәт.**

— **Иҟоузеи?** — ҳа уа... **данытцаа иҳәеит:**

— А б а с о у п и ҟ о у, **аҳ иҧҳа лмацәаз кыдтцаны** еихсуеит, **икыдызх'уа диитоит,** — рҳәеит. Д ы р ҩ а г ь **Аҧсуа Аҳмат длатәан дааихсны уыгь аакыдыршәан иҳәеит, Аҧсҳа Гуашьа-лҧа иниқуиршәт иҳәеит.**

— Абригьы лыхирра убит, **уара дутәуп,** уара дга,— **ҳа иҳәан дыниитан иҳәеит, у и г ь ы дааиқуршәан** а м ҩ а д ы қ у и т ц т **иҳәеит.**

— У а р а исҳәо уаҳауо?

— А а?

— **Абри умацәаз алакытца, — а-ала утаҧшла, ашьа ҩхыжжылозар, са стах'уоит, стахоуп, убасҟан акыр улшозар усышьтала, — ҳа нраҳәан иҳәеит, а н и** д а а у ж ь н ы и ҳ ә е и т...»

Эпизод 1 **«И Апсуа Ахмат, и Мра-лпа Ахмат и Мза-лпа Ахмат, и Апсха Гуашьа-лпа Ахмат — все вчетвером отправились в путь и как шли говорит, пришли говорит туда, где стреляли в подвешенное кольцо дочери** одного **царя говорит, «я отдам ее в жены тому, кто собьет это»,— так сказал ее отец говорит.**

Собравшись люди стреляли в него, никто не мог его сбить говорит.

— **Что это, в чем здесь дело,** что у вас? — **так спросили говорит.**

— **Здесь вот так, стреляют в подвешенное кольцо царевны, он отдаст ее [в жены] тому, кто собьет его, — сказали.**

Апсуа Ахмат, с н я в с е б я р у ж ь е, **присев выстрелил говорит, сбив кольцо, подбежав, поймал говорит. Поймав:**

— С егодняшнего дня ты получил жену, она твоя, — **так сказав говорит, кинул в Мра-лпа Ахмата говорит. Тому его жену отдав, снарядив их говорит, того вместе с нею отпустив, в путь отправил говорит...**

Когда тот уходил, он ему так сказал говорит:

— Ты, если со мной как-то приключится что-нибудь, погибну, смотри на глазок вот этого кольца. Если в глазке его появится кровь, знай, что я погиб, если ты что-нибудь можешь, отправься за мной, — так он ему сказал говорит».

Эпизод 2 «... остальные втроем отправились вместе говорит. Отправились они в свой путь и как шли говорит попали опять туда, где стреляли в подвешенное кольцо дочери другого царя говорит.

— В чем дело? — когда спросили так,

— В чем здесь дело, стреляют в подвешенное кольцо царевны, он отдаст ее [в жены] тому, кто собьет его, — так они им сказали говорит.

Опять присев, Апсуа Ахмат говорит выстрелил говорит, сбив кольцо говорит, подбежав и поймав его говорит, в Мза-лпа Ахмата его кинул говорит.

— И эта твоя, пусть дорога тебе покровительствует, ты возьми ее, — так сказав говорит, тому отдал ее говорит. Тому отдав его жену, снабдив его, когда обратно отправлял его, так он ему сказал говорит:

— Ты!

— Аа!

— Если я погибну, если когда-нибудь погибну, ты смотри на глазок вот этого твоего кольца, если в нем появится кровь, я погиб, тогда если ты что-нибудь можешь, отправься за мною, — так сказал говорит. Того отправил говорит».

Эпизод 3 «Апсха Гуашьа-лпа и он отправились говорит и шли по дороге, как попали туда, где стреляли говорит в подвешенное кольцо дочери опять другого царя говорит.

— В чем дело? — когда там так... спросил говорит:

— Вот такое здесь, стреляют в подвешенное кольцо царевны, он отдаст ее [в жены] тому, кто собьет его, — сказали.

Опять Апсуа Ахмат, присев, выстрелил и сбив и того говорит, кинул его в Апсха Гуашьа-лпа Ахмата говорит.

— И этой лыхирра да увидишь ты, она твоя, ты возьми ее, — так сказав отдал ее ему говорит, и того снабдив, отправил его в путь говорит.

— Ты, слышишь, что я тебе скажу?

— Ла?

— **Смотри на глазок этого своего кольца, если в глазке появится кровь, я погиб, значит я погиб, тогда, если ты что-нибудь можешь, отправься за мной, — так сказав им говорит,** того отпустив, говорит...»

Повтор 6 (из записи, сделанной автором 30 ноября 1980 г.)

Эпизод 1 «... **аҧшьҩыкгьы** аашьҭибахын **рҽынархан, иеиманы амҩа иқулан ишнеиуаз** акумкуаны, **аҳак наштаҿ ажәлар еизаны иқугыланы, амацәаз кыдцан еихсуан, аҳ иҧҳа лмацәаз, икыдызх'уа диг'уан.**

Инсин иныкугылт. Ианнықугыла, **«Изакузи»** ҳа иазцааит. «Изакузеи **абри еиҧш оуп** иҟоу» анырҳәа, **«нас ҳара ахысра азин ҳамоума?» иҳәеит Аҧсуа Аҳмат.** «Ааи».

«Уи акузар ибзиоуп» **иҳәан,** длатәан **дааихсын амацәаз аакыдыршәаны,** асаара иламышьтқуан **дацаххны икыит.**

«Мра-лҧа Аҳмат! **Лыхирра убеит, аҧҳәыс дуоуит,** уст» иҳәан амацәаз **Мра-лҧа Аҳмат иитт.** Уыи даашьтырхын, аҳҧабгьы даашьтхны атаца дрыманы **рҽаархан,** аҧшьҩыкгьы еицны агуара иантыц: **«Уара** ожәшьта угьежьы, **аҩныҟа уца,** аа ҳара амҩа ҳақулоит, ҳцуат, аха иухоумыршьтын **амацәаз** иустаз, **сара сантах'уа аҿны ашьжьымҭан уаныҩагылалак алакыца унтаҧшыр ашьа хыжжылозар стахоуп,** акыр улшозар убаскан усышьтал», **ҳа иҳәеит.** Уи ала уи дноурышьтит».

Эпизод 2 **«Рҽаархан амҩа иқулан** еиташцуаз, **даҿаҧьара иакушәхт, ажәлар еизаны иахьықугылаз.**

«Закузи?»

«Абри еҧш оп, абра инхо ауаҩы, даҳоуп, **аҳ иҧҳа** диитуоит, **лмацәаз кыдуп, еихсны икыдыршәан изк'уа»** ҳа абас иарҳәт.

Иаарҳәа, **«Уи акузар, ҳақуитзар, ҳаргьы ҳхысуеит» иҳәеит** адарагь **Аҧсуа Аҳмат.**

Даа(и)цатәан, **ашәақь,** аҟуаҳҳәа **аҿынаирхан, амацәаз аакыдиршәеит.** Амацәаз анаакыдих, длалаган, иааникылан, **днацаххны иаанкыланы** афакьаҳа, инеиган, **Мза-лҧа Аҳмат иқуиршәит.**

«Лыхирра убаит, аҧҳәыс дуоут, ожәшьта, амҩа ҳақулт» ихәан иеиманы идәықулт. **Ишнеиуаз «уара** угьежьы, уҩныҟа **уца уҧҳәыс думаны.** Ҳара хцуот, макьана амҩа ҳақууп» иҳәеит.

Ибзиоуп.

Уи днагьежьны иҧҳәыс дима дцеит».

Эпизод 3 «Ағырт аа, **Аҧсуа Ахматҭы, Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахматҭы, рҿынархан еицны, амҩа иныкҟулт.** Амҩа иныкҟулан ишнеиуаз акумкуаны, дыҩрагь **даҽеаҵьара** еизаны, ишыкҟылаз иакушәхт. «Закузе иҟоузи» ҳа ианыҵаа.

«Изакузи иҟоузи **убриоуп**, абри ах **иҧҳа диг'уот, лмацәаз** кыдуп, иеихсны **икыдыршәан изк'уа»** ҳа, ус ианрҳәт.

Ианрарҳәа:

«Уи акузар хара, **ахысра ҳакуиҭзар ҳхысуеит»** рҳәеит. «Ууаихс» рҳәеит.

Аҧсуа Ахмат адырҩагь **деиҭааихсын амацәаз** лкыдыршәаны, днаҵаххны икит. Иикын инаган **Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахмат иқуиршәт.**

«Уара, лыхирра убаait, аҧҳәыс дуоут, шьҭа ууала арахь», иҳәан **иныццын «Уара уҧҳәыс думаны уца,** аха...»

Ант ус реиҳәон рызынтәыкгьы:

«Амацәазқуа рыла шәтаҧшла есышьжьымҭан, санҭах'уа ашьа ҩхажжылуот, ала ахьҭоу» — ҳа иҳәеит иҳәеит».

Эпизод 1 ...**все** четверо вместе отправились, вместе **шли по дороге** и вдруг **пришли ко двору** одного **царя, где народ стоял, собравшись,** и стрелял в подвешенное кольцо, **в кольцо царской дочери, ее забирал [в жены] тот, кто сумеет сорвать его (кольцо).** Пришли и сами там стали.

Когда пришли, спросили:

«Что такое?» «Что такое, вот так» сказали.

«Тогда мы имеем право стрелять?» — сказал Апсуа Ахмат.

«Да».

«Раз так, хорошо» сказал **он,** присев, **выстрелив,** сбил **кольцо, и,** не дав ему упасть наземь, **подскочил и поймал его.**

«Мра-лпа Ахмат! **Да увидишь ты ее благополучие, ты получил жену,** возьми», — **сказал и кольцо Мра-лпа Ахмату отдал.**

Ту (царевну) взяв, и девушку взяв, взяв невесту отправились все четверо вместе, и, когда ушли оттуда:

«Ты теперь возвращайся, домой иди, аа, мы пойдем дальше, пойдем в путь. Но ты, не забудь по утрам смотри на кольцо, которое я тебе отдал, в день моей гибели, утром,когда ты встанешь в глазок его взглянешь, в глазке его просочится кровь. Если ты что-

нибудь можешь, вот тогда отправляйся за мной», — так ему сказал. Так того отпустили».

Эпизод 2 «Отправившись, **шли они по дороге** опять, как опять, в другое место **попали, где народ стоял, собравшись.**

«Что такое?»

«Вот так, человек, живущий здесь, — царь, **дочь царя заберет [в жены] тот, кто выстрелом собьет и поймает ее подвешенное кольцо»,** — так ему **сказали.** Когда так сказали,

«Раз так, если мы имеем право, и мы **выстрелим»,** — **сказал** опять **Апсуа Ахмат.**

Присев, со свистом **пустил пулю** и сбил кольцо. Сбив кольцо, взял и, поймав его, **подскочив и поймав его,** тут же подошел и **кинул его в Мза-лпа Ахмата.**

«Да увидишь ты ее благополучие, ты получил жену, теперь мы отправились в путь», — **сказал** и все вместе отправились. По дороге он сказал: «Ты возвращайся, домой к себе иди с женой, мы пойдем, пока будем в пути».

Хорошо.

Тот, повернувшись, со своей женой ушел».

Эпизод 3 «**Остальные,** аа, и Апсуа Ахмат, и Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, **отправились** вместе **в путь.**

Шли они по дороге и вдруг опять **попали в другое место, где стояли (люди), собравшись.**

«Что такое, что здесь?» — так спросили.

— Что такое тут, этого **царя дочь забирает тот, кто выстрелом собьет и поймает подвешенное ее кольцо»,** — так ему **сказали.**

Когда же так сказали,

«Раз так мы, если мы имеем право стрелять, выстрелим», — сказал.

«Стреляй в него (кольцо)» сказали.

Апсуа Ахмат опять еще раз **выстрелил, сбив кольцо, подскочил и поймал его.**

Поймав, подошел **и кинул его в Апсха Гуашьа-лпа Ахмата.**

«Ты, да увидишь ты ее благополучие, ты получил жену, теперь идем сюда» сказал, и они ушли оттуда».

«Им всем так он говорит: «Смотрите в глазки своих колец каждое утро, когда я погибну, в глазки просочится кровь» так сказал говорит».

ТАБЛИЦА 3 ПОВТОР ИЗ РАЗНОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЕЙ СКАЗКИ ОТ РАЗНЫХ СКАЗИТЕЛЕЙ[1]

Повтор 1 (Шакрыл-Бгажба, 102—103)

Эпизод 1 «Ианыцәа, **ԥытк анаабжьыс** ауԥшәыл **лҽы мат** аԥшьдук **аатытцын,** илыцышьтаз **лхатца** ицхаразы аҽеанаарххаа аамтазы, **аикуаҕа кны агҽыѳра игҽагылаз ауаѳ** днархаххын амат **ахы хитцәеит».**

Эпизод 2 **«Даҽеа ԥытк анаабжьыс,** даҽеа **матык лҽы иаатытцын, лхатца** ицхаразы аҽеаназнакы, убрыгь **еикуаҕала ахы аахитцәеит акуакь икҽагылаз ауаѳ».**

Эпизод 3 «Даҽеа ԥытрак антцых, дырѳегьых даҽеа **матык лҽы иаатытцуаны еиԥш** аиха зкыз данаба, ѳаԥхьа наҟинлыҕраланы аҽеатцәахит».

Эпизод 1 **«Через некоторое время,** когда уснули, **из рта прелестной выползла** большая красная **змея,** и, когда потянулась укусить ее **мужа, человек, стоявший в углу с топориком,** подбежал к ним и **отрубил змее голову».**

Эпизод 2 «Еще **через некоторое время** другая **змея выползла из ее рта** и, когда собралась **укусить ее мужа, и той отрубил голову топориком человек, стоявший в углу».**

Эпизод 3 «Еще, опять **через некоторое время,** опять, еще другая **змея выползла было из ее рта,** но заметив державшего топор, опять обратно вползла внутрь нее и спряталась».

Повтор 2 (из записи, сделанной 11 февраля 1960 г. Зухба С. Л. от сказителя Куркуна Куана в с. Тхина Очамчирского р-на)

Эпизод 1 **«...атаца лҽы мат** аԥшьк ахы ыркаткато **иаатытцын,** лхатца иахь инеихеит. Аха **ани** иѳыза **иаҳәа** ицышәкны уа баша дгылазма, ашырҳәа **иааиҟьан** ани амат **ахы ааихитцәеит.**

Амат ахы ачабра иаалаҳәаны ицьыба интеитцон еиԥшаан...»

[1] В первой записи она названа «Сказкой про купеческого сына», во второй — «Царевич и рыбка», в третьей и четвертой — «Услуживший покойнику».

Эпизод 2 «...ани **атаца лҽы** даҽа **матаҧшькгьы ахы аатнарҳәҳәеит.** Уи ахы анаатнарҳәҳәа, уигьы иаҳәала **днатасын ахы аахиҧуцәаайт»**.

Эпизод 3 «Даҽакгьы **аацәыртцын,** уигьы **убас азиуит.**
Иара убас зынза х-матык рыхкуа хиссан, ахкуа ачабра илахәаны иҵыыба интеитцеит».

Эпизод 1 «...**из рта невесты выползла одна** красная **змея** и потянулась к ее мужу. Но тот его товарищ разве напрасно стоял, держа свою отточенную саблю, мгновенно взмахнул ею, **отрубил голову той змеи.** Завернув голову в платок, положил было в свой карман, как...»

Эпизод 2 «...как **изо рта невесты высунула голову** и еще одна красная **змея.** Когда она высунула голову, и той, взмахнув своей саблей, **снял ей голову**».

Эпизод 3 «**Появилась** и еще одна, и с той поступил так. Таким образом **отрубил головы трем змеям и,** завернув головы в платок, положил в карман».

Повтор 3 (из записи, сделанной 16 июня 1972 г. Зухба С. Л. от сказителя Колбая Халита Мсуратовича в с. Абгархук Гудаутского р-на)

Эпизод 1 «Лара дахьыцәаз **ахырхырҳәа лыхуда абжьы шгоз,** ацәырт ҳәа **амат** аҧшь ҩалҷцәараайт. Ари амат анлҷцәараа, **ари** наҳәа кны дгыламзи иҩырхианы, атахҳәа иаҳәа аамҩанитцан, **амат ахы** атах ҳәа **иаахитцәеит.** Амат ахы аашьтихын, **ақьаад инылаҳәаны иҵыыба интеитцеит».**

Эпизод 2 «Дырҩагь **лыхуда ахыр-хыр ҳәа абжьы шгоз, еита** илҷытцәраахт даҽа матыкгьы. **Ари** лхатца иҩыза еитах иаҳәа рыхха **амат ахы** днатасын **иаахитцәан, ахы** анкашәа иҩышьтихын **ақьаад илаҳәаны иҵыыба интеитцеит».**

Эпизод 3 «Дырҩагьых **ари** уа дгыланы, аҧаб дшыцәаз, дырҩагьых лара дахьышьтаз **лыхуда ахырхырҳәа шаҳәоз** еитаҩалҷытцәраахт даҽа матаҧшьк. Уигьы ахы днатасын **иаахтцәаны, ақьаад иаалаҳәаны иҵыыба илтеитцеит».**

Эпизод 1 «**В то время, как** она спала и **раздавался храп из ее горла,** вдруг **из ее рта выползла** красная **змея;** но этот стоял ведь наготове, держа свою саблю, одним разом **взмахнул саблей и отрубил голову змее.** Подняв голову змеи **и, завернув в бумагу, положил в карман».**

Эпизод 2 «Опять **в то время, как раздавался храп из ее горла, из рта** опять **выползла** и другая **змея. Этот,** друг ее мужа, опять **взмахнул саблей,** целясь в голову **змеи, отрубил ее** и, когда она упала, поднял голову **и, завернув в бумагу, положил в карман».**

Эпизод 2 «И опять **в то время, как этот** стоял там, девушка спала, и опять **раздавался храп из ее горла,** там, где она лежала, **из ее рта** опять **выползла** другая красная **змея. И той,** целясь в ее голову, **отрубил ее и, завернув в бумагу, положил в карман».**

Повтор 4 (из записи, сделанной автором 24 августа 1977 г. от сказителя Колбая Х. М. в с. Абгархук)

Эпизод 1 «Ахыр-хыр-хыр-хыр-хырҳәа лыхуда абжьы шг'уазиҳәеит, аҵәҵәыртҳәа **амаҭ** аҵәыртҳәа **иҩалҭҵәараит иҳәеит.** Ат-тах ҳәа **ахы** днаҵасын **иаахҵәаны** иҳәеит қьаадк иаалахәаны **иџьаба интеиҵт иҳәеит».**

Эпизод 2 «...даҩрагь ахыр-хырҳәа лыхуда абжьы гауа иалагеит иҳәеит. Дарегь аҵәыртҳәа даҽеакы еиҵа **иҩалҭҵәараит иҳәеит.** Уигь **ахы аахыҵәан** уигь **иџьаба интеиҵт иҳәеит».**

Эпизод 3 «Дырҩагь еиҵа артшыҵәаз даҽеакы еиҵа **ҩалҭҵәараит иҳәеит.** Уигьы днасны **ахы аахҵәаны иҳәеит иџьаба интеиҵт иҳәеит».**

Эпизод 1 «**В то время,** как раздавался храп из ее горла **из ее рта выползла змея говорит.** Одним взмахом **отрубив ей (змее) голову** говорит, завернул ее в какую-то бумагу и **положил в карман говорит».**

Эпизод 2 «...опять из ее горла стал раздаваться храп **говорит.**

Опять **из ее рта выползла** еще **другая. Отрубив и той голову, положил и ту в карман говорит».**

Эпизод 3 «Опять еще в то время, как эти спали,, **из ее рта выползла** еще **другая говорит. И той** ударом **отрубив голову говорит, в карман** положил говорит».

Повтор 5 (из записи, сделанной автором 30 ноября 1980 г. от сказителя Колбая Х. М. в с. Абгархук)

Эпизод 1 «...ахыр-хыр-хырҳәа азҕаб лыхуда абжьы шгоз иҳәеит, аҵәҵәыртхәа, **амаҭ** аҧшь **ҩалҷҵәрааит иҳәеит.**

Ат-тахҳәа **ахы** днаҵасны **иаахҵәаны иҳәеит,** иааникылан иҳәеит, **иҵьаба илҭеиҵт иҳәеит».**

Эпизод 2 «Дырҩагь деиҭашгылаз **даҽак лҷҵәрааит иҳәеит.**

Уигь аа **ахы аахҵәаны иҳәеит** уигьы **иҵьаба илҭеиҵт иҳәеит».**

Эпизод 3 «Дырҩагь **даҽакгьы ҩалҷҵәрааит** иҳәеит. Уигь **ахы** днаҵасны **иаахҵәаны иҳәеит,** уыигьы **иҵьаба илҭеиҵт иҳәеит».**

Эпизод 1 «...В то время, как раздавался храп **из горла девушки говорит, из ее рта выползла** красная **змея говорит.** Одним взмахом **отрубив ей (змее) голову говорит,** взял говорит, **ее (голову) и положил в карман говорит».**

Эпизод 2 «Опять в то время, как он стоял там, другая **(змея) выползла из ее (девушки) рта говорит.**

И ей отрубив голову, и ее (голову) положил в карман говорит».

Эпизод 3 «Опять другая **(змея) выползла из ее (девушки)** рта говорит. **И ей отрубив голову говорит, и ту (голову) положил в карман говорит».**

ТАБЛИЦА 4

Повтор из разновременных записей одной и той же сказки от разных сказителей

Повтор 1

Эпизод 1 «...аиха зкыз еиха ҩархханы деиҩысшоит ҳәа аҽанынаирха — ааҳ! — лҳәан атаца данынықнықаа, зеықәахны илыҧраз амаҭ ааләҟьан атаххәа цаҟа инкаҳаит. Еихала атаххәа днасын ахы нхиҵәеит».

Эпизод 1 «...**когда тот**, кто держал топор, подняв топор свой, думая разделить ее, **взмахнул им**,

— Аах!—вскрикнула девушка, **и змея**, которая в ней пряталась, **выскочила из ее рта** и с треском упала на землю. Тут же он отрезал ей голову своим топором».

Повтор 2

Эпизод 1 «...иаҳәа ааимхны ианааиҟьа, лхы агуҭаҽы иназаанза зхы хҵәаз маҭ аҧшьк налҽықҟьеит. Абри изымбатәбарахан даатгылеит».

Эпизод 2 «Аха игу ааҧсахны иара убас иаҳәа аҽылаирхацыҧхьаза даҽа ҩ-маҭ аҧшьк налҽҟьахьан еиҧшаан...»

Эпизод 1 «...**когда** взяв у него свою саблю, **размахнулся ею,** пока она не дошла до середины ее головы, **из ее рта выскочила** обезглавленная красная **змея. Этот, удивившись,** приостановился».

Эпизод 2 «Но каждый раз, **когда**, взяв себя в руки, он опять **размахивался**, дважды таким образом **из нее выскочило** еще две красные **змеи**, как...»

Повтор 3

Эпизод 1 «...наҟ-наҟ дырхханы дшыркыз аҧьеҩ ҳәа **иаҳәа** лхы агуҭаҵәҟьа иамариашаны **аҽанааирха**, уахь илылаимҵазеит, **«ыҳ!» ҳәа дшәаны азҧаб даиыҩеиха, аҽыр ҳәа амаҭ** ахуамц **лҧынца иҩҵәрааит** (ахы ууанза ихыимсахьази)».

Эпизод 2 «ҳы, ала сырфаанит, ԥкьа сзымкшеит, ԥсызмыршәалт умбои, схатԥазамзи! — хәа иҳәанԥҳәеит **дырԥагьых иаҳәа рыххаиандәыкуитԥа дырԥагьых аӡбаб дшәаны «ых!» ҳәа даныԥеиҳа дырԥагьых** даԥа **матык ахуамԥ лԥырԥа иԥшәраанит.** Аҳы».

Эпизод 3 «— Аа, абаапсы, ԥынтәыԥгьы сзымыкшеит убама, аха уажәшьҭа схатԥамы кшо! — ҳәа, **дырԥагь иаҳәа рыххаа ҿанынаирха аӡбаб дырԥагь дшәаны «ых!» ҳәа** данаԥеиҳа ԥни ахԥатәи **амаҭ ахуамԥгьы ԥалҷыԥцәраанит,** аеырҳәа ашьагьы ԥалҷыԥцит».

Эпизод 1 «...оба держали ее с обеих сторон, он со всей силой **взмахнул своей саблей,** нацелившись на самую ее голову, но не опуская ее (саблю), **«ох»!, — рванулась, испугавшись, девушка, и из носа ее,** как струйка, **выскочило тело змеи».**

Эпизод 2 «— Хо, пусть съедят меня собаки, я не ударил как следует, не сумел как надо, видишь, не мужчина я что ли! — так сказав, говорит, когда опять **взмахнул своей саблей, «ох» — рванулась** опять, **испугавшись девушка,** и опять **из носа ее выскочило тело** другой **змеи».**

Эпизод 3 «— Аа, абаапсы, и на второй раз я не сумел ударить, видишь ли, но теперь как я не сумею ударить, ведь мужчина я! — сказав, **когда** опять **взмахнул своей саблей, «ох!» — рванулась** опять, **испугавшись девушка, и из нее выскочило** тело той третьей, змеи, и кровь струей пошла изо рта».

Повтор 4

Эпизод 1 «**Иаҳәа ԥархҳаны** иҳәеит, лхагутатцәкьа иарбаны иҳәеит, **афырҳәа аҷылаирхан иҳәеит,** уахь инамгӡакуан иҳәеит, аԥьеԥхәа иҳәеит, иаҳәа **анааникыла** иҳәеит, ани **аԥҳәызба даашәаны аԥьеԥхәа даныԥеиҳа иҳәеит, аеыԥхәа иҳәеит, амаҭ ахуамԥ ԥалҷкьеит иҳәеит».**

Эпизод 2 «Ааит анаасыни, сзымкшеит, исзымгуаԥькуан, сыгуаԥьра саҷашәеит», **ҳәа** иҳәахын иҳәеит,

дырҩагь **иаҳәа** ахьынҵацоз **ихагалан** иҳәеит, дарагь **аф-фырҳәа илдәыкуитцан** (уахь иауылаишьтуаз) дарегь **еитаааникылт. Азбаб дшәаны аҧьеҩхәа даныҩеиха иҳәеит, аҿыҩхәа** адарҩегь **амат ахуамц ҩалҷкьеит иҳәеит».**

Эпизод 3 «—Аа, анаасыни сышҧазымкшеи», еита дарҩегь **иандәыкуитца иҳәеит,** адарҩегь аҿыҩхәа **амат ахуамц ҩалҷкьеит иҳәеит».**

Эпизод 4 «Кых, алакуа ...аайт, еита сыхьит, сзымкшеит, еитакшоит» ҳәа иҳәан иҳәеит, дарегь **иаҳәа ркха иҳәеит, афырҳәа аҷанылаирха иҳәеит, аҿыҩхәа** адунеи иҳәеит **ашьа ҩалҷкьеит иҳәеит».**

Эпизод 1 **«Взмахнув своей саблей** говорит, нацелившись в самую середину ее головы говорит, стал ее опускать, говорит, но не довел до конца говорит, со всей силой говорит, когда остановил (саблю), та девушка, испугавшись, со всей силой рванулась говорит, **как с-струя говорит тело змеи из ее рта выскочило говорит».**

Эпизод 2 «—Ааит анаассыни, я не смог размахнуться, не решился, решимости у меня не было, — сказав опять так говорит опять **с-саблей взмахнув до отказа** говорит опять опустил (туда не доводя), опять остановил ее когда, девушка испугавшись, рванулась говорит, **как струя** опять **выскочило из ее рта тело змеи говорит».**

Эпизод 3 «—Аа, анаассыни, как я не смог ударить, **когда** опять еще **взмахнул говорит ею,** опять **как струя выскочило из нее тело змеи говорит».**

Эпизод 4 «Ох, пусть собаки меня (съедят) опять со мной такое, не смог ударить, ударю-ка опять, — так сказав говорит, опять **взмахнув саблей,** когда **направил ее на нее говорит, струей** говорит (такую свет не видел) **кровь пошла у нее изо рта говорит».**

Повтор 5

Эпизод 1 «Лыжәҩакуа еимырхха иаанкыланы, иаҳәа тыхны иҳәеит, лхы сасуеит ҳәа ас **ианыҩаирхха иҳәеит,** «Аах!» ҳәа дшәаны **даныҩеиха иҳәеит,** аҿ-ҿыҩхәа **амат акурҷ иҩылҷҭәрааит иҳәеит».**

Эпизод 2 «Ҳаи анаассыни, сзымкшеит аума сыхьт» иҳәаан, дыҩрагьы **иаҳәа** ыркаланы иҳәеит, иеиҭа рххан **ианикьа иҳәеит,** дыҩрагь деиҭа **ҩеихан иҳәеит,** дыҩрагь **акурҵ ҩалҭцәрааит иҳәеит».**

Эпизод 3 «Аи анаасын сеиҭазымкшеит, дыҩрагь ирбубуаны сыкшароуп» ҳа иҳәаан иҳәеит, дыҩрагь **иаҳәа аникьа иҳәеит,** аҿеыҩхәа **ашьа ҩалҭыцт иҳәеит».**

Эпизод 1 «Взяв ее (девушку) за плечи с обеих сторон, вынув саблю говорит, **когда** так **взмахнул ею,** чтобы опустить ей на голову **говорит,** «Аах!» рванулась, испугавшись, **она говорит,** и струей **тело змеи из ее рта выскочило (выскользнуло) говорит».**

Эпизод 2 «Хай, анаассыни, я не смог ударить, беда со мной» сказав, **когда** он опять **взмахнув саблей говорит,** опять взмахнул говорит, опять **она** рванулась **говорит,** опять **тело змеи из ее рта выскочило (выскользнуло) говорит».**

Эпизод 3 «Аи анаассыни, я опять не смог ударить, опять я должен сильно ударить», — так сказав говорит, опять **взмахнул саблей говорит,** струей **кровь из ее рта пошла говорит».**

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ИНТОНАЦИОННАЯ ЗАПИСЬ СЛОВЕСНО-СМЫСЛОВЫХ ПОВТОРОВ

Повтор 1 (из записей сказки «Железный волк», сделанный автором от сказителя Колбая Х. М., с. Абгархук)

Из первой записи, сделанной 24 августа 1977 г.:

Аиҳабы даагылан — Са сцуоит / — иҳәеит / (1).

— Мамоу уара уаагыл са сцоит/—иҳәеит агуыбжьанытә 2 (2)

Реицбаза даагылан / — Уара шәарт шәцар ишәзаагом /

Са сцар абант ахуҵқуагь аазгоит 1

са соужь иҳәан/аицба дырмышьтит (3)

Старший встал / — Я пойду — сказал / (1)

— Нет ты погоди я пойду / — сказал средний 2 (2)

Самый младший встал / — Если вы пойдете не сможете их (детей) привести /

я пойду и этих детей приведу 1

меня отпустите — сказал / но младшего не пустили (3)

Из второй записи, сделанной 14 августа 1978 г.:

— Са сцуоит — ҳа аиҳабы ус иҳәеит иҳәеит / (1)

— Мамоу са сцуоит — ҳа / уи ицкьыс еицбазгьы ус иҳәеит иҳәеит / (2)

Реицба даагылан / — Уара шәарт / шәымч архом са сцуеит 3

шәа шәымцан / ҳа иҳәан аха ирымуит иҳәеит (3)

— Я пойду — так / старший так говорит говорит / (1)

— Нет я пойду — так / младше его тоже так говорит говорит (2)

Младший встал / — Вас / он осилит я пойду / вы не ходите — так сказал, но они не согласились говорит (3).

Повтор 2 (из разновременных записей сказки «Мра-лпа Ахмат, Мза-лпа Ахмат, Апсха Гуашьа-лпа Ахмат, Апсуа Ахмат», сказочник Колбая Х. М.)

Из первой записи, сделанной 20 августа 1977 г.:

— Амшын 1
арԥхара са исылшоит ҳа /
Мра-лԥа Аҳмат ус иҳәеит 2
ахьҭа уамк'уа 1
арԥхара сылшоит ҳа иҳәеит иҳәеит (1)
Мза-лԥа ус иҳәеит иҳәеит 1
— Адгъыл икуршаз агур ҭаршәзар иаатыукуыцәаауа
амшын атц шабакуу са исырлашоит — ҳа /
Мза-лԥа ус иҳәеит иҳәеит 2 (2)
Апсҳа Гуашьа-лԥа даагылан /
— Ус ианыкашәҭа /
шәарахс акыр ҭазар /
зегьы са исшьуеит искуакуоит 3
акыр иафазарԥы иамыскʼуеит /
ус иҭаршәзарԥы избуоит — иҳәеит (3)

— Море 1
обогреть я смогу так /
Мра-лпа Ахмат так сказал 2

чтобы [в нем] холодно не было 1

обогреть смогу — так говорит говорит 1

Мза-лпа так говорит говорит 1

— Чтоб все на земле созданное и даже иголку

если б она лежала на дне можно было вытащить 1

дно моря все я освещу — так /

Мза-лпа Ахмат так сказал говорит 2 (2)

Апсха Гуашьа-лпа встал /

— Если так вы сделаете /

всю живность что там [в море] есть /

все я убью покалечу 3

если кто его [меч] проглотил отниму /

а если так лежит тоже увижу — говорит (3)

Из второй записи, сделанной 14 августа 1978 г.:

Мра-лҧа Аҳмат ус иҳәеит 1

— Амшын са исырҧхоит — иҳәеит 1 (1)

Мза-лҧа 1

— Амшын са исырлашоит — иҳәеит 1 (2)

Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахмат /

— Шәарт ус ианыҟашәҵа 1

Сара акыр тазар зегь зшьуоит 1

исырҟьоит 1

Иаҳәа зыҧроу иааҧрысхуоит

— ҳа иҳәеит иҳәеит (3)

Мра-лԥа Ахмат так сказал I

— Море я обогрею говорит I (1)

Мза-лԥа I

— Море я освещу — говорит I (2)

Аԥсуа Гуашьа-лԥа Ахмат /

— Если вы так сделаете I

Я всех кто в нем есть убью /

разрежу /

Меч его из него [в ком есть] выну —

так говорит говорит (3)

Из третьей записи, сделанной 14 августа 1978 г. (спустя около часа после второй):

Мра-лԥа Ахмат ус иҳәеит I

— Амшын са исырԥкоит иҳәеит I (1)

Мза-лԥа Ахмат ус иҳәеит I

— Са исырлашоит I

агуԥ каршәзар иубуа I

ҳа иҳәеит иҳәеит I (2)

Аԥсуа Гуашьа-лԥа /

— Убас еиԥш шәа ианыҟашәҵа /

акыр тазар шабакуу са иск'оит I

ԥсызума /

дыноума I

са исырҟьоит /

иаҳәа акыр иафазар иҳәеит (3)

Мра-лԥа Ахмат так говорит I

— Море я обогрею говорит I (1)

Мза-лпа Ахмат так говорит I

— Я освещу I

чтоб даже иголку если она там лежит

видно было I

так говорит говорит I (2)

Апсха Гуашьа-лпа Ахмат /

— Если так вы сделаете /

всех кто там есть я поймаю I

будь то рыба /

будь кто I

я разрежу [ее, его] /

меч его если кто проглотил — говорит (3)

Из четвертой записи, сделанной 19 августа 1978 г.:

Мра-лҧа Ахмат /

ус иҳәеит иҳәеит /

— Амшын са исырҧхоит /

ҳа иҳәеит иҳәеит / (1)

Мза-лҧа /

ус иҳәеит иҳәеит /

— Сара исырлашоит /

ҳа иҳәеит иҳәеит /

итоу зегь убуа /

ҳа ихәеит иҳәеит / (2)

Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Ахмат /

ус иҳәеит /

— Ус шәа иаҧыҟашәҵа /

Сара амшын сылҭалан /

иҭоу шабакуу зегь /

ҧсы зхоу зегь кны исырҟьоит /

иаҳәа зыҕроу иааҕрысх'уеит /

ҳа иҳәеит иҳәеит (3)

Мра-лпа Ахмат /

так говорит говорит /

— Море я обогрею /

так говорит говорит / (I)

Мза-лпа Ахмат /

так говорит говорит /

— Я освещу /

так говорит говорит /

чтоб все обитающие [в нем] были видны /

так говорит говорит (2)

Апсха Гуашьа-лпа Ахмат /

так говорит /

— Если вы так сделаете /

Я в море спущусь /

обитающих [в нем] всех /

живых всех поймав разрежу /

меч [его] если он в ком есть выну /

так говорит говорит (3)

Из пятой записи, сделанной 30 ноября 1980 г.:

Мра-лҧа Ахмат убас иҳәеит /

— Амшын шабакуу сара исырҧхот исырҟуандуот 2

убри сылшоит иҳәеит 1 (1).

— Уара убри ануылша

иҳәеит Мза-лҧа Аҳмат 2

— Убри еиҧш ануылша иҳәеит 2

— сара иҳәеит 1

а-мшын !

агуыр ҭаршәзар ныубо шабакуу аҵ сырлашоит 1

исырлашоит ҳа Мза-лҧа Аҳмат ус иҳәеит 1 (2)

— Уара убри еиҧш шәа ианшәылша 1

ҧсы зхоу акыр ҭазар шабакуу зегьы 1

иаанкыланы аҳәала еиҩысҟьуоит 1

иаҳәагь хаҧшаауоит иҳәеит 1

Аҧсҳа Гуашьа-лҧа Аҳмат 5 (3)

Мра-лпа Ахмат так сказал /

— Море полностью я обогрею / утеплю 2

это я смогу сказал I (I)

— Если ты это сможешь

сказал Мза-лпа Ахмат 2

— Если ты это сможешь говорит 2

я говорит I

море I

я освещу его чтобы на дне его и иголка была видна I

так освещу 1 освещу так Мза-лпа Ахмат так сказал I (2)

— Если вы так сможете I

всех живых обитателей [моря] полностью I
я поймаю и мечом рассеку (надвое) I
и меч его [Апсуа Ахмата] найдем сказал /
Апсха Гуашьа-лпа Ахмат 5 (3)

Повтор 3 (из той же сказки от того же сказителя)

Из первой записи (20 августа 1977 г.):

Мра-лҧа ирлашеит ... 2 ирҧхеит 1 (1)
Мза-лҧа ирлашеит 1 (2)
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа иаҳәа аатыхны дылталан ... (3)

Мра-лпа осветил ... 2 обогрел I (I)
Мза-лпа осветил I (2)
Апсха Гуашьа-лпа меч свой выхватив вошел [в море] ... (3)

Из второй записи (14 августа 1978 г.):

Мра-лҧа Аҳмат /
ирҧхеит 1 (1)
Мза-лҧа Аҳмат /
аа /
ирлашеит 2 (2)
Итаз зегьы аҟуаҟҳәа наанкыланы /
зегь иаҳәала ааирҟьуа 1
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа дҩеи дылталан ... (3)

Мра-лпа Ахмат /
обогрел I (I)
Мза-лпа Ахмат /
аа /
осветил 2 (2)

Все кто был в море ...[1] вылавливая /
всех мечом разрезая I
Апсха Гуашьа-лпа взял и вошел [в море] ... (3)

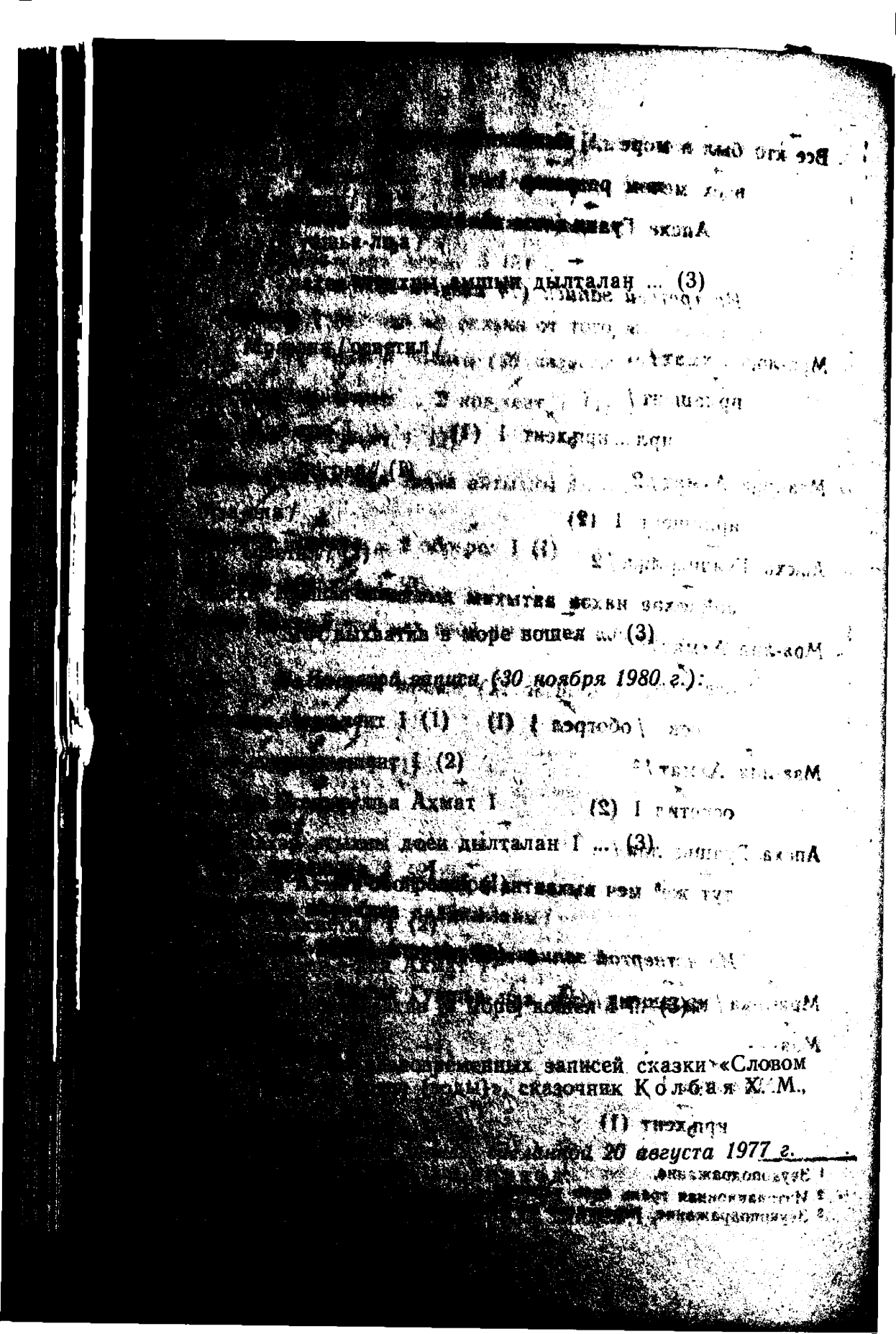
Из третьей записи (14 августа 1978 г.):

Мра-лҧа Аҳмат /
ирлашеит /
ирл ... ирҧхеит I (1)
Мза-лҧа Аҳмат / 2
ирлашеит I (2)
Аҧсҳа Гуашьа-лҧа / 2
апҟаҳҳәа иаҳәа аатыхны дыҳталан ... (3)
Мра-лпа Ахмат /[2]
осветил /
осв... / обогрел I (I)
Мза-лпа Ахмат /[2]
осветил I (2)
Апсха Гуашьа-лпа /
тут же[3] меч выхватив вошел [в море] ... (3)

Из четвертой записи (19 августа 1978 г.):

Мра-лҧа / ирлашеит / (1).
Мза- - -
Мра-лҧа I
ирҧхеит (1)

[1] Звукоподражание.
[2] Интонационная грань едва уловима.
[3] Звукоподражание, переведено по смыслу.

дылталан ... (3)

в море вошел ... (3)

(30 ноября 1980 г.):

Ахмат I (2)

дней дылталан I ... (3)

записей сказки «Словом

сказочник Колбая Х. М.,

20 августа 1977 г.

еиқуатцәаза иҳәеит I	вся черная говорит I
(лаҳәоуп ҳәоуп ишидыр) I	(«это — ворон» решил он) I
ҧсаатәк ааиуан еиқуатцәан	птица одна летела черная
иҳәеит абни	говорит 2
азыхь аҷы аеылтанажьын	в ту реку кинулась говорит 2
иҳәеит	
ианаатабылгьа ианылтыц /	окунулась и когда вышла /
ишкуакуаза иҳәеит /	вся белой говорит /
иааҟалан иҳәеит II	став говорит I
иҩтытцын ицеит иҳеит.	вылетев улетела говорит.

2-й эпизод:

«Иараби абри шҧаҟалеи»	«Иараби[4] как это случилось»
иҳәан I	сказав I
«абри иҟанатцо саргьы избапи»	«что эта птица делает и я увижу-
иҳәан I	ка» сказав I
..дҩагылан абни азаҷын	
(неин иеааилыхны азы дынта-	...встав к той реке придя и раз-
лан иҳәеит I	девшись в воду вошел говорит I
зы иеанаатишь иҳәеит I	в воду окунувшись говорит I
аха зтахымыз зҧаб бзиахан	превосходной девушкой став вы-
даатытцт иҳәеит 5	шел говорит 5
Ікаитцуои 3	Что он будет делать 3

[4] Выполняет роль междометия — восклицания.

Данзҕабха дабацуа 5

Даакуцын иматәажәқуа ишәи-
цеит егъит /

аха дзҕабул 2

Уажәшьта иҟаицо ҳәагь / агьиз-
дыруам геак'уам 1

ԥҳәызбак 1

илшәылцоғьы хаца матәоуп 1

дшыҟаз нас /

леԥыналхан / ани азҕаб дышне-
иуаз 3

аҳак ихьча диқушәт 1 араху
иманы дшыҟаз 1

... аԥҳәыс матәа ааиган
илышәцаны 1

дабацоз ана днаргт 1

Днарган / иаалыхуаԥш /
мрада-мзада дыԥхоит 1

азҕаб 2

уа даарыдыркылт

Уа даарыдыркылан

дышрымаз акумкуан 1

абри аҳ иԥа дыҟан /

Будучи девушкой куда он пой-
дет 5

Уходя старую одежду оде / и
прочее /

но он девушка 2

Что теперь делать / ничего не
знает / и прочее 1

девушка 1

что одевает тоже мужская одеж-
да 1

как была потом /

отправившись / та девушка шла 3
и с царским пастухом встрети-
лась 1

когда он стадо нас 1

... женскую одежду он ей принес
она ее одела 1

куда бы она пошла туда [к царю]
ее привели 1

Привели / когда на нее посмот-
рели / без солнца, без луны
она сверкает 1

девушку 2

там оставили

Там ее оставили там у них и
была 1

Ах иҧа изы дныркылт I — У этого царя сын был /

диртт I — Для царевича ее оставили I

Хҩык аҧацәа — ему [в жены] ее отдали I

лхылтцт 3 — Трех сыновей родила 3

иуаахеит 3 — они людьми стали [выросли] 3

иеыжәларатә егьиратә иҟалеит — уже на коней садиться могли

3-й эпизод:

Ишааиуаз ҽнак ани аҵҩаб ус — Как-то однажды та девушка так

илгуалашәеит I — вспомнила I

(иааиуеит умбо уажә лхы) I — (видишь начинает вспоминать) I

аиҟьа ааиҭала дыщхатцаз — как когда-то одно время она

дшышәарыцоз азы иеахьтишьыз — мужчиной была охотилась реку

итуалашәт / — в которую окунулся (вспомнил)

илгуалашәт аҵҩаб I — вспомнила девушка I

Аҧҳаҳәа илыкулыршәын — Тут же отправившись к той реке

азаҷы дцеит I — пришла I

азаҷы днеин I — К реке придя I

леааилыхны I — раздевшись I

азы данылтала I — когда в реку вошла I

деанха даакухт I — в кобылицу превратилась I

(лыҵҩабра цеит дыҽеанхт) I — (Девушкой быть перестала / кобылицей стала) I

Ас ах иуахьад ахьгуартуаз / — Так туда где царский табун пасся /

ари аҽан уа ирыкушәт I — эта кобылица туда к ним попала I

Уа ишрылаз 1
Х-еабаҽцыск ахылцҭ аҽан 1
Х-еабаҽцыск ахылцын 1
урҭ рыбжьеит 1
Ани ихылцыз аҵкунцәа 1
ихылцыз аҽкуа /
ирыҟутәан ирбжьо иҟалеит 1
Арҭ аҽкуагьы ҽы еиҧшымхт 1
аҵкунцәагьы ҵкун уаҩы
еиҧшымхт 1
иҧуҧуахеит 1
Анҭ аҽкуа акака
аа /
раб рабду ыҟан 1
рыхьзала 1
ирбжьеит 1
ирыҟутәан иҳәеит 1
Ус ицеит
иҳәеит.

Там находясь среди них [коней] I
трех жеребят родила кобылица I
Трех жеребят родив I
их объездили I
Те им рожденные молодцы I
на рожденных им конях /
сидя их уже объезжать могли I
И эти кони на коней похожи не
стали I
и те молодцы на людей похожи
не стали I
сильными стали I
Тех коней по одному /
аа /
их отец дед были I
на их имя I[5]
объездили
на них они сидели
говорит I
Так прошло [время] говорит.

4-й эпизод:

Ашьтахь иҳәеит 2
ишааиуаз иҳәеит 1
ани аҽан иагуҽлашәахт иҳәеит 1

еитеигуалашәан иҳәеит /

Потом говорит 2
как-то говорит I
та кобылица опять вспомнила
говорит I
опять он вспомнил говорит I

[5] Для них.

ани азаҽы еитацеит I

Аеан неины азаҽы /

азы аеынаҷтнашьы /

илаҵсха илыҟалахт I

Иаҵлаҵсха I

иабацах'уаз аҽынанахан ишнеиуаз адырҩагь аҳ ихьшьцәа ирыкушәан /

уа ирыман I

Убрагьы х-лабак ахылцт I

Ах-лабак ахылцын I

«Муражә ҳа исышьтан» ҳа иҳәеит иҳәеит I

«Муражә ҳа исышьтан I

х-лабак схылцын убра исаазеит

х-ҩык аҧацәа I

х-ҩык /

Х-еык 2

х-лак /

са исхылцыз ҟалеит» иҳәеит I

Алакҳагьы анлаха егьи...

к той реке опять пошла говорит К

Кобылица придя к реке /

в реку окунулась /

собакой опять стала говорит Г

Когда собакой стала I

куда бы она пошла отправилась шла опять с царскими пастухами встретившись /

там у них была I

И там трех щенят она родила I

Тех трех щенят родив I

«Мурой[6] меня звали /»так говорит говорит I

«Мурой меня звали I

трех щенят родив там я воспитала I

трех сыновей I

трех [сыновей] /

трех коней 2

трех собак /

мной рожденных столько стало» говорит I

Когда и щенята стали собаками и прочее [выросли]...

---

[6] В оригинале в имени содержится суффикс со значением пренебрежения.

5-й эпизод:

.... ашьтахь / ишаануаз 1	... потом / как-то I
ани 1	та I
адырҩагь ани ала иагуалашәахт	опять та собака вспомнила реку I
азы 1	
Азы анааигуалашәа 1	Реку вспомнив I
цеынаихан /	отправился /
аҷынанахан /	отправилась /
ала неин азаҷы 1	собака пришла к реке I
азы аҷтанажьхт адырҩагьых 1	в реку окунулась опять I
Аҷанылтанажь 1	Окунувшись I
анкьа данышәарыцаҩыз еиҧш 1	как раньше когда был охотником I
анкьа дшыуаҩыз еиҧш дкалыит...	как раньше человеком стал...

Из второй записи, сделанной 14 августа 1978 г.

3-й эпизод:[7]

.... Деанха даныҩтыц иҳәеит 3	...Кобылицей став вышла говорит 3
(— Исҳәо уажәшьта?) 1	(— Мне говорить теперь?)[8] 1
Деанха даныҩтыц иҳәеит 2	кобылицей когда вышел говорит 2
(Икаицуон ани деын иҳәеит 1	(Что он будет делать он был
Анахь 1	кобылицей говорит I
иуаҩҧсра 1	Сюда I
игу аҟуҧара	что он человек I
имоуп) 1	разум сердца имеет) I

[7] Первые два эпизода и половина третьего стерлись с магнитоленты.

[8] После смены магнитофонной ленты сказитель ждет «сигнала», чтобы продолжить беседу.

аҽаанахан иҳәеит /
отправившись говорит /

ани аҽан шааих'уаз иҳәеит /
та кобылица как-то говорит /

ах иуахьад ирылалт иҳәеит 1
в царский табун попала говорит I

иҽкуа ахьыҟаз иҳәеит 1
где кони его [царя]были говорит I

уа ишрылаз /
Там среди них находясь /

ишрылаз иҳәеит 3
среди них находясь говорит 3

уа /
там /

иахылцт иҳәеит 2
родила говорит 2

х-еык иҳәеит /
трех жеребят говорит I

алашақуа ахылцт иҳәеит 1
меринов родила говорит 1

Аҽкуа ҽхыит иҳәеит 1
Жеребята выросли в коней говорит 2

ақкунцәа ихылцызгьы иҳәеит 1
и молодцы им рожденные говорит I

уаахыит иҳәеит 2
людьми стали говорит I

Абанҭ аҽкуа ҽ-шыҟамыз иҟан иҳәеит 1
Те кони на коней похожи не были говорит I

Зегьы иреиӷьны ианырба 1
Увидев что они лучше всех I

анҭ ақкунцәа акака ркын ибжьаны 1
те молодцы их по одному поймав объездили I

иҧацәа /
его сыновья /

анҭ аҽкуа ихылцызгьы /
на тех конях им рожденных /

ирыкутәан иҳәеит 3
сидели говорит 3

4-й эпизод:

Уыс ишыҟахыз акумкуан иҳәеит 1
Как-то раз говорит I

еиҭеигуалашәагушьахт ани
он опять еще вспомнил ту реку

аҙаҷы ихәеит 1 — говорит 1

Изаҷы инеины ихәеит 4 — К своей реке придя говорит 4

ана ихәеит 1 — там говорит 1

иҷааила... дыҩрагь ихәеит — разд.. опять говорит та кобылица еще раз придя к воде говорит 1

ани аҷан аҙаҷы инеихын ихәеит 1 — когда в воду окунулась говорит/

азы аҷанылҭанажь ихәеит 1 — как и раньше когда человеком

анкьа даныуаҩыз еиҧш ихәеит / — был говорит /

дуаҩны даақалт ихәеит 1 — человеком стал говорит 1

Из третьей записи, сделанной 19 августа 1978 г.

1-й эпизод:

...дышҧшуаз 1 — ...глядел как вдруг 1

ҧсаатәк абас иааиуан иҵыхуан — птица вот так летела поблизости

азы 1 — река 1

азыхь ыҡан / — река была 1

амни аҙаҷы иааин / — к той реке прилетела /

(аҧсаатә еиқуаҵәаза иҡан) 1 — (птица вся черная была) 1

азы аҷанылҭанажь 1 — в воду окунувшись 1

ишкуакуаза иҩтытцны ицеит 1 — вся белой вылетела и улетела 1

2-й эпизод:

«Иабихуа ҵьоушьҭ 1 — «Иабихуа джьоушьт[9] 1

абри ишкуакуаза иҵытцны ицаз — как эта (птица) вся белой став

абри закузи 2 — вылетела и улетела что это 2

ишҧаҡалеи» ихәан 1 — как это случилось» сказав 1

[9] Междометие со значением удивления и любопытства.

длеин

ани азы /

(ани ишкуакуахан иахьтытцуаз аҽы) 1

длеин иара азы дҭалт 1

Длеин азы дҭалт 1

азы данҭала 1

дыҧхәызбаха даақалт 2

ицаитцуои 2

Ари азҧаб лҽыналхан /

(Нас дабацагушьоз /

анахь ани 1

и... /

ишәарыцара атәы агьи уи зегь ихашҭт /

ихашҭт

шьҭа /

дызҧабхт)

дышнеиуаз акумкуан 1

аҳак 1

иашҭа дақушәт 1

Ани аҳ иашҭаҽы ианақу... /

данақушәа 1

аа /

аусуцәа /

придя

к той реке /

(там где она [птица] белой став выходила) I

придя он в воду окунулся I

Придя в воду окунулся I

В воду окунувшись I

девушкой стал 2

Что он будет делать 2

Эта девушка отправилась /

(Ну куда бы она бедная пошла /

туда то I

про... /

про охоту свою и прочем все то забыл /

забыл

теперь /

он стал девушкой) I

как шел вдруг I

ко двору I

одного царя попал 1

Ко двору того царя попав I

аа /

работники /

(ҟас азҕабцәа иман) 2
аҳҭныҳәсахуҵқуа шнеиуаз
аннеи иҳәеит 1
...днарган иҳәеит 1
уа даанырқылт /
(уаҳа дабацоз иҳәеит) 1

Аҳ иҵкунак дыҟан иҧа иҳәеит 1
Ани азҕаб зҕаб бзиан иҳәеит 1

аҳ иҧа диитт 2
Аҳ иҧа диитан 3
х-оык 1
аҧацәа лхылтт 2
Илаазеит 1

(ведь девушек он имел) 2
дворовые девушки шли говорит I
ту увидели /
...привели говорит I
там ее оставили говорит /
(куда бы она еще пошла говорит) I

У царя один сын был говорит I
Та девушка хорошей девушкой была говорит I

Царь своему сыну ее отдал 2
Царь своему сыну ее отдал 3
трех I
сыновей родила 2
Их воспитала I

3-й эпизод:

Уи ашьтахь ишааиуаз
илгуалашәеит аамтала 2
ани дахьышәарыцозгьы 1
агьи азы иеахьтишьыз ззегь
игуалашәт 2
Иабцьар ахьыҟаитцаз агьи ззегь
игуалашәан аҳаҳаиҳәа
иеаанхан...
иеаанхан азҕаб 1
...ҳаиитодаҷ
к той /

После этого как-то она вспомнила однажды 2
и то где он охотился 1
и то где он в воду окунулся и прочее все-все вспомнив 2
Ружье свое где оставил и прочее все-все вспомнив мигом отправ... отправившись девушка I

азаҽы даахт 1 — реке опять пришла I

Азаҽы дааин данынтала 1 — К реке придя и окунувшись I

деанха даакалт 1 — кобылицей стала I

Иаакугьежьын аҽан иканатца- — Повернувшись кобылица бедная

гушьози игугуаза адэы иныкулт 1 — что бы она сделала бесцельно по полю бродить пошла I

Игугуаза адэы иныкулан адэы — Бесцельно бродила по полю и

ишыкуз ус ишнеиуаз — и бродя по полю вдруг

ихэеит 1 — говорит I

аҳ иуахьад ахьгуартцуаз ирыку- — к царскому табуну попала говорит I

шэт ихэеит 1 — Там среди коней осталась говорит I

Уа аекуа инрылалт ихэеит 1 — Там потом говорит I

Уа ишаааиуаз ихэеит 1 — кобылица отяжелела родила говорит I

аҽан ахьтэит ихьеит ихэеит — трех жеребят /

х-ҽабаҽцыск / — трех жеребят родила там говорит I

х-ҽабак арит убра ихэеит 1 — Тем самым человеком рожденных I

Иара абри ауаҩы ихылтцыз 1 — коней трое стало /

аекуа х-ҽык калеит / — и его сыновей трое стало /

иҧацэагьы х-ҩык калит / — Его сыновья людьми стали [выросли] I

Иҧацэа уаахыит 1 — коней поймав объездили I

аекуа кны иырбжьеит 1

4-й эпизод:

Иара еитааигуалашэыхт 3 — Он опять вспомнил 3

ани аеан аҷыԥанахан адырԥагь — та кобылица опять отправилась

ицан иҳәеит ани азы иҭалт — еще пошла говорит в ту реку

иҳәеит 1 — окунулась говорит I

Азы иантала иҳәеит 1 — В воду окунувшись говорит I

анкьа дуаԥны данышәарыцоз — как и раньше, когда был челове-

дшыҟаз еиԥш даақалт — ком охотником таким стал

иҳәеит 1 — говорит I

Из четвертой записи, сделанной 19 августа 1978 г., спустя около часа после третьей

1-й эпизод:

Дышԥшуаз / — Глядел как вдруг /

иаԥхьа / — впереди (него) /

азы ыҟан / — река была /

азы / — река /

зык ыҟан / — река одна была /

азаҷы иҳәеит / — в реке говорит /

ԥсаатә шкуакуак / — птица одна белая /

шкуакуаза иааин иҳәеит 1 — вся белой придя говорит I

абни азы аеылҭанажьын аеа- — в ту реку бросившись и окунув-

наатҭашь иҳәеит 1 — шись в нее говорит I

(ишкуакуаза оума еиқуатҵәаза I — (не белой а черной летела) I

ииаиуан) азы аеанаатҭашь — в воду окунувшись говорит I

иҳәеит 1

ишкуакуаза иоҭытцны ицеит — вся белой-белой [став] вылетела

иҳәеит 2 — и улетела говорит 2

2-й эпизод:

«Иабихуа ари I — «Иабихуа эта I

амни аа ишкуакуаза ицеит
ианаайуаз еикуаҵәан 1
ишҧаҟалеи» ха иҳәан /
длеин иҳәеит 1
нара азы иеылтишьзар иҳәеит 1
дызбабха дааҟалт иҳәеит 1
Дыҧхәызбаха данааҟала иҟанҵуои иҳәеит 1
иҿынеихан дышцуаз иҳәеит 1
аҳак иҳәеит 2
иашта дтанагалт иҳәеит 1
Дынлыхуаҧшын азбаб ссирк лоуп иҳәеит 1
... Ашьтахь 1
ани азбаб 1
аҳ иҧа диртт 1
Аҳ иҧа дышимаз убра хыҩҧаацәа лоут 3
Лычкунцәа уаахыит 1
илаазыит 1

та вся белой став улетела сюда
летела черной I
как это случилось» так сказав /
придя говорит I
когда он в реку окунулся говорит I
девушкой стал говорит 1
Девушкой став что он будет делать говорит I
отправившись шел говорит I
к одному царю говорит 2
во двор попал говорит 1
Глянул он на нее девушка прелестная говорит I
... Потом I
ту девушку I
царевичу отдали [в жены] I
Находясь у царевича там она трех сыновей родила 3
Сыновья ее стали людьми [выросли] I
она их воспитала I

3-й эпизод:

Ус ишыҟаз 1
адырҩагь ани /
(ажәытә 1

Как-то I
опять то /
(про то каким раньше I

дшыҟаз атәы имхуцгушьозы) 1
нгуалашәт 1
Афақьахәа иҿаайхан 2
ани азы аҿы даахт 2
Азы аҿы дааин адырҩагь азы дталт /
Азы дантала 1
дыҿанхт 2
Деанха данықала ани аегъы иҳәеит 1
адәы икүхо иныкулт /
ишықуз иҳәеит 1
аҳ иекуа ирыланагалт иҳәеит 1
иахылцт иҳәеит 1
шак 1
лцт иҳәеит 1
илхылцызгьы
згьы ехыит 1
уп иҳәеит 1

был он ведь бедный думал) 1
он вспомнил 1
мигом отправившись 2
к той реке опять пришел 2
К реке придя опять в воду окунулся /
В воду окунувшись 1
он стал кобылицей 2
Кобылицей став та кобылица говорит 1
по полю бродить пошла /
Бродя говорит 1
К царским коням попала говорит 1
Там она родила говорит 1
трех... трех меринов 1
коней родила говорит 1
Те молодцы ею рожденные тоже людьми стали [выросли] 1
кони ею рожденные тоже выросли в коней 1
их поймав объездили /
сыновья его на них ездят говорит 1

4-й эпизод:

Как-то говорит 1
аз говорит 1

ада◌ҩрагь ихәеит /	опять говорит /
ани а◌ҽан иагуалашәахт ихәеит 1	та кобылица опять вспомнила
ани азы	говорит I
дахьталаз ихәеит 1	ту реку, где окунулась говорит I
Апҟа◌ҳәа а◌ҽаанахан ихәеит 1	Мигом отправившись говорит I
а◌ҽы ааин ианынтала ихәеит 1	кобылица пришла и в воду оку-
ианы◌ҧтыцуаз	нувшись говорит I
ихәеит 1	когда выходил говорит I
анкьа данышәарыцоз дышуа◌ҩыз	как и раньше когда охотился
еҧш даақалт ихәеит 3	человеком стал говорит 3

Из пятой записи, сделанной 30 ноября 1980 г.

1-й эпизод:

Иаҧхьаҟа зыхьк леиуан /	Впереди него речка текла /
иаҧхьа /	впереди /
дахьынаҧшуаз 1	куда он глядел I
ҧсаатәк иеикуацәаза иаакыл-	одна птица вся черная прилетев 2
сын 2	
абни азыхь инталт 1	в ту реку окунулась I
Ианынтала 1	Окунувшись I
и◌ҧтҧрааит 1	вылетела I
иҟуашъа /	вся белой [став] /
ишкуакуахт 1	белой стала I
ишкуакуахан ицеит 1	белой став улетела I

2-й эпизод:

Анс ианца 1	Когда такой [став] улетела I
«Абри змаанузишь 3	«Что это значит 3

игуастапи» иҳәан /
иҷынеихан днеин 1
иартьы азы дталт 2
Азы дантала 1
данынтыц 1
дызбабха дкалент 2
Данзбабха икоицуеи дабацуаз 2

ихы ахьынахоз иҷынеихан
амҩа днанылт 2
Дышнеиуаз ахьшьцәа дрыкушәт 2
Ахьышьцәа данрыкушәа..
азбаб даашьтыхны аҳ иҷы
днаргт 2
Дахьнаргаз 1
аҳ иҧҳәысгьы иаргьы 1
азбаб дыргуаҧхеит 1
Дара ачкун бзиа дрыман 1
рычкун диртт 3
Убра убри азбаб илхылцт /
х-оык ахацәарҧарцәа 2
Х-оык ачкунцәа лхылцын /
илаазеит 3

посмотрю-ка» сказал /
отправился придя 1
и сам в воду вошел 2
В воду окунувшись
вышел 1
девушкой став 2
Девушкой [став] что бы он сделал
куда бы пошел 2
отправился куда глаза глядят
по дороге пошел 2
По пути он на пастухов набрел 2
Когда на пастухов набрел...
они девушку взяли и к царю
привели 2
Когда (туда) привели 1
и царице, и царю 1
девушка понравилась 1
Они сына хорошего имели 1
сыну своему ее отдали (в жены) 3
Там та девушка родила /
трех молодцев 2
Трех сыновей родив /
она (их) воспитала 3

3-й эпизод:

Ахоык ахылаазе 2
Когда трех [сыновей] воспитала 2

ашьтахь 1

дшааиуаз 1

илгуалашәт 1

аамҭала 1

дышхаҵаз 1

амни азаҽы ишлыхьыз 1

Апҟаҳҳәа иааҟулыршәын

азаҽы дааин 1

азы деиҭаҭалт 1

Азы данҭала 3

даныҩтытцуаз ус дтытцхт 1

дыҽеанхт 2

Дҽеанхан /

иҽынеихан 1

аҽынанахан ани аҽан ишнеиуаз 1

ани аҳ иуахьад ирылалахт 1

ирыҟушәт 1

Уа ишрылаз 1

убра 1

иахылҵит 1

х-ҽабаҽцыск 4

Урҭ аҽкуагьы 2

иахылҵыз ааҙеит 1

аҽан 1

потом I

как-то I

она вспомнила I

как когда-то I

мужчиной была I

что с нею в той реке приключилось I

Мигом отправившись к реке пришла I

в воду опять окунулась I

В воду окунувшись 3

при выходе из нее так вышла I

кобылицей став 2

Кобылицей став /

отправился I

отправилась та кобылица шла I

в табун того царя опять попала I

в табун попала I

Там [находясь] I

там

она родила I

трех жеребят 4

Тех коней 2

рожденных ею I

воспитала I

кобылица I

4-й эпизод:

Уэрыхьы анеха ягьа 2 ... Когда и они (кони) выросли 2

адэрыгь дамтала 2 опять как-то 2

дыпуэныж 2 как человеком была 2

... опять та кобылица еще

вспомнила 2

ани азэры ишахьыж 1 что с нею в той реке приключилось I

Алкаехэа / Мигом /

... кобылица опять отправившись I

... пришла и в воду окунулась I

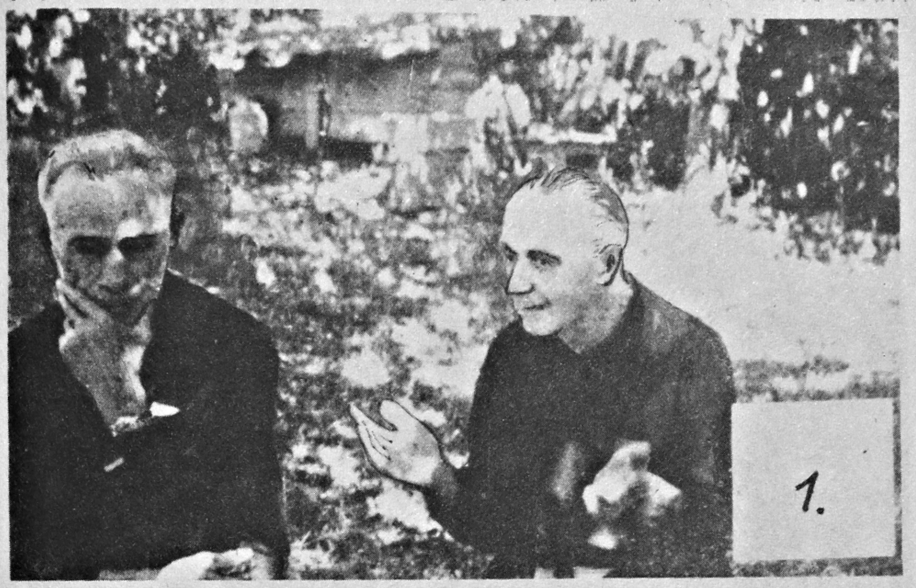
... Окунувшись в воду, когда он из

нее вышел как и раньше

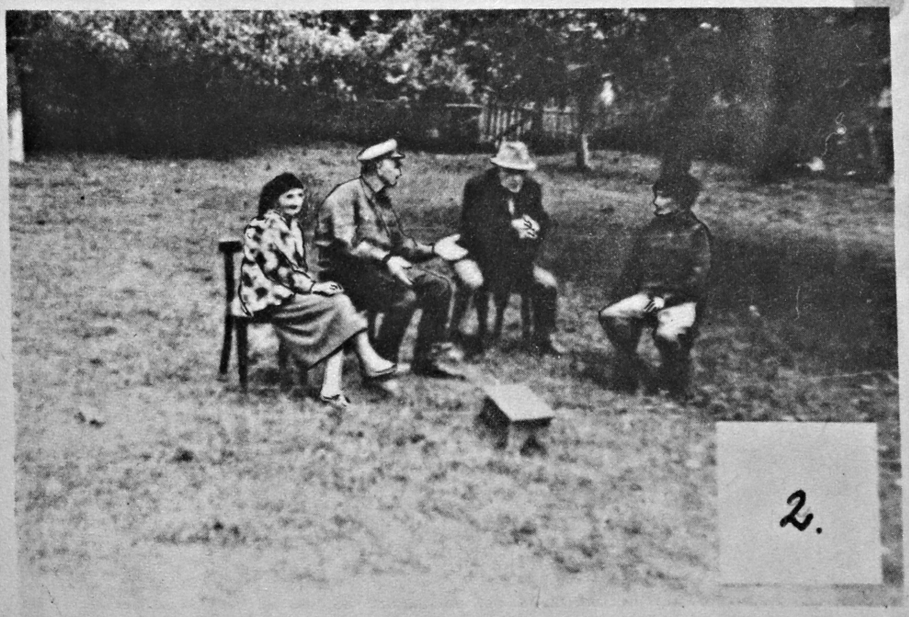
человеком стал 3

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ИСКУССТВО СКАЗОЧНИКА В КИНО- И ФОТОДОКУМЕНТАХ

1.

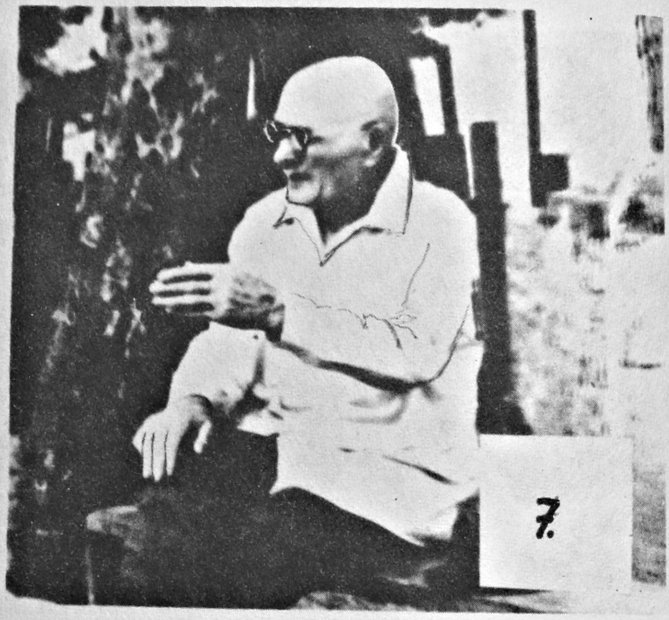
2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

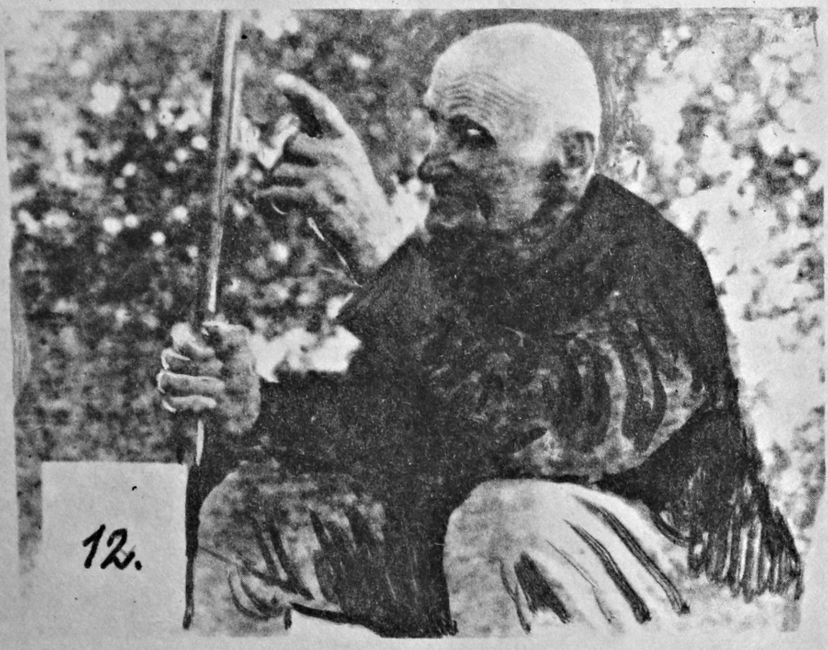
10.

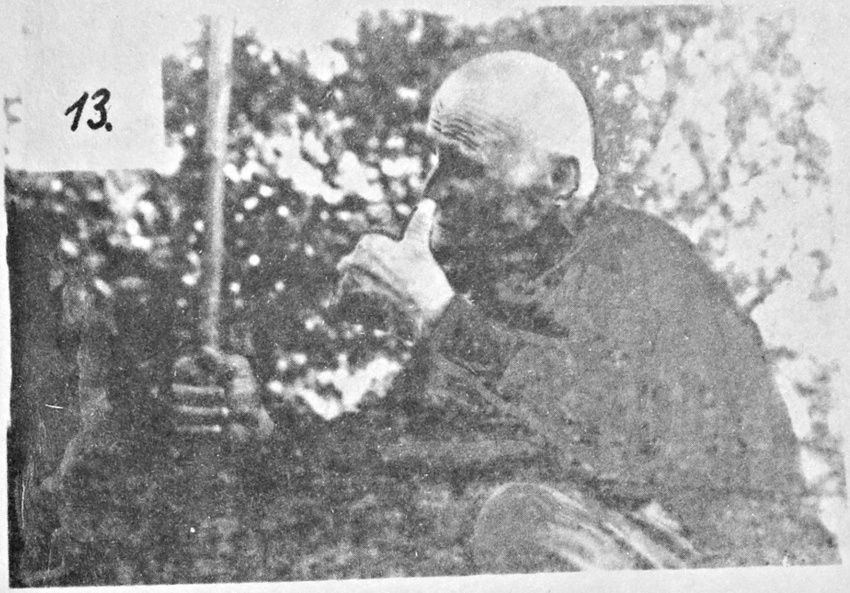
9.

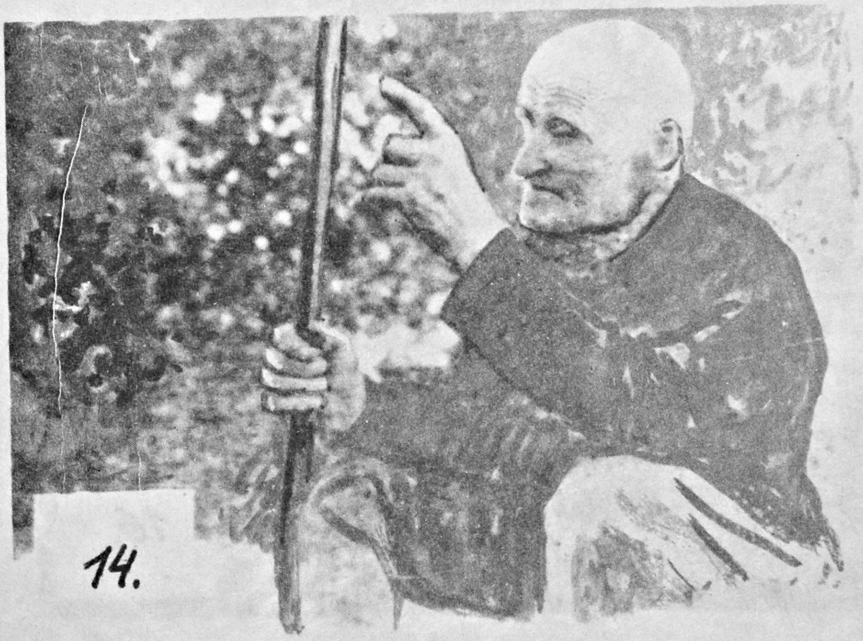
11.

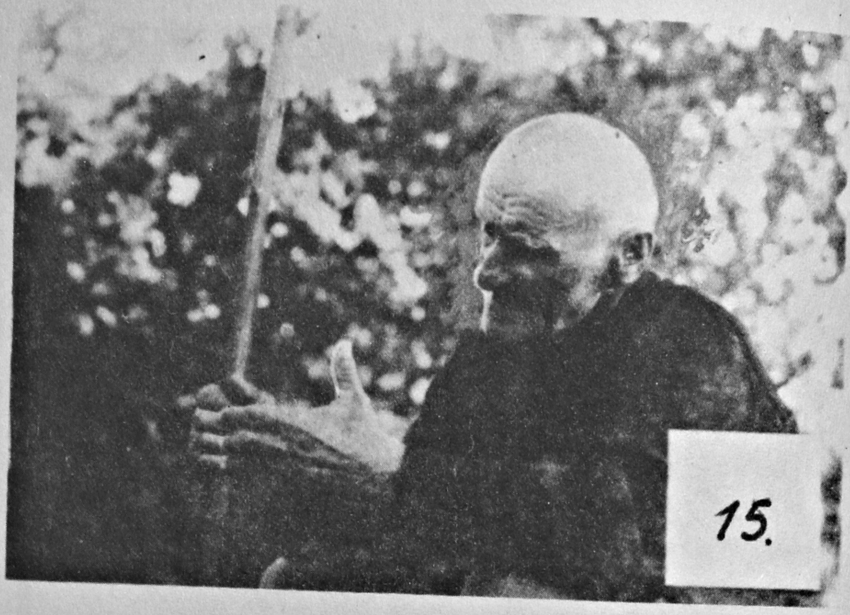
12.

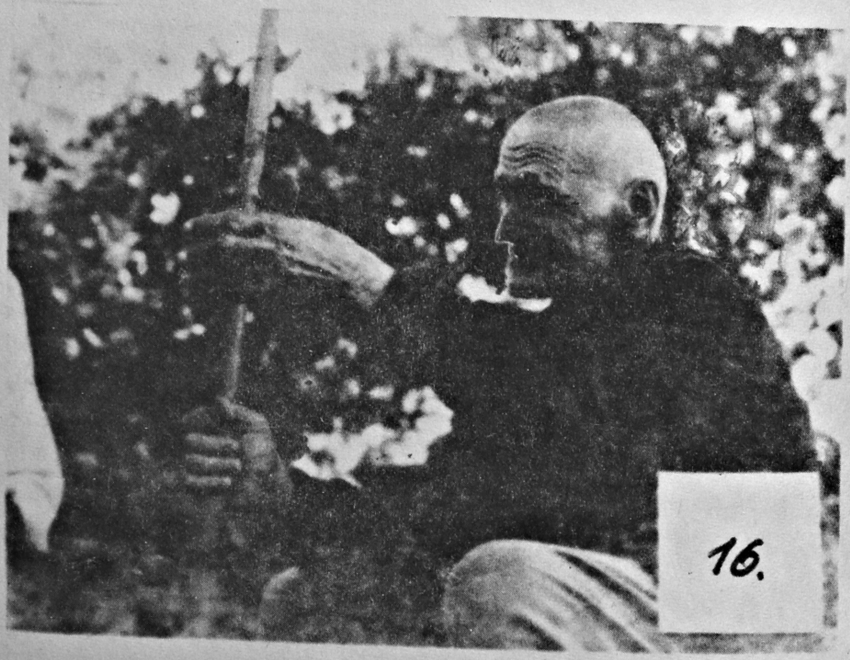
13.

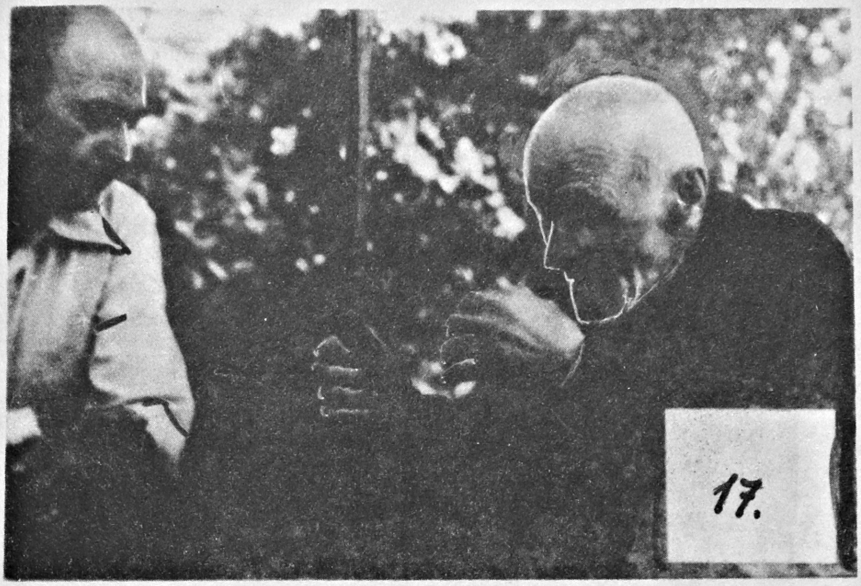
14.

15.

16.

17.

19.

18

20

21.

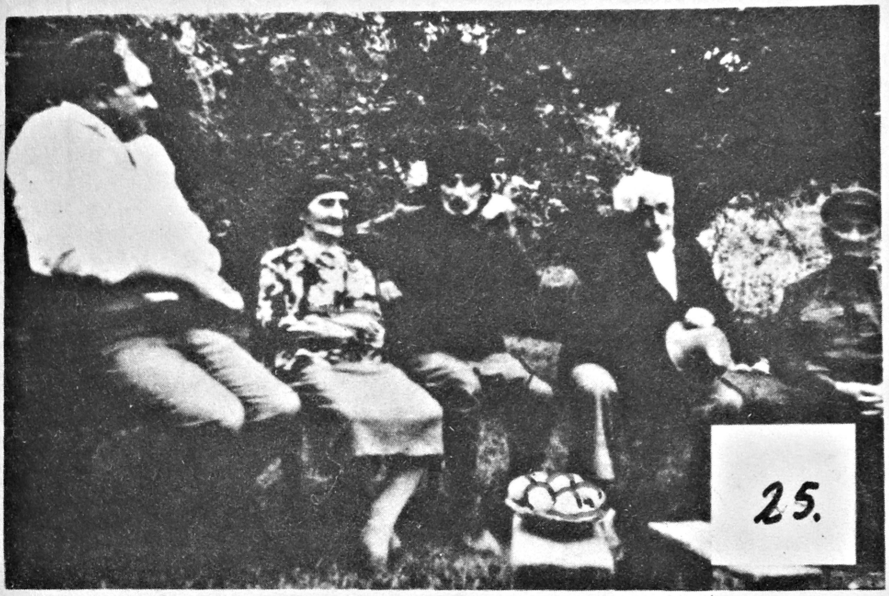
22.

23.

24.

25.

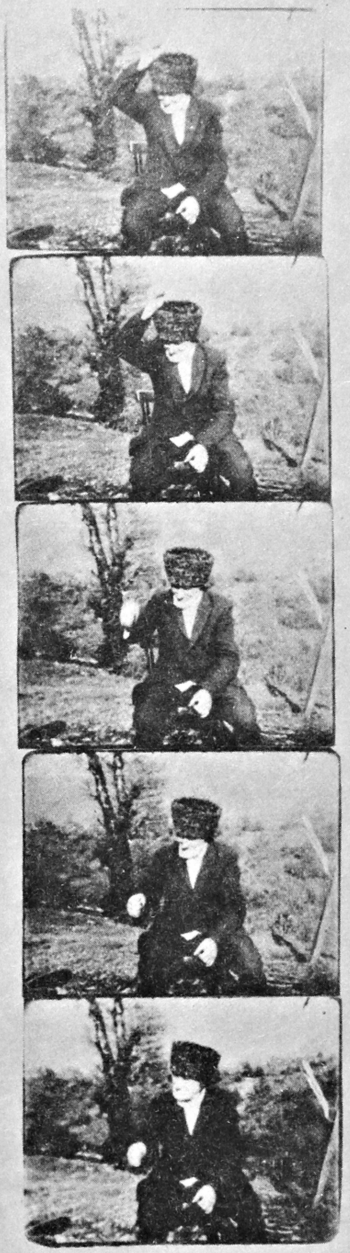

26.

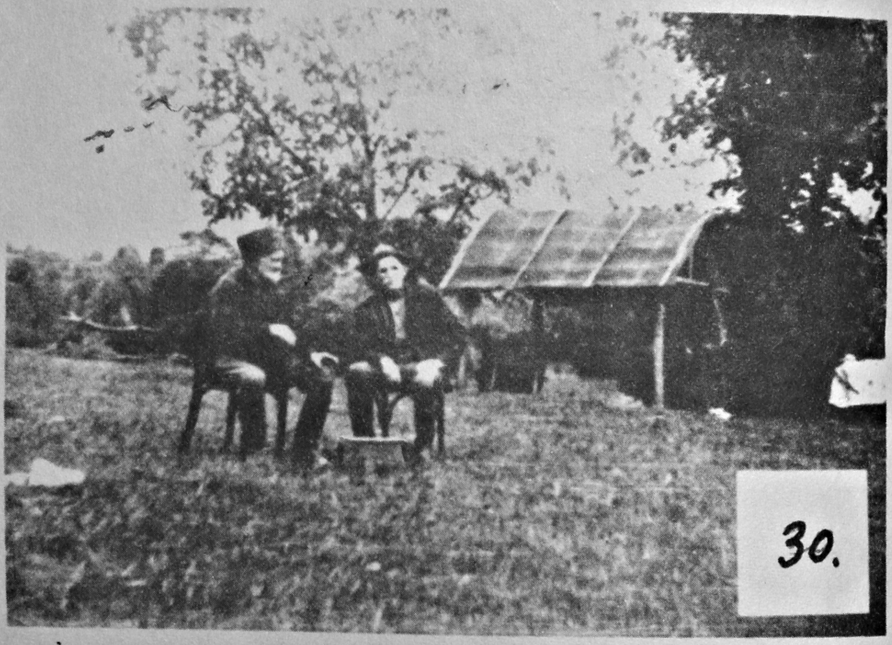
27.

28.

29.

30.

31.

32.

33.

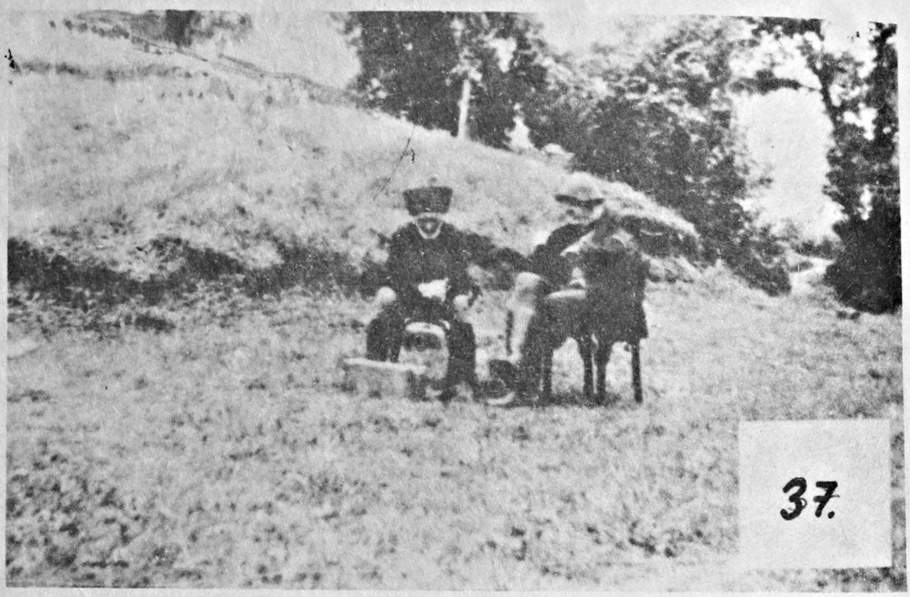
34.

35.

36.

37.

38.

39.

40.

АБХАЗСКАЯ НАРОДНАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА «АЖӘАЛА АҚУАБ ЗЫРШЫЗ»

«Словом (речью) вскипятивший котел (воды)» в звукозаписи

Исполнитель: Колбая Халит Мсуратович (1900 г. рожд., с. Абгархук Гудаутского р-на Абхазской АССР)

На 1-й стороне грампластинки: 1-я запись сказки от 19 августа 1978 г.

На 2-й стороне: окончание 1-й записи сказки и 3 ритмических «отрезка» из 2-й записи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Источники фольклорных текстов (рукописных и печатных) и условные сокращения[1]

1. Зухба — Абхазские сказки. Собр. и подг. к печ. С. Л. Зухба. Тбилиси, 1978 (на абх. яз.).
2. Марр — Материалы абхазского фольклора (из архива акад. Н. Я. Марра). Сост., подг. к печ. С. Л. Зухба. Сухуми, 1967 (на абх. яз.).
3. Т № 1—7 — Рукописный архив автора (1976—1981 гг.), состоящий из текстов сказок, записанных автором в селах и деревнях различных районов Абхазской АССР.
4. Шакрыл—Бгажба — Абхазские сказки. Т. I. Сост. К. С. Шакрыл, Х. С. Бгажба. 2-е изд. Сухуми, 1965 (на абх. яз.).
5. Шакрыл — Абхазские сказки. Т. II. Сост. К. С. Шакрыл. Сухуми, 1968 (на абх. яз.).

2. Теоретическая литература

6. Адлейба Дж. Я. Традиционные формулы абхазской волшебной сказки. — Алашара, Сухуми, 1978, № 12 (на абх. яз.).
7. Адлейба Дж. Я. Повествовательный опыт сказки. — Алашара, Сухуми, 1979, № 6 (на абх. яз.).
8. Адлейба Дж. Я. Сказочник как артист. — Искусство Абхазии. Театр. Музыка. Живопись. Архитектура. Хореография. Сухуми, 1979, № 2 (с фотодокументами, на абх. яз.).
9. Адлейба Дж. Я. Неформульно-повествовательная стереотипия в волшебной сказке. — Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР (Поэтика и стилистика). М., 1980.
10. Адлейба Дж. Я. Мимика и жест в искусстве сказочника. — Ерцаху. Сухуми, 1981 (на абх. яз.).
11. Адлейба Дж. Я. Мастерство абхазских сказочников. — Искусство Абхазии. Театр. Музыка. Живопись. Архитектура. Хореография. Сухуми, 1984, № 4 (на абх. яз.).
12. Адлейба Дж. Я. Традиционный синкретизм сказки. — Известия АбНИИ, 1985. Тбилиси, 1989 (на абх. яз.).

---

[1] В связи с изменениями принципов указания литературы уточнены ссылки на источники в тексте. Источнику 13 (на с. 4) соответствует источник 5 настоящей Библиографии, а также: 14 (с. 4) — 4; 24 (с. 4) — 20; 36 (с. 11) — 28; 73 (с. 4) — 55; 74 (сс. 3, 4, 5, 12) — 56; 89 (с. 3) — 2; 95 (с. 4) — 72; 110 (с. 6) — 83; 111 (с. 4) — 84; 112 (с. 61) — 85; 120 (с. 61) — 93; 125 (с. 4) — 96; 128 (с. 148) — 99; 151 (с. 4) — 114; 163 (с. 62) — 125.

13. Адлейба Дж. Я. Повтор как элемент и фактор внутренних повествовательных связей. — Труды АГУ, т. VII. Сухуми, 1989 (на абх. яз.).
14. Азадовский М. К. Беседы собирателя. М., 1924.
15. Азадовский М. К. Русская сказка. Избранные мастера. Л., 1932.
16. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
17. Аникин В. П. Особенности стиля, мотивов и сюжета народной сказки как явления коллективного творчества. — Литературные направления и стили. М., 1976.
18. Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.
19. Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1959.
20. Аншба А. А. Вопросы поэтики абхазского народного эпоса. Тбилиси, 1976.
21. Артемов В. А. К вопросу об интонации русского языка. — Ученые записки МГПИЯ. 1953, т. 6.
22. Артемов В. А. Метод структурного изучения речевой интонации. М., 1974.
23. Артемов В. А. Об интонации. — Труды Военного института иностранных языков. Вопросы интонации. 3—4. М., 1953.
24. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1969.
25. Бараг Л. Г. Беларуская казка. Мінск, 1969.
26. Бараг Л. Г. О традиционной стилистической форме белорусских сказок и ее изменениях. — О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1964.
27. Бараг Л. Г. Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок (систематический указатель). — Славянский и балканский фольклор. М., 1971.
28. Бахтина В. А. Время в волшебной сказке. — Проблемы фольклора. М., 1975.
29. Бахтина В. А. Пространственные представления в волшебной сказке. — Фольклор народов РСФСР. Вып. I. Уфа, 1974.
30. Бгажба Х. С. Этюды и исследования. Сухуми, 1974.
31. Богатырев П. Г. Традиция и импровизация в народном творчестве. — Богатырев П. Г. Вопросы поэтики народного искусства. М., 1971.
32. Блажес В. В. Присказка. Закон композиционного контраста. — Фольклор Урала. Народная проза. Свердловск, 1976.
33. Борковский В. М. О двух ярких синтаксических особенностях русских сказок. — Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 38, № 1. М., 1969.
34. Брауде Л. Ю. Сказочники Скандинавии. Л., 1974.
35. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.
36. Баранникова Е. В. Бурятские волшебно-фантастические сказки. Новосибирск, 1978.
37. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М., 1975.
38. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
39. Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. XVI. Статьи о сказке. Отв. ред. В. Жирмунский. М.—Л., 1938.
40. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1961.
41. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
42. Волков Р. М. Сказка. Розыскания по сюжетосложению народной сказки. Харьков, 1924.

43. Всеволодский-Генгросс В. Теория русской речевой интонации. М., 1922.
44. Гацак В. М. Проблема фольклористического перевода эпоса. — Фольклор. Издание эпоса. М., 1977.
45. Гацак В. М. Сказочник и его текст (к развитию экспериментального направления в фольклористике). — Проблемы фольклора. М., 1975.
46. Гацак В. М. Эпический певец и его текст. — Типология народного эпоса. М., 1975.
47. Герасимова Н. М. Пространственно-временные формулы в русской волшебной сказке. — Русский фольклор. Л., 1978.
48. Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки. — Советская этнография, № 5, 1978.
49. Гофман Э. В. К вопросу об индивидуальном стиле сказочника. — Художественный фольклор. IV—V. М., 1928.
50. Далгат У. Б. Вопросы научного анализа и критической оценки эпических текстов в эдиционной работе. — Фольклор. Издание эпоса. М., 1977.
51. Елеонская Е. Н. Некоторые замечания по поводу сложения сказок. Заговорная формула в сказке. М., 1912.
52. Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.
53. Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах. — Историко-филологические исследования (Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада). М., 1967.
54. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
55. Зухба А. Ш. Фольклор и становление абхазской художественной прозы. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1966.
56. Зухба С. Л. Абхазская народная сказка. Тбилиси, 1970.
57. Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми, 1977.
58. Иванова Т. П. Исполнительское мастерство сказочницы. — Вопросы поэтики, литературы и фольклора. Воронеж, 1974.
59. Карнаухова И. В. Об изучении сказочника как артиста (публикация Гацака В. М.). — Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.
60. Кирдан Б. П. Собиратели народной поэзии (Из истории украинской фольклористики). М., 1974.
61. Кравцов Н. И. Историческая поэтика фольклора (Принципы и проблема). М., 1977.
62. Ланг Э. Мифология. М., 1901.
63. Лихачев Д. С. Время в произведениях русского фольклора. — Русская литература. Л., 1964, № 4.
64. Лихачев Д. С. Замкнутое время в сказке. Л., 1967.
65. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
66. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
67. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
68. Мелетинский Е. М. Миф и сказка. — Фольклор и этнография. Л., 1970.
69. Мелетинский Е. М. и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки. — Труды по знаковым системам. Тарту, 1969.
70. Миллер В. Ф. Всемирная сказка в культурно-историческом освещении. — Русская мысль. 1893, № 11.

71. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897, т. I.
72. Морина З. М. Некоторые стилистические приемы и другие художественные особенности абхазских сказок. — Труды АбНИИ, вып. XVI. Сухуми, 1939.
73. Никифоров Н. И. Структура чукотской сказки. — Советский фольклор. М.—Л., 1936.
74. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.
75. Новиков Н. В. К художественной специфике восточнославянской волшебной сказки (начальные и заключительные формулы). — Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979.
76. Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979.
77. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М., 1970.
78. Плисецкий М. М. Роль памяти в фольклорном процессе. — Проблемы фольклора. М., 1975.
79. Померанцева Э. В. Русские сказочники. М., 1976.
80. Померанцева Э. В. Соотношение эстетической и информативной функций в разных жанрах устной прозы. — Проблемы фольклора. М., 1975.
81. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1964.
82. Принципы текстологического изучения фольклора (Сборник статей. Отв. ред. Б. Н. Путилов). М.— Л., 1966.
83. Проблемы фольклора. М., 1975.
84. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
85. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928; М., 1969.
86. Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров. — Советская этнография, № 4, 1964.
87. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.
88. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
89. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.
90. Путилов Б. Н. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории. М., 1977.
91. Пухов И. В. Научный перевод народного героического эпоса (на материале якутских олонхо). — Фольклор. Издание эпоса. М., 1977.
92. Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М., 1975.
93. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974.
94. Савушкина Н. И. О собирании фольклора. М., 1974.
95. Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976.
96. Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.
97. Савченко С. В. Русская народная сказка (История собирания и изучения). Киев, 1914.
98. Сакали М. А. Туркменский сказочный эпос. Ашхабад, 1956.
99. Саука Л. Интонация в сказке. — Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.
100. Саука Л. Оппозиции песня-повествование, стих-проза в фольклоре. — Проблемы фольклора. М., 1975.
101. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1881—1929 с интервалом.
102. Семиотика и художественное творчество. М., 1977.

103. Сказание о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969.
104. Славянский и балканский фольклор. М., 1971.
105. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924.
106. Соколова В. М. О некоторых традиционных символах славянской народной поэзии. М., 1973.
107. Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М., 1959.
108. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.
109. Специфика фольклорных жанров. М., 1973.
110. Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
111. Текстологическое изучение эпоса. М., 1971.
112. Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М., 1975.
113. Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. М., 1980.
114. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1977.
115. Фольклор. Издание эпоса. М., 1977.
116. Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.
117. Фольклористика Российской Федерации. Л., 1975.
118. Фрезер Д. Золотая ветвь. Вып. 1—4. Л., 1928.
119. Фрезер Д. Фольклор в Ветхом Завете. М.—Л., 1931.
120. Храпченко М. Б. Историческая поэтика и ее предмет. — Историко-филологические исследования. Т. 2. М., 1974.
121. Храпченко М. Б. Художественное творчество. Действительность. Человек. М., 1976.
122. Черняева Н. Г. Проблемы типологии искусства севернорусского былинного сказителя. Автореф. диссерт. на соиск. уч. степ. канд. филологич. наук. Минск, 1977.
123. Чистов К. В. Современное народное творчество, его собирание и изучение. М., 1963.
124. Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. М., 1963.
125. Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект. — VIII международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.
126. Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959.
127. Asadowskij M. K. Eine sibirische Märchenerzählerin. Helsinki, 1926 (FFC, N 68).
128. Anderson W. Ein volkskundliches Experiment. Helsinki, 1951 (FFC, N 141).
129. Anderson W. Eine neue Arbeit zur Experimentellen Folkskunde. Helsinki, 1956 (FFC; N 168).
130. Beit, H. v. Symbolik des Märchens. Bern, 1956.
131. Berendsohn W. Grundformen Erzählkunst in der Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Hamburg, 1922.
132. Bolte—Polivka. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen. vol. I—III. 1913—20.
133. Degh L. Märchen, Erzähler und Erzählgemeinschaft. Berlin, 1962.

134. Frensel E. Stoff- und Motivgeschichte. Berlin, 1966.
135. Gašparikova V. Zo zivota slovenskej prozaiskej tradicie v súcasnost.— Проблеми на българския фолклор. С., 1972.
136. Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1968.
137. Hensseń G. Volkstümlicher Erzählkunst. Wuppertal—Eberfeld, 1936.
138. Jolles A. Einfache Formen. Legende, Sage, Mythe, Rätzel, Kasus. Halle (Saale), 1956.
139. Lüthi M. Das Europäische Volksmärchen. Form und Wesen. Bern, 1947.
140. Lüthi M. Das Märchen. 2. Auflage. Stuttgart; 1962.
141. Lüthi M. Volksmärchen und Volkssage. Zwei Grundformen erzählender Dichtung. 3. Auflage. Stuttgart, 1962.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адлейба Дж. Я. 331, 332
Агрба Г. 34, 99, 100, 157, 160, 168
Азадовский М. К. 332, 335
Андреев Н. П. 4, 332
Аникин В. П. 332
Анкваб Б. 57, 58, 99, 102, 116, 122, 157, 159, 160, 164
Аншба А. А. 4, 332
Артемов В. А. 332
Афанасьев А. Н. 332
Бараг Л. Г. 5, 332
Баранникова Е. В. 332
Барциц К. Ф. 47
Бахтина В. А. 5, 332
Бгажба Х. С. 4, 6, 12, 13, 15, 16, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 32, 43, 37, 38, 39, 40, 64, 79, 80, 88, 92, 93, 331, 332
Бениа Т. К. 57, 59, 100
Бечвая Р. 15, 102, 161
Блажес В. В. 5, 332
Богатырев П. Г. 332
Борковский В. М. 332
Брауде Л. Ю. 332
Брызгунова Е. А. 332
Ведерникова Н. М. 332
Веселовский А. Н. 332
Виноградов В. В. 332
Волков Р. М. 332
Всеволодский-Генгросс В. 333
Гацак В. М. 5, 156, 333
Герасимова Н. М. 5, 333
Гофман Э. В. 333
Далгат У. Б. 333
Елеонская Е. Н. 5, 31, 333
Еремина В. И. 333
Жирмунский В. М. 333
Зухба А. Ш. 4, 333
Зухба С. Л. 3, 4, 5, 6, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 51, 52, 53, 54, 56, 63, 75, 76, 77, 86, 87, 88, 94, 218, 233, 234, 331, 333
Зухба Т. С. 47, 100
Иванова Т. П. 5, 333
Инал-ипа Ш. Д. 333
Карнаухова И. В. 5, 156, 333
Кукба В. 4
Кирдан Б. П. 333
Квачахиа Ш. 18, 98, 112, 117, 118, 120, 121, 130, 158, 160, 161, 163, 165, 166, 167, 171
Квициниа Г. 35, 161, 184
Квициниа Л. 57, 58, 59, 184
Квициниа К. 161
Куркунаа К. 88, 233
Кравцов Н. И. 333
Колбая Х. М. 15, 18, 24, 27, 28, 31, 41, 47, 51, 82, 86, 88, 98, 100, 101, 105, 106, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 124, 130, 137, 138, 139, 140, 142, 151, 153, 157, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 169, 172, 174, 177, 194, 196, 197, 200, 202, 234, 235, 236
Конджариа Н. З. 17, 34, 97, 98, 99, 104, 112, 117, 118, 158, 159, 162
Лакоба Е. М. 41, 42, 82, 190
Лакоба Д. 47
Лакрба М. А. 47
Ланг Э. 333
Лихачев Д. С. 333
Лотман Ю. М. 333
Марр Н. Я. 3, 4, 6, 11, 12, 13, 16, 18, 20, 21, 22, 25, 28, 29, 30, 32, 33, 34,

36, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 62, 65, 82, 91, 190, 191, 192, 205, 331, 333
Мелетинский Е. М. 333
Миллер В. Ф. 333
Морина З. М. 334
Никифоров Н. И. 334
Новиков Н. В. 5, 334
Пермяков Г. Л. 334
Плисецкий М. М. 334
Померанцева Э. В. 334
Пропп В. Я. 4, 61, 334
Путилов Б. Н. 334
Пухов И. В. 334
Рошияну Н. 5, 61, 334
Савушкина Н. И. 5, 156, 334
Савченко С. В. 5, 334
Сакали М. А. 334
Салакая Ш. Х. 4, 334
Саука Л. 334
Скафтымов А. П. 335
Соколова В. М. 335
Соколов Б. М. 335
Соколов Ю. М. 335
Тарнава М. И. 41, 43, 45, 82, 191
Тейлор Э. 335
Торсуева И. Г. 335
Фрезер Д. 335
Храпченко Б. М. 335
Черняева Н. Г. 335
Чистов К. В. 335
Чичеров В. И. 335
Шакрыл К. С. 4, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 64, 68, 71, 79, 80, 88, 92, 93, 94, 233, 331
Шакрыл П. С. 41, 42, 43, 45, 82, 192
Anderson W. 335
Beit, H. v. 335
Berendsohn W. 335
Bolte—Polivka 335
Degh L. 335
Frensel E. 336
Gašparikova V. 336
Hamburger K. 336
Henssen G. 336
Jolles A. 336
Lüthi M. 336

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ АБХАЗСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ 10

I. Основные типы традиционных формул абхазской волшебной сказки 10

§ 1. Начальные (вступительные) формулы 10

§ 2. Серединные формулы 14

а) Фабульно не обусловленные формулы 14

б) Фабульно обусловленные формулы 16

§ 3. Конечные (заключительные) формулы 34

II. Традиционные формулы во времени 40

Глава 2. НЕФОРМУЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТЕРЕОТИПИЯ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ 61

§ 1. Разновидности стереотипии 61

§ 2. Система неформульной стереотипии во времени . . 81

§ 3. Повторы как система 90

Глава 3. ИНТОНАЦИОННО-РИТМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СКАЗКИ . . 96

§ 1. Роль интонации и ее разновидности 96

а) Интонационное соотношение сказки с действительностью 96

б) Варьирование интонации. Динамическая интонация . 102

в) Ритмическое членение сказочного текста. Однотипно-перечислительная интонация 111

§ 2. Ритмическое членение и его сохраняемость во времени (Интонационно-ритмическая память во времени) . . . 122

§ 3. Интонация и повтор 137

а) Стереотипия повествования и интонационных сочетаний (отрезков) 137

б) Интонационно-повествовательная память во времени . 151

Глава 4. МИМИКА И ЖЕСТ В ИСКУССТВЕ УСТНОЙ СКАЗКИ . . 156

§ 1. Жесты и их типы 156

а) Текстуально обусловленные жесты и мимика . . . 157

б) Текстуально не обусловленные жесты 160

§ 2. Жесты и ритмическое членение речи 161

а) Жесты и ритмическое членение речи в пределах однократных записей сказки 161

б) Жесты и ритмическое членение речи во времени . . 165

§ 3. Жесты и повтор 172
а) Жесты и повтор в пределах однократных записей сказки 172
б) Жесты и повтор во времени 183

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 186

Приложение I. Образцы стереотипических повторов в разновременных записях абхазских волшебных сказок 190

Приложение II. Интонационная запись словесно-смысловых повторов . 241

Приложение III. Искусство сказочника в кино- и фотодокументах . . . 269

Приложение IV. Абхазская народная волшебная сказка «Ажэала акуаб зыршыз» «Словом (речью) вскипятивший котел (воды)» в звукозаписи 330

Библиография 331

Указатель имен 337

Сдано в произв. 17.01.90 г. Подп. к печ. 27.05.91 г.
Формат 60 x 84 1/16. Типогр. бум. № 2. Физ. печ. л. 25,75.
Усл. печ. л. 23,95. Усл. кр.-отт. 24,06. Уч.-изд. л. 23,04.
Заказ 190. Тираж 700. Цена договорная.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. В. И. Ленина,
Управление по печати при Совете Министров
Абхазской АССР. Сухуми, ул. Эшба, 168.